

Книга первая.

СОЛНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

I

Этот человек появился, как будто из ничего. Он возник из большого людского фона, поначалу ничем не выделяясь из его многоликой беспрерывно текущей мозаики. И, возможно, со временем, затерявшись в ее пестроте, он так бы и ушел из моей памяти, как год за годом уходят сотни случайно встречающихся людей, если бы не выделил его из большого людского окружения фантастический случай и если бы спустя некоторое время этот человек самым неожиданным образом вдруг не исчез.

Он пропал, не оставив о себе ничего. Несколько дней я его искал, навел справки, но никто ничего не мог о нем сказать. Никто не знал, откуда он взялся, где жил и чем занимался. Никто не знал даже его фамилии. И, если бы не мои расспросы, никто и не заметил бы его исчезновения.

Во мне же разгорелся интерес. С каждой новой неудачей в своих поисках я все сильнее и сильнее ощущал потребность найти его. Я все больше и больше жалел о том, что так мало уделял ему внимания, и корил себя за то, что так поверхностно отнесся к нему, так легковесно слушал все, что он рассказывал.

Да, главное, ради чего я его искал, - это его рассказы. Невообразимо нелепые и непередаваемо несуразные.

Я несколько раз в подробностях воспроизводил в своей памяти ту минуту, с которой началось наше общение, и поражался, с какой легкостью и естественностью он начал свое несуразнейшее и удивительнейшее повествование...

- А на Солнце вы не бывали? - спросил он меня...

Нет, не на солнечной лужайке, не на пляже под солнцем, а на самом Солнце - на далеком раскаленном небесном гиганте.

Абсурдный вопрос был задан так просто и естественно, будто предполагал столь же простой и естественный ответ.

- Нет, - сказал я, - там бывать мне не доводилось...

II

...Стоял теплый летний вечер. Наш небольшой палаточный лагерь был разбит на берегу маленькой извилистой речушки. Лето катилось к своему исходу, и приближающееся межсезонье напоминало о себе быстрым наступлением вечерней темноты. Буйной туристической братией собрались мы вокруг большого костра. Его огонь под стать общему разгульному настроению бойко прыгал, по-бойцовски раздвигая подступающие со всех сторон сумерки. Звенели и плакали гитары. Мы пели, шумели, смеялись, от души упиваясь этими дивными минутами. А когда на темнеющем небосводе стали зажигаться первые крохотные звездочки, мы обратили наши взоры наверх. Там мы стали разыскивать едва различимые точки, пытаясь угадывать проступающие созвездия. Их неторопливое

появление в небесной вышине навяло разговоры о полетах, о душе и о вселенной.

Начав со звезд и полетов, позавидовав птицам, мы вскоре перешли к рассказам о сновидениях. Увы, нам, рожденным ходить, природа даровала только такой способ испытывать наслаждение свободного полета. Кто из нас не летал во снах? Кому не знакомо сладостное ощущение парения над землей? Мы делились упоительными воспоминаниями об этих эфемерных эпизодах. Об одном из таких снов рассказал и я. Во сне мне удалось взлететь потрясаяще высоко и достичь облаков. Я, насколько смог, живо и в красках описал чувство неведомого восторга - чувство, которое мне никогда не доводилось испытывать наяву. Вспомнил, как натурально ощущал пробегающий по спине холодок, когда, прохаживаясь по рыхлым клочьям тумана, заглядывал сквозь их разрывы на далекую землю...

- А на Солнце Вы не бывали? - вдруг услышал я вопрос одного из собеседников. Человек, спросивший меня, был мне незнаком. В тот поход собрались люди из самых разных мест, и мы еще не успели перезнакомиться.

- Нет, - ответил я ему, - там побывать мне не довелось... Выше облаков оказался твердый небосвод. Я уперся в него головой.

Кстати, мне действительно в том сне приснился твердый небосвод, и я действительно коснулся его своим собственным затылком, испытав ощущение самой настоящей полумистической жути, и поэтому я тут же рассказал публике о нависшей над нашим миром небесной тверди и в подходящих случаю комических подробностях

описал ощущения, испытанные мною в момент такого открытия. Мои слова оживленно были восприняты всеми, однако реакция спросившего меня человека оказалась неожиданной. Нисколько не улыбнувшись, он сказал:

- Вы, должно быть, обладаете глубочайшей генетической памятью. У Вас во сне воспроизвелись представления древних людей о мире...

- О-о-о! - загоготала компания, заглушив его последние слова. Однако моего неожиданного собеседника это нисколько не смутило.

- Они были именно такими, - продолжил он, не меняя голоса, - облака, по которым можно ходить, и твердая небесная полусфера, за которой кончается мироздание.

Помню, я покосился на собеседника. Такие романтические слова - и так серьезно были сказаны!.. Мне осталось в ответ только пожать плечами.

- А вот мне довелось во сне подняться выше, - очень тихо, но достаточно внятно сказал он. - Я побывал на Солнце.

Сказав это, мой собеседник отклонился от костра и растворился в сумерках.

Вот так просто и бесхитростно въехали мы с ним в нелепейшую тему. В ту минуту я не придавал этому никакого значения. Незнакомый собеседник исчез из поля зрения, и я забыл о нем совершенно...

...Быстро пролетели вечерние часы. Утомленные туристы разбрелись по палаткам, и спустя некоторое время я сидел

в одиночестве у догорающих головешек. Стояла глубокая ночь, однако спать совершенно не хотелось. Над головой полыхало мириадами звезд небо, ночной воздух гудел и стрекотал тысячами звуков насекомых. Ползающий по головешкам огонь облизывал остатки бывшего костра. Душа была свежа и чиста, и ни о чем не хотелось думать. Я сидел, растворившись в этой фантастической ночи. Мысли беспорядочно роились подобно окружавшему меня царству мотыльков-сверчков-букашек. Я смотрел на звезды и витал где-то далеко в их бесконечных мирах...

- Вы были правы, - вдруг услышал я обращенный к себе голос. - Человек может испытать во сне самые необычные ощущения.

От неожиданности я вздрогнул. По ту сторону костра из темноты выделился силуэт. Незнакомый человек подошел к огню и уселся напротив меня. Я вспомнил собеседника, задававшего вопросы о Солнце.

- Вот только образы во сне, - продолжил он, - не могут быть неизвестными.

- Однако по облакам ходить наяву мне как-то не доводилось, - буркнул я в ответ. Я почувствовал досаду на то, что он сбил мой романтический настрой.

- Вы могли наблюдать облака сверху из окна самолета. Вы же летали на самолетах?

- Да, летал, - согласился я.

- Вот видите! Вам это зрелище знакомо.

- Но тогда как Вы объясните твердый небосвод, в который я уперся головой?

- Это трудно объяснить... Только лишь генетической памятью...

- То есть!?! - недоуменно спросил я. - Памятью о твердом небе, что ли!?

- Нет, просто в подсознании сохраняются разные образы - и те, что мы когда-то наблюдали, и те, что мы когда-то себе представляли. Мы сами или... наши предки.

- Чепуха!

- Возможно, и чепуха, - сказал мой собеседник упавшим вдруг голосом. - Я, по правде говоря, и сам в этом не твердо уверен.

Он на минуту замолчал, а я с любопытством стал рассматривать его. Незнакомец был среднего роста, худощавый, с заостренными чертами лица и взлохмаченными волосами. Он был одет в куртку-ветровку. Что-то выдавало в нем человека творческой профессии.

- Но в таком случае, - заговорил он вновь, - я никак не могу объяснить свои сновидения.

"О чем?" - я поднял на него вопросительный взгляд.

- О своем пребывании на Солнце.

Ах, да! Я и забыл совсем!

- То, что я увидел, - неуверенно сказал он, - не отнесешь ни к настоящему, ни к прошлому...

Он искоса посмотрел на меня, видимо, ожидая какой-то реакции, но я с показным безразличием оглянулся в ночную темноту.

- Хотите, расскажу? - вдруг спросил незнакомец. Я смешался (спать все равно еще не хотелось) и...

...и с этой минуты началось его долгое странное повествование, которое длилось в течение всей ночи и растянулось на несколько последующих встреч. Сейчас, пересказывая услышанное, конечно, передаю все это через свое, преломленное восприятие. Что-то говорю не так, что-то упускаю, что-то сглаживаю, что-то пытаюсь даже домыслить. Но по-другому я не могу. Меня так сильно потрясло все сказанное им, что я не могу давать *это* в сухом изложении.

Итак, он заговорил.

III

- Так получилось, - начал он, - что однажды мне всю ночь пришлось проработать дома над своими бумагами. Я не мог оторваться от них до самого утра, и только когда заметил, что уже совсем рассвело, почувствовал сильную усталость. Я поднял голову и стал смотреть в окно. Оно находилось прямо перед моим столом и было обращено на восток. На улице уже было светло, но солнца еще не было. Оно каждое утро поднималось с этой стороны, и мне часто случалось смотреть, как оно восходит из-за горизонта.

Я очень люблю встречать солнце. В такие минуты я, как волк под луной, совершенно забываюсь. Вы будете смеяться, но это какая-то мистика. И, может, это связано с

тем, что в этот мир я вошел вместе с солнцем. Мне мать рассказывала, что я родился ранним утром. Когда меня на руки взяла акушерка, первые солнечные лучи заглянули в комнату. В ту минуту его краешек только-только показался из-за горизонта. Меня окунули в его лучи, как при крещении окунают младенцев в священную купель...

Может быть, поэтому вся моя жизнь проходит под знаком Солнца. И, может, поэтому, когда случаются у меня бессонные ночи, я часто нарочно задерживаюсь, чтобы встретить его восход.

Однако в этот раз я его так и не дождался. Меня свалила усталость. Спустя некоторое время я обнаружил, что моя голова лежит на столе, но подняться уже не было сил. Я начал засыпать. Сквозь полудрему я почувствовал на щеке тепло и понял, что это от солнечных лучей. Последней моей мыслью было: "Солнце взошло!" А дальше в голове замелькала всякая всячина, какая обычно лезет в голову человеку, когда он начинает дремать.

Мне вдруг представилось, что окно передо мной - это не окно, а большой телевизионный экран, что на столе у меня не бумаги, а клавиши и лампочки - такие странные лампочки, они светили как бы из-под крышки стола, просвечивая ее насквозь. На миг мне привиделось даже, будто я сижу за пультом космического корабля. Где-то над головой прозвучал и испарился голос матери - давно забытый мною голос. Пролетело его мягкое воркование, точь-в-точь такое, каким она разговаривала со мной в далеком детстве. В ответ у меня слабым отзвуком заныла душа. Однако голос быстро растворился, и новые образы отвлекли мое внимание...

В то утро я засыпал не так, как всегда. Сквозь сон я продолжал ощущать тепло солнечных лучей. Я спал и не спал одновременно. Я осознавал, что лежу на столе, но в голове у меня, как в настоящем сне, уже всю гуляли всякие несуразные мысли. Я вдруг подумал, что Солнце, растущее на большом окне-экране, захотело посетить мои сны, что это его голос мягко проворковал над моей головой. Оно по-матерински ласкало меня своими мягкими лучами, играло с образами, которые возникали в моем полудреющем сознании, и постепенно входило в меня, заполняя собою весь мой внутренний мир.

Это я сейчас так просто все рассказываю. Все, что видишь во сне, на словах не передашь. Но в те минуты я ощущал еще и жутковатое волнение.

Я человек неверующий. Но я не могу назвать себя атеистом. Я неверующий в смысле традиционной религии. Я не верую ни в Христа, ни в Аллаха, ни в Будду и ни в какого другого общеизвестного бога. Но я не безбожник. Где-то в глубине души я держу иного - своего бога, и он близок тому божеству, какому поклонялись наши далекие предки-язычники.

Иногда я спрашиваю себя: зачем наши предки сменили веру? Кто сказал, что язычество - это признак варварства? Кто сказал, что монорелигия выше и совершеннее? Зачем надо было перепоклоняться другому - единому и обязательно единственному богу? Монорелигия пришла в Европу от азиатских народов в те времена, когда у европейцев было язычество. А ведь европейцы тогда стояли

на более высокой ступени развития. Не назовешь же варварами древних греков. Скорее, наоборот: именно Восток грозил разрушением их культуре. Зачем европейцы изменили своим богам и самим себе? Ведь, если разобраться, они в душе так и остались язычниками...

Но я отвлекся. Я всего лишь хотел объяснить, почему мой бог так сильно похож на бога моих далеких предков. Мой бог - бог Солнца. Он держал долгий путь сквозь столетия по душам моих предков, передаваясь от прапрадедов к прадедам, от поколения к поколению. Он никогда не исчезал из памяти моих дедов. В церквях они молились одному, книжному богу, а в душе поклонялись другому - тому, от кого в наших суровых условиях действительно зависело, будет ли в поле урожай, будет ли в доме хлеб и будет ли в семье достаток. Ныне этот бог возродился и в моей душе. Он не мог не возродиться. Он стержень моей родословной, он - само мое бытие.

Все эти ощущения и мысли ко мне приходят, когда я смотрю на Солнце. Оно для меня не просто звезда - такая, каких несчетное число во вселенной. Для меня это - сам наш Мир, само наше Существование. Я воспринимаю его именно как Бога.

И потому, когда в том сне со мною играло Солнце, меня охватывало волнительное благоговение, перемешанное с чувством инстинктивной покорности и страха. Огромный, бездонный мир нежданным гостем вливался в мои сновидения. Я ощутил дыхание близкого божества, и это начало сковывать мои мышцы. Сквозь сон я почувствовал напрягающие их судороги. Окружающий мир обретал в моем сознании невообразимые очертания и формы. Он

сначала медленно, а затем все стремительней и стремительней начал расширяться, вытягиваться и разрастаться. Меня заполняло неведомое человеческому существу ощущение - каждой клеточкой своего тела я начинал осязать масштабы бесконечности. Мне никогда не доводилось испытывать такое наяву.

И вдруг мир лопнул... словно передутый шар... Все растворилось в небытии. Исчезли сновиденческие образы - все до единого. Пробежали несколько секунд ощущения абсолютной пустоты, и вдруг... отовсюду хлынуло Солнце. Образовавшийся вакуум заполнился ярким солнечным светом.

"Солнце, - мелькнула у меня мысль. - Оно совсем рядом, я могу дотронуться до Солнца - до самого Светила!.."

Мой собеседник вдруг умолк. Он неотрывно смотрел на огонь. На его щеках играли желваки, на лбу проступила испарина. Его волнение начало передаваться мне. Я перевернул в костре подгоревшее с одного бока полено, однако сделал это так неловко, что нечаянно загасил пламя. Пришлось потрудиться раздуть его. Через некоторое время незнакомец продолжил свое повествование.

- Это были последние мои полумистические ощущения. Когда в следующий миг я действительно обнаружил себя на Солнце, все было совсем по-другому. Был ясный ум, здравые суждения, и все воспринималось настолько четко, что я до сих пор не могу назвать это сном...

Рассказчик опять остановился. Обернувшись, он откуда-то из-за спины достал сухих веток и аккуратно положил их в огонь. Коротенькой палочкой он раздвинул угли, и оттуда выплеснулись языки пламени. Я молча наблюдал за ним. Меня несколько удивило его волнение, точнее говоря, то, как оно проявлялось. Он был очень аккуратен в своих движениях и в то же время очень неосторожно обращался с огнем. Его пальцы несколько раз погружались в пламя, но он даже не вздрогнул.

- Прошлый раз вы говорили о твердом небосводе, - вдруг сменил он тему. - Вы его видели в точности таким, каким представляли его наши предки.

- Но я только одним словом обмолвился об этом небосводе... - зачем-то начал возражать я.

- Мне хватило одного слова, - не дал договорить мне незнакомец. - В вашем сознании воспроизвелась целостная картина мироздания. Человек во все времена рисовал в своем воображении картину мира - законченную, внутренне непротиворечивую. В каждой эпохе она была своя, неповторимая. Твердый небосвод не мог в вашем сне появиться сам по себе, в отрыве от других фрагментов. Вы не могли не наблюдать их во сне, хотя бы косвенно. И они во всей своей совокупности, вместе с облаками и небосводом, создали ту самую логически единую, целостную картину.

Какими бы абсурдными ни казались нам сновидения, они должны быть внутренне непротиворечивыми. Именно поэтому сами сновидения в тот момент, когда мы их

смотрим, не вызывают у нас сомнения. Абсурдными они начинают казаться тогда, когда, проснувшись, мы их вспоминаем. Но это происходит потому, что обстановка, в которой мы обнаруживаем себя после пробуждения, ломает внутреннее логическое единство, которое сопровождало сновидение.

- Вы хотите сказать, что в моем сне создалась непротиворечивая картина мироздания?

- Да!.. Но вы видели только кусочек этой картины, верхушку айсберга. Если бы сон мог продлеваться сколько угодно долго и если бы сновидения при этом не переходили с одной темы на другую, вы смогли бы увидеть еще много интересных и необычных вещей. Здесь важно только уметь удержаться на каком-либо сновидении, не давать ускользать образам...

- Впрочем, в том сне, - сказал он после некоторой паузы, - цепляться за сновидения мне не пришлось. Они сами уцепились за мое сознание, причем, такой хваткой, что я стал участником настоящей истории. Эта история по сей день вызывает у меня самые нешуточные мучения... Я все последние дни и ночи не нахожу себе места...

...Сноп искр, неожиданно вырвавшийся из костра, прервал рассказчика. Увлекаемые горячим воздухом, звездочки-огоньки понеслись в небо. Я инстинктивно откинулся назад. Мой же собеседник остался неподвижен. Он проследил замороженным взглядом за их вознесением на высоту, туда, где они, переходя в беспорядочную пляску, гасли.

IV

- Однако сон это был или не сон, - продолжил рассказчик, снова опустив взгляд, - но я обнаружил себя в потрясающем по красоте месте.

В глаза ударило золото. Яркий золотистый свет в первый миг ослепил меня. В течение минуты я не видел ничего кроме блеска и хаотичного переливания ярко-желтых красок. Постепенно в этом хаосе начали вырисовываться смутные очертания, и наконец моему взору предстала рваная холмистая местность. Именно рваная. Поднимающиеся повсюду желто-золотистые гигантские возвышенности не имели привычной сглаженной формы. Не напоминали они и неровные угловатые каменные горы. Они были похожи на громадные куски растрепанной золотистой ваты, которая теснилась повсюду беспорядочным нагромождением. Горизонта не было видно: его закрывали высокие холмы. Их взлохмаченные вершины желтовато-оранжевого цвета устремлялись наверх, к ярко-красному небосводу.

Я опустил взгляд под ноги. Они по колено утопали в полупрозрачном золотистом тумане. Волнуясь и изредка вздыбливаясь, он медленно перемещался.

Вдруг я заметил, что окружающие меня холмы меняются в своих размерах и форме. Все медленно плыло. Что-то опускалось и исчезало, что-то росло и поднималось. Все причудливо меняло очертания. Иногда по какому-либо из холмов вдруг пробегали трещины. Поверхность холма медленно разрывалась, и наружу вертикально вверх вырывались бесформенные куски огня. Как в замедленной съемке, они плавно поднимались в высоту, рассыпаясь и исчезая далеко в вышине.

Спустя некоторое время подо мной вырос большой холм, и перед моим взором распахнулась обширная растрепанная золотистая поверхность. Вдали я увидел гигантские всполохи. Они были настолько велики, что закрывали практически половину небосвода. Их громадные рваные языки извивались в причудливом огненном танце. Я вспомнил солнечные протуберанцы, которые не раз видел на фотографиях.

- Солнце! - вдруг мелькнуло у меня в голове. - Это Солнце!

И эта непонятно откуда возникшая мысль меня поразила. Я прислушался к себе. Тут же в моей памяти возникли образы протуберанцев - совсем не такие, какие я видел на фотоснимках или в фильмах, а совершенно натуральные. Будто я вспоминал картины, которые наблюдал когда-то собственными глазами.

И тут произошло нечто, что повергло меня в шок.

- Я стою на Солнце! - прозвучала в моей голове какая-то будто не моя, посторонняя мысль.

Я внутренне напрягся.

Нет, это не было каким-то посторонним внутренним голосом. Это был не голос, это была именно посторонняя мысль. Во мне произошло раздвоение, причем, очень странное раздвоение. Я не мог сказать, что во мне находился кто-то чужой - это был я, но какой-то другой я. Это мои мысли прозвучали в голове.

Странные образы вдруг всплыли в моем сознании. Мне представилась (будто вспомнилась) комната с закругленными стенами и потолком, представился экран во всю стену, перед экраном серый пульт с мигающими лампочками, а на экране - приближающийся огненный диск.

Я оглянулся на золотистый туман, который волновался у моих ног и вспомнил (я вспомнил!), что это - солнечная плазма.

Она облизывала мои ноги, поднималась вдоль тела вверх, доставала своими огненными желтыми языками до груди, плеч, подбородка, но я был абсолютно спокоен. Мною владела твердая уверенность, что никакого вреда она причинить мне не может. Я знал, что я защищен...

Да, я был уверен, что защищен мощным искусственным полем. Это поле пронизывало все мое тело, наполняло каждую мою клеточку, оберегая меня от шквального солнечного излучения.

В следующую минуту мое сознание вновь вернулось в реальность - я вспомнил, как засыпал перед окном в ожидании восхода солнца, и как это окно в первый миг моего сновидения представилось мне тем самым экраном, который мне здесь (как бы на Солнце) как будто бы вспомнился. "Это сон... конечно же, это сон, - начал проговаривать про себя я, - но тогда ничего в этом нет странного... мне просто приснилось, что я на Солнце".

Эти мысли меня успокоили, и поэтому я несколько не удивился, когда тут же один за другим в моем сознании начали всплывать совершенно незнакомые мне образы.

Мне стали открываться (как бы вспоминаться) лица людей, картины домов и улиц, которые как будто бы остались далеко на Земле. На миг я вновь изумился этим нелепым воспоминаниям и попытался было уцепиться за них, однако следом возникали все новые и новые видения, причем, настолько быстро, что я уже не успевал анализировать. Спустя некоторое время вся эта круговерть плотно заполонила мой ум, одни образы стали увязываться с другими и так естественно дополняться ими, что все незнакомое постепенно стало как бы узнаваться. Незнакомые предметы и лица стали становиться как бы знакомыми, и все это выстроилось в ту самую стройную, внутренне непротиворечивую картину, которая поглощает вас в любом сне - в ту самую неразрывную картину, которую вы принимаете целиком и полностью, живя во сне иной, неведомой вам жизнью. Тот самый неведомый я вышел на первый план и стал мною окончательно. А вместе с ним исчезла мысль о сне. Даже нет, я неправильно выразился - не исчезла, а сменилась на другую, совершенно противоположную. "Наконец-то я просыпаюсь..." - прозвучало в моей голове.

"Еще немного, - думалось мне, - и анабиоз пройдет. Пройдут и его побочные эффекты - все эти раздвоения, видения и судороги, которые всегда возникают, - как бы вспомнилось мне, - при включении защитного поля".

Итак, я был твердо уверен, что я действительно стою на Солнце, что я только что доставлен сюда транспортным космическим кораблем, что этот корабль зарядил меня мощным защитным полем (тем самым "грависилом" -

вспомнилось мне его название), что сам Транспортник, исчерпав свои ресурсы и лишившись блокировки, был только что уничтожен солнечным излучением.

Мне вспомнилось, как это произошло - мне вспомнилось, как еще несколько минут назад его тороидальный корпус покоился на наклонной поверхности маленького холмика, обволакиваемый плазменным туманом. Я вспомнил, как за несколько секунд до его исчезновения по нему пробежала нарастающая дрожь, как после этого его вдруг сильно потрянуло, и он исчез. Бесследно испарился, лишний раз напомнив о неимоверной силе солнечного излучения. Оно разбило на отдельные частицы его атомы и в мгновение ока унесло их ввысь, в бездонное космическое пространство.

Подумав об этом, я воздал хвалу человеческому разуму, сумевшему совладать с солнечной стихией и сотворить генератор равного ей по мощи и оберегающего теперь меня грависила.

Я еще раз оглянулся. Место, в котором я находился, было, наверное, самым спокойным на Солнце. Где-то в тысячах километрах отсюда извергались протуберанцы, клочкотала, рвалась и дыбилась поверхность, а здесь было лишь слабое колыхание относительно "холодного" плазменного грунта...

Я пробежался взглядом по растрепанной солнечной поверхности, словно в поисках чего-то.

"Меня здесь ждут, - подумалось мне. - Где-то здесь в солнечных недрах работают люди". Я отчетливо представил себе (опять вспомнил!) искусственно созданную в солнечной толще пещеру-лайкуну, домики

исследователей, лаборатории. Они держали связь со мной с самого начала моего полета, и скоро где-то рядом на поверхности должна появиться встречающая меня капсула.

Я снова бросил взор наверх. Здесь не было привычного для планет черного небосвода с сияющими звездами. Надо мной гигантским шатром смыкались беснующиеся сполохи. Где-то за их огненной дымкой осталась межпланетная станция, от которой я отчалил на Транспортнике. Сейчас эта станция быстро удалялась, выходя из опасной зоны. Я оставлен здесь, один на громаднейшей бурлящей поверхности раскаленной звезды, словно крохотная, невидимая песчинка, поглощенная бушующим океаном огня...

Мне невольно подумалось о первых людях, высадившихся сюда, о том, как они так же, наверное, смотрели наверх - вслед удаляющемуся кораблю, и, наверное, ощущали в своих душах комочек инстинктивного жутковатого страха: за их спинами рвалась ниточка, связывавшая их с остальным, безопасным миром, оставляя их во власти огненного исполина...

- Постойте! - воскликнул я, пристально посмотрев на собеседника. - Вы мне что рассказываете?!

Рассказчик запнулся.

- Это же не сон! - сказал я. - Такое присниться не может!

- Д-действительно, не может, - сказал он упавшим голосом. - Однако же, - он неотрывно посмотрел мне прямо в глаза, - приснилось!!!

Слово "приснилось" было сказано таким внушительным шепотом, что у меня перехватило дыхание.

Чтобы сбить волнение, я взял прут и начал ворошить вяло горящие угли. Они застрекотали, и над ними вскинулись новые язычки огня.

- Приснилось же вам хождение по облакам! - произнес мой собеседник.

- Но это... совсем не то, - сбивчиво проговорил я.

Мой собеседник опять откуда-то из-за спины достал сухие ветки и подбросил их в костер. Они вспыхнули. Разыгравшееся пламя вернуло меня в относительно нормальное состояние. Я немного успокоился и стал гадать, кто же передо мной сидит.

- Да, - сказал незнакомец, - это не то. Но и в вашем сне много странностей. Ощущение холода на спине, например.

Я ничего не ответил, и он, не дождавшись моей реакции, тихо спросил:

- Ну, мне продолжать?

Я смешался, во мне боролись два чувства: с одной стороны - сильное недоумение, а с другой - разыгравшееся любопытство. После недолгого молчания я выдал:

- Да, продолжайте. Только скажите, как вас зовут.

- Там, на Солнце, меня называли Даром, зовите меня так же.

И мой ночной собеседник продолжил свое невероятнейшее повествование.

- Неожиданно я заметил, как недалеко от меня из тумана всплыл небольшой золотистый шар размером с баскетбольный мяч. Покачиваясь, он поплыл в сторону, оставляя за собой след, вихрящийся на тумане. Вдруг он вздрогнул, подпрыгнул в половину своей высоты и упал, скрывшись в желтой плазме. Спустя мгновение он снова выпрыгнул, теперь уже раза в три повыше. Раздался громкий хлопок. Шар исчез. Он просто лопнул. Поверхность тумана разом встряхнулась, и по ней заметались маленькие волны. В тот же миг прямо у моих ног всплыл еще один шар, величиной с ладонь. Переливаясь бегающими по его поверхности золотистыми струйками, он поплыл в сторону только что лопнувшего его собрата. Я протянул к нему руку. От соприкосновения шар вздрогнул и сжался в размере. Я попытался ухватить его, но он выскользнул из моих рук, точь-в-точь как в воде выскальзывает из-под пальцев мыло. Через миг он исчез в поглотившем его плазменном тумане и больше не появлялся.

Мне вспомнилось, что эти шары и шарики представляют собой малоисследованные устойчивые плазменные образования, что-то вроде нашей земной шаровой молнии. Называют их здесь квуолями. Они по-своему реагируют на поле грависила, отталкиваясь от него, как однополюсный магнит.

Вдали показалась искрящаяся точка. Это была вышедшая мне навстречу капсула. Вынырнув из клубящегося тумана и сделав разворот вокруг своей оси, она двинулась в мою сторону. Искрящаяся точка - так на Солнце издали должен выглядеть любой объект, защищенный грависилом...

Спустя некоторое время сквозь искрение начал просматриваться контур капсулы.

Она была вроде груши, лежащей на боку и двигающейся тупым концом вперед. Сквозь ее прозрачные стенки был виден силуэт человека. Здесь меня вновь посетило мимолетное смятение. Я опять подумал, что все происходящее - какой-то потрясающий сон. И даже не фигура человека меня поразила, а ощущение, что когда-то такую картину - сидящего в капсуле человека - я уже видел. "Искрение, - в моей голове словно всплыли фразы из какого-то учебника, - неизбежный спутник работающего защитного поля - чисто оптическое явление, наблюдаемое только на расстоянии. Чем ближе предмет, тем оно слабее. В двух шагах его практически уже не видно, лишь едва просматриваемые струйки можно наблюдать на поверхности находящегося рядом предмета. А издали цибель напоминает непричесанный сноп".

...Капсула (цибель! - мелькнуло в моей голове ее название) остановилась неподалеку от меня. Из раздвинувшихся створок вышел человек невысокого роста в мешковатом блестящем комбинезоне, усеянном маленькими темно-красными ромбиками.

Я узнал его! Мне вспомнился этот человек! Его звали Бэрб. "Неплохой малый, - закрутилось в моей голове, - но чересчур замкнутый тип..." Мне вспомнилось, откуда я его знаю. Мы с ним долгое время работали в стационаре практически на задворках солнечной системы...

Стоп!

Мне вспомнились эти задворки, вспомнилась космическая станция и темная холодная планета. Мне вспомнился Плутон!

Я напрягся, собирая в кулак разбегающиеся мысли. Во мне вновь шевельнулись сомнения. В сознании опять пронеслись видения, посетившие меня в момент погружения в анабиоз. Стол, бумаги, окно, восходящее солнце, однако ум тут же стал выдавать иные зрительные образы: твердый и холодный мертвый грунт, стартовая площадка, куполообразные павильоны, темно-серые дневные сумерки, небо, на котором днем видны звезды, и среди этих звезд одна такая же маленькая, но непривычно ослепительно яркая - далекое Солнце.

Стационар Плутона!.. Сознание стало стремительно заполняться новыми видениями, которые выстраивались в новую систему. И через несколько секунд я уже удивлялся своим сомнениям. Мне вспомнились и Бэрб, и стационар далекого Плутона, и моя предыдущая поездка сюда, на Солнце. Да, однажды я уже здесь бывал...

Стараясь улыбаться как можно шире, я протянул Бэрбу для пожатия руку. Бэрб ответил мне на приветствие, и скованная улыбка скользнула по его лицу.

"А он ничуть не изменился со времени нашей совместной работы на Плутоне", - подумалось мне. Там суровость его натуры вполне соответствовала условиям вечных сумерек, царящих на краю Солнечной системы. Рядом с ним даже самые ворчливые субъекты ощущали себя жизнерадостнейшими оптимистами. Сухой педант, он был совершенно невыносим в нерабочей обстановке. Кто-то в шутку предложил отправить его в командировку на Солнце, чтобы растопить его натуру, однако на это шутливое предложение совершенно серьезно отреагировали психологи. И вот он здесь.

Продолжая одной рукой удерживать его руку, я другой хлопнул его по плечу. Бэрб еще раз улыбнулся (на этот раз помягче) и молча кивнул в сторону цибеля.

V

- Жарковато у вас, - сказал я своему спутнику, когда наш цибель погрузился в золотистую пучину и мы понеслись, рассекая солнечные недра, в огненные глубины.

Бэрб пожал плечами, скосив взгляд на закрепленный у меня на груди биодетектор.

- Это синдром солнечного пекла, - буркнул он, - всем, прибывающим сюда, кажется, что здесь жарко.

Я рассмеялся. Да, это действительно так. Я не первый раз на Солнце, и этот синдром мне хорошо знаком.

Я оглянулся по сторонам. За прозрачными стенками цибеля проносились солнечные недра. Хорошо было видно, как неоднородна внутренность Солнца...

Нам, привыкшим считать Солнце сплошной огненной массой, это трудно себе представить. Там, действительно, невозможно существование не только каких-либо молекул, но и даже атомов. Плазма разбивает и рассеивает любые атомы. Но, тем не менее, специфические неоднородности есть даже в раскаленном газе. Оглянитесь на нашу земную атмосферу. Казалось бы, это почти невесомый прозрачный воздух. Однако в нем есть потоки, утолщения, пласты, завихрения. Если бы можно было взглянуть на них через какие-нибудь специальные очки, которые выделяли бы и окрашивали эти неоднородности, то нам бы открылись невообразимо красивые фантастические зрелища. То же самое на Солнце. И потому, двигаясь по солнечным недрам, мы наблюдали, как наш щупальце пересекал пласты, пустоты, утолщения и другие совершенно необычные и трудноописуемые плазменные образования. Иногда он проваливался в "адские домены" - области с ослепительно мощнейшим грависветовым излучением. В эти секунды ощущалось, как напрягался грависветовый генератор. У меня невольно захватывало дыхание. "Адские домены" очень опасны для грависила. Находиться внутри них можно лишь очень недолго. И хотя нашей скорости было достаточно, чтобы пересекать "домены" за секунды, этих мгновений хватало, чтобы пощекотать нам нервы...

...Дар рассказывал, совершенно не глядя мне в глаза. Его взор был устремлен выше моей головы и терялся в ночном звездном небе. Я же пребывал в шоковом состоянии. Время от времени я поднимался с места, чтобы дотянуться до

какой-нибудь ветки и подбросить ее в костер. Я боялся, что огонь погаснет и темнота схлопнется над нами.

- Грависил - это что? - сам не понимая зачем, перебил я Дара.

Дар резко замолк, словно наткнувшись на какое-то препятствие, и посмотрел на меня таким взглядом, будто только что меня заметил.

- Грависил? - переспросил он. - Ах, да! Грависил! Это источник искусственного защитного поля. Ну, того самого...

- Ох! О чем это я? - спросил он себя тут же, и через секунду, посмотрев в мою сторону уже совершенно нормальным взглядом, сказал: - Извините, я совсем забылся, сыплю терминами, которые вам не знакомы... Я прекрасно понимаю всю нелепость своего рассказа, но я буду вам рассказывать все так, как воспринимал тогда. Все было реально, натурально, живо. С той минуты, как я оказался в цибеле, все мои сомнения исчезли. Я уже был другим человеком, жил иной жизнью. Я знал Бэрба, я помнил нашу совместную с ним работу. Мы говорили с ним об общих знакомых. Моя нынешняя, то есть земная жизнь, вдруг выветрилась из мозгов, как выветриваются по утрам неустойчивые сновидения... Я был человеком, обладающим неведомым мне багажом знаний. Я знал, что такое цибель, знал, как он устроен и как работает, знал, что такое грависил, знал принцип его действия, знал, что такое квуоли, и меня тянуло поскорее в солнечную пучину, потому что там, в городке исследователей, находился, -

взгляд Дара снова застыл на одной точке, - самый дорогой мне человек...

Я молчал, боясь его прервать.

- ...Наконец, мы добрались до городка. Миновав границу его защитного поля, мы въехали в огромную искусственную лайкуну. Цибель остановился и мягко лег в небольшое ложе. Мы вышли наружу.

Я огляделся. Здесь ничего не изменилось. Да и не могло существенно измениться. И хотя я не был здесь почти десять лет, но я прожил эти годы на Земле, а здесь же пролетели только десятки месяцев. В поле высокого тяготения время замедляет свой бег - таков один из фундаментальных законов пространства и времени, открытый еще в доисторические времена. Грависил, пучкующий изолинии, еще более усиливает этот эффект...

Лайкуна представляла собой огромную полость, созданную в солнечных недрах. Стены и куполообразный потолок лайкуны, раздвинутые на несколько километров, были лишены четких очертаний. Здания, в которых жили и работали люди, были рассыпаны по лайкуне и имели самые разнообразные затейливые формы. Между собой здания соединялись ровными дорожками, в которых, впрочем, не было никакого смысла. Люди перемещались внутри лайкуны "по воздуху", и дорожки имели чисто символическое значение - как дань нашему человеческому обыкновению. Вдали виднелось несколько парящих над домами квоцибелей (или как их здесь проще называли, квоцей) - дисковидных летательных аппаратов,

предназначенных только для перемещения внутри лайкуны.

Неожиданно рядом с нами из клубящейся плазмы всплыл один такой квоц. Он был приготовлен именно для нас. Бэрб шагнул к нему. У меня защемило сердце - веер воспоминаний всколыхнул душу: семь лет назад я пережил здесь волнующие дни. Мы уселись в кабине, и она тронулась. Бэрб что-то начал рассказывать, но я не слышал его, я не мог его слышать. Воспоминания целиком овладели мной...

VI

Семь лет назад я прибыл сюда на месячную школьную практику. Да, я тогда был еще подростком, мне было четырнадцать лет. Нас было двадцать мальчишек и девчонок, которых собирали по всем планетам солнечной системы. Попасть сюда было вершиной мечтаний каждого школьника. Дело в том, что, хотя Солнце осваивали уже больше столетия, учащихся возили сюда очень редко. Наше светило еще недостаточно было изучено, и всякий риск старались исключать. Для школьных путешествий выбирали годы спокойного Солнца, и, тем не менее, каждая поездка сопровождалась массой предосторожностей. Мы попали под бдительное око здешних работников.

Работало тогда на станции около полусотни человек. Каждого из нас "прикрепили" к кому-нибудь из взрослых. Я достался Аиюнне...

Дар неожиданно замолк. Я поднял на него удивленный взгляд.

- Как вы сказали? - переспросил я.

- Айюн-не, - по лицу Дара пробежала грустная улыбка. - Так звали эту девушку...

(Я сейчас, когда пишу эти строчки, испытываю некоторое затруднение. Я не могу письменно передать то слово, которое произнес Дар. Звуки "а", "и", "ю" он выговорил слитно, как единый, и, надо сказать, очень мелодичный звук. Удвоенное "нн" завершало его словно легкое колыхание струны... Как ни силен наш письменный язык, но это слово одолеть он не может... Поэтому далее я буду, сокращая, писать ее имя как Юнна).

Дар сидел, глядя в огонь, и задумчиво едва заметно улыбался. Он будто забыл обо мне.

Меня понемногу начало разбирать нетерпение. Я буркнул нечто нечленораздельное. Дар не шелохнулся...

- Ох, помню, как я напыжился тогда, - продолжил он после некоторого молчания, - когда на вводном собрании нам зачитали список кураторов. Выбор для меня, для мальчишки, оказался очень досадный. Меня приставили к молодой начинающей сотруднице. Почти всем моим одноклассникам достались здешние корифеи, и они раздулись от важности. Я же стал предметом их насмешек.

Но так продолжалось только до той минуты, пока Юнна не вышла к нам. Перед нами предстала ослепительно красивая девушка.

- Нет, - сказал Дар после небольшой паузы, - сказать, что она была потрясающе красивой, мало. Если бы я не знал, кто она такая, и случайно встретил ее где-нибудь на

Солнце, я бы решил, что передо мной самое настоящее солнечное создание...

Дар улыбнулся.

- Как сказочная русалка - порождение морской пены, так и она словно была вылеплена из маленького кусочка солнца...

Он еще раз замолчал, мечтательно задумавшись.

- Легкая, воздушная, сказочная златовласка, - растянuto проговорил он. - Едва она вошла, как наши мальчишки, подразнившие меня, враз стали косноязычными. Девчонки заорожились ею...

Когда на следующий день мы расходились на индивидуальную практику, мои одноклассники принялись многозначительно мне подмигивать. Конечно, это было совсем не то подмигивание, каким сопровождают удачливых юношей, это были довольно-таки глупые мальчишеские насмешки, и я, тоже еще мальчишка, испытывал двоякое чувство. С одной стороны, насмешки вызвали во мне неловкое стеснение. С другой стороны, я шел за ней с незнакомым мне прежде волнением.

В течение нескольких первых занятий я был словно под наваждением. Меня натурально преследовало желание убедиться, живой ли она человек, и я периодически ловил себя на том, что присматриваюсь к ней, будто стараюсь увериться в ее земном происхождении.

Впрочем, продолжалось это недолго и прошло не без участия самой Юнны.

- Скажи мне честно, - с хитрой доверительностью спросила она меня на первом занятии, - ты завидуешь своим однокашникам за то, что им достались здешние доктора и магистры?

- Не надо! - не дожидаясь моего ответа, она перешла на заговорщицкий шепот. - Не завидуй! Представляешь, какую скукотишу им придется здесь перенести, а на Солнце можно так здорово подурачиться. Я надеюсь, ты не бука какая-нибудь?

Такого поворота я не ожидал и не сразу одолел растерянность. Но в конце концов я ей дал понять, что я, конечно, не бука, и даже отпустил какую-то шутку в адрес своих разважничавшихся одноклассников.

- Ну и чудно! - с восторгом воскликнула она и взъерошила мои волосы.

Ее жест получился совсем не учительским, она взлохматила мне голову как давняя подруга. И все же, несмотря на то, что она так запросто, по-ребячески поступила, прикосновение такой неземной красавицы всколыхнуло все мое существо. Жар благоговения охватил меня, и я, наверное, густо покраснел. Однако она этого не заметила.

- Может быть, тебе на Солнце не доведется больше быть, - сказала она, - а потому используй момент. У докторов и на Земле можно будет поучиться...

И мы всю "использовали момент". Мы действительно дурачились. Она не столько преподавала мне практику солнечных недр, сколько носилась по ним в буйной игре.

Мы прорубали гравирезом окно в стене лайкуны и ныряли в плазму. Углубляясь в солнечные "гущи", мы играли с плазмой, отправлялись на поиски квуолей, а когда отлавливали, гоняли их, как мячи, обставляя со всех сторон грависиловыми сетями. Между прочим, игра получалась забавной. Квуоли вели себя очень нестандартно и в окружении грависиловых маяков двигались совершенно непредсказуемо. Юнна увлекала меня на поиски солнечных трубчатников, лакушек, тороидов и многих других известных и неизвестных мне плазменных образований. Нам иногда попадались целые их колонии. Юнна ныряла в них, скрываясь за толстыми стволами крупных трубчатников и увлекая за собой меня. Мы проводили долгие часы в этом причудливом солнечном лесу, то устраивая игру в прятки, то гоняясь за квуолями.

Вообще, когда я говорю "солнечные недра", это надо понимать относительно. То место, где мы находились и где размещалась наша лайкуна, строго говоря, недрами назвать нельзя. Солнце не представляет собой сплошную однородную массу. Мы находились в ее внешней - разреженной части. Она простирается на десятки тысяч километров от поверхности в глубину. Далее солнечная плазма настолько уплотняется, что образуется твердая сфера, которая сама имеет сверхплотное ядро. То есть, то место, где располагалась наша лайкуна, по земным меркам больше походит на слой атмосферы или даже океана. Свойства солнечной плазмы в этом слое таковы, что она представляет нечто среднее между нашей воздушной атмосферой и океанской водой. Такая своеобразная разреженная жидкость, или сгущенный воздух. Все-таки это не вода и не воздух, а плазма. Ее свободные заряженные

частицы образуют большие колонии, которые вступают меж собой в очень замысловатые взаимодействия и способны создавать такие конфигурации, которые невозможны на Земле. Эти соединения тоже недолговечны, но они возникают и разбиваются с такой большой частотой, что в целом, этот слой и получается похожим на сгущенный воздух. Но, по крайней мере, в нем, в отличие от нижележащих слоев, возможно было свободное перемещение вещества. Собственно, благодаря этому слою звезды и светят. В нем происходят конвективные перемещения солнечного горючего из глубин к поверхности, где оно и излучает. Нашу лайкуну можно было уподобить дирижаблю, который дрейфует в солнечной атмосфере, лавируя между восходящими потоками горячей плазмы, которые сами по себе были весьма разнообразными: то закручивались в виде гигантских воронок, то поднимались большими клубящимися вихрями. Однако опуститься на "твердый" слой плазмы наш "дирижабль" не мог. Здесь плотность гравитационного поля была настолько велика, что она могла разрушить грависиловую защиту.

Впрочем, для грависила было также нежелательно восхождение и на большие высоты. Однажды в погоне за какой-то квуолью мы вылетели с Юнной на поверхность Солнца. Это не предусматривалось программой, но Юнна не поторопилась вернуться в недра. Она потянула меня наверх. Из теории я знал, что высоко подниматься над солнечной поверхностью рискованно. Грависил, - учили нас, - энергетически подпитывается от солнечного излучения и для его работы нужна высокая плотность такого излучения. На большой высоте он может отказать.

Однако Юнна увлекала меня все выше и выше. Я почувствовал, что мною овладевает жутковатый страх. Юнна же вела себя, как ни в чем не бывало. Я усиленно подавлял в себе всякие колебания, боясь показать ей, что немало перепугался. Вдруг в стороне от нас что-то вспыхнуло. От неожиданности я схватил Юнну за руку и что есть силы поволок вниз. Она стала вырываться, что-то закричала, но я, не помня себя, тянул и тянул. Когда мы достигли солнечной поверхности, она уже не сопротивлялась.

Оказавшись в недрах, я остановился. Во мне все колотилось, я с трудом переводил дух. И тут я заметил, что Юнна смеется.

- Ну, ты и герой! - восклицала она. - Испугался!

Она продолжала смеяться, и я почувствовал себя очень нелепо.

- Ты думал, что грависил откажет? - спрашивала она меня через смех. - Да ты что! Я же следила за ситуацией.

- Но ты все равно молодец! - сказала она, немного успокоившись. - И, главное, сильный такой!... Скажи мне честно, - она заглянула мне в глаза, - ты ведь не только за себя, но и за меня испугался...

Я смутился. Я вдруг понял, что и вправду испугался за Юнну. Даже гораздо больше, чем за себя. От этой мысли я вдруг неожиданно густо покраснел и, скрывая это, поспешил отвернуться в сторону...

Наши занятия продолжались. Мы с ней еще не раз после этого вылетали на поверхность и проводили там новые, не

менее захватывающие игры. Я смотрел на Юнну и не ощущал, что она озабочена моим обучением. Я вообще забывал о какой-либо учебе, а просто проводил с ней время в играх, но для меня эти игры закончились совершенно неожиданным результатом. От занятия к занятию я все больше и больше втягивался в плен ее больших чародейственных глаз, и вскоре я уже не мог выдерживать ее взгляда. Я все чаще и чаще, когда она оборачивалась ко мне, старался смотреть куда-нибудь в сторону.

Когда занятия заканчивались, и мы собирались с ребятами, у меня в ушах стоял ее смех, мне виделись ее густо переливающие блестками волосы, ее невероятно красивые темно-золотистые глаза.

Спустя несколько дней я уже окончательно понял, что этими глазами заболел.

Мне было четырнадцать лет, и такое случилось со мною впервые.

Ох, как я торопил часы, проводимые без нее! Меня мучил страх, что я забываю ее лицо, меня истомляло желание это лицо поскорее увидеть. Я не участвовал в общих играх с одноклассниками. Ни о чем и ни о ком другом, кроме Юнны, я думать уже не мог.

А Юнна будто дразнила меня. На семинарах словно нарочно показывала особое расположение ко мне. Чаще других ко мне обращалась. Открыто подмигивала мне. И каждый такой ее взгляд насквозь прожигал меня. Ох, как взлетал я в эти мгновения!..

Однако вскоре Юнна заметила, что со мной произошло. Она резко прекратила меня дразнить. Занятия наши сократились. Ее игры со мной обрели явный вид обучающих. Теперь уже не я, а она стала уводить в сторону свой взгляд. А я от этого чуть не сошел с ума.

Мне так невыносимо стало от произошедших перемен, что я уже не скрывал своих чувств. Я неотрывно смотрел на нее, ловил второпях бросаемые в мою сторону взгляды и мысленно умолял ее не отводить от меня глаз. Она избегала меня, а это разжигало мои боли.

- Не смотри на меня так, - сказала она однажды, и эта ее фраза вызвала во мне взрыв мучительных вопросов.

- А как? - неожиданно вырвалось у меня.

Она растерялась.

- Никак! Хотя ты и вон какой высокий, но еще мальчишка. Я старше...

- Ты посмотри, - сказала она, уведя взгляд в сторону, - девочки ваши - какие красавицы!

- А я не хочу... - сорвалось у меня.

- Чего не хочешь?

- Ни на кого больше смотреть! - Я уже не отдавал отчет своим словам.

Юнна растерялась еще сильнее.

- Но я же не могу тебе нравиться, я старше тебя, я взрослая, а ты еще мальчик...

- Не мальчик! - вскрикнул я.

- Ну хватит! - Она перешла на строгий тон. - Будешь так на меня смотреть, я вынуждена буду отказаться от тебя!

Эти слова словно окатили меня ледяной водой, и я с большим трудом выдавил из себя обещание не глядеть на нее вообще.

Это был мой самый черный день на Солнце. Я не знал, куда себя девать. Меня разрывали два желания: либо улететь куда-нибудь далеко-далеко, за пределы самой вселенной, либо навеки остаться здесь, чтобы всюду невидимой тенью следовать за Юнной. Я тогда впервые нарушил строгое правило нашей школы: ничего никому не сказав, покинул лайкуну и удалился в солнечный трубчатый лес.

Вообще, трубчатник - это зона холодной области на Солнце. Здесь происходят нисходящие конвективные движения, в которых отработанный солнечный материал опускается в солнечные глубины. Огромные тяжелые капли холодной плазмы движутся вниз, оставляя за собой длинные тянущиеся киселеобразные следы. Эти стволообразные протечи со временем густо покрываются мелкими ямочками от лопающихся на их поверхности пузырьков и становятся похожими на шероховатые стволы наших земных деревьев. Колонии таких стволов напоминают наш сосняк.

Я углубился в эти мрачные плазменные заросли и долго бродил там, ничего перед собой не видя и то и дело натываясь на массивные стволы. Мне хотелось потеряться

в их самой плотной гуще, исчезнуть, раствориться. В груди все невыносимо ныло. Облик Юнны не выходил из головы.

Так я провел весь остаток того дня и уже не помню, как оказался в городке. Я даже не обратил внимания на то, что мое исчезновение никто не заметил, хотя мой самовольный уход должен был здесь рассматриваться как ЧП. Вообще, этой прогулкой моя практика на Солнце могла закончиться. Первым же рейсом меня могли отправить на Меркурий. Много позже я узнал, что в те минуты я не остался без надзора. Юнна незаметно следовала за мной, не оставляя меня одного ни на минуту. В школе она прикрыла мое самовольное отсутствие, сказав, что проводила со мной дополнительное занятие.

На следующий день я начал свои занятия с Юнной со сдерживания своего обещания. И держал его... ровно десять минут.

Не смотреть на нее оказалось невыносимо. А поскольку обещание надо было выполнять, я старался глядеть на нее тайком. Конечно же, она это почувствовала. И вот, в один из таких моментов, когда я в очередной раз уперся в нее взглядом, она, уловив это боковым зрением, вдруг рассмеялась. Обернувшись ко мне и блеснув распахнутыми золотистыми глазами (у меня от этого помутилось сознание), она сказала:

- Ну что с тобой поделаешь! Смотри...

Она на минуту отвела глаза в сторону, а затем, обернувшись ко мне вновь, бросила на меня озорной взгляд и сказала:

- Ты хоть и молоденький, а такой славенький!... Завидую я вашим девчонкам...

И быстро отвернувшись, она понеслась по солнечному пространству прочь.

Я остался на месте совершенно остолебеневший. Ничем не измеримый восторг распирает меня. Обрушившееся на меня счастье смешало во мне все. Я не знал, что мне делать. Устремиться за ней или оставаться на месте? Нет, не подумайте, что мною овладели какие-то дерзкие мысли по отношению к Юнне. Она оставалась для меня не просто учительницей, она была - само божество. Я до безумства любил ее, но я боялся коснуться ее даже в своих мечтаниях.

Как пролетели следующие мои дни на Солнце, я помню очень расплывчато. Учеба для меня закончилась. Нет, в отношениях с Юнной ничего не произошло. Она осталась моим руководителем, мы по-прежнему проходили солнечные недра, она рассказывала и что-то показывала мне, но все было как в том самом призрачном плазменном тумане, свойства которого мы с ней проходили: расплывчато и неясно. Я за все это время так и не коснулся ее. Но она позволяла на себя смотреть!

Ох, какое блаженство я испытывал в эти минуты! Я неотрывно глядел на нее, ловил каждый ее жест, каждый взлет ее бровей, каждое движение ее глаз, шевеление губ. Ни одна мимолетная улыбка, ни один, даже нахмуренный, взгляд не проходили мимо моего внимания. А какой восторг испытывал я, когда она смеялась! С каким исступлением в такие минуты поедая ее глазами! Я изучил

все ее лицо, каждый его изгиб, каждую клеточку. В своих снах я купался в ее глазах, трогал, целовал, прижимался к ним, со сладкой нежностью прикасался к ее губам, щекам, бровям, ресницам, но наяву этого делать не смел. Я больно тосковал от этого, мучился, но понимал, что Юнна никогда бы мне этого не позволила. Она для меня была учительницей, я для нее - учеником.

Поглощенный ею, я совершенно потерял счет времени, а оно неумолимо двигалось. И вот настал день отъезда. И только тогда, когда нас собрали, чтобы погрузить на цибели, до меня, наконец, дошло, что я стою перед фактом неминуемого отбытия. Вид распахнутой дверцы ударил меня, как гром. Эйфорию сдуло в одно мгновение.

"Где же Юнна!? - во мне все взорвалось. - Нет, я никуда не полечу! Я остаюсь здесь!"

Я вырвался из круга одноклассников и, взвившись над ними, помчался к лаборатории, где сейчас должна была быть она. За моей спиной раздались крики удивления.

Я влетел в лабораторный корпус и ворвался в ее комнату. Юнна сидела одна и ничего не делала. Мое появление несколько не удивило ее. Она грустила.

- Я никуда не улетаю! - вскрикнул я, вмиг оказавшись очень близко от нее.

Она не отшатнулась. Подняв на меня свои изумительнейшие глаза, она разгладила рукой мои волосы.

- Мальчишка ты мой, - сказала она тихо, - я буду по тебе скучать.

- Я никуда не улетаю! - в отчаянии повторил я.

Она посмотрела на меня и, еще раз проведя рукой по моим волосам, сказала:

- Тебе надо улететь.

- Нет! - воскликнул я.

Она приложила свой палец к моим губам, останавливая меня.

- Если ты хочешь быть со мной, тебе надо улететь. Ведь ты пока еще даже не юноша. На Земле время летит быстрее, чем здесь. Через несколько лет ты догонишь меня в возрасте. Будешь не настолько меня моложе.

Я замолк, пораженный этой мыслью.

- Да-да... - продолжила она, - ты прилетишь через семь земных лет, и будешь взрослым и мужественным. За это время на Солнце пройдет совсем немного времени, я буду такая же, какая я есть сейчас.

- Семь лет? - переспросил я. - Но это же так долго! Я прилечу раньше.

- Нет-нет! Только через семь!

- Ну почему?

- Этого я тебе сейчас сказать не могу.

- Я не выдержу столько.

- Дай мне обещание, что не появишься здесь, пока не истекнут эти годы.

Я смешался. Я ничего не мог понять.

- Ты же хочешь, чтобы я стала твоей девушкой. А чтобы это случилось, ты не должен ни о чем больше спрашивать. Ты должен пообещать мне то, о чем я сейчас прошу.

Комок подкатил к горлу. Я почувствовал, что глаза защищало от слез.

- Я не выдержу, - вырвалось у меня.

- Выдержи, я прошу тебя.

Она взяла в ладони мое лицо.

- Выдержи... а я обещаю тебя до-ждать-ся.

Она приблизила к моему лицу свои губы. Я замер, ожидая поцелуя. Но она остановилась и не поцеловала меня.

Так близко ко мне ее губы еще ни разу не приближались. Я ощутил тепло ее дыхания и почувствовал, что проваливаюсь в бездонную, бесконечную пропасть.

- Иди. Я не пойду тебя провожать, - словно далеким отзвуком прозвучал ее шепот.

Она провела пальцами по моим ресницам, убирая с них влагу. Я перехватил ее пальцы и стал жадно целовать. Она не отдернула руки, и я целовал, целовал и целовал их. Это были потрясающие минуты. Она позволила целовать свои руки. Я окунулся в них. Я перецеловал каждую их клеточку, каждую ямочку, каждый бугорок, я перецеловал каждый кончик ее божественных ноготочков. Весь мир для меня был сейчас в этих руках. Я целовал ее пальцы! Вокруг нас полыхало своим разрушительным огнем гигантское

Солнце, бурлила раскаленная плазма, извергались огромные протуберанцы, а я целовал, целовал, целовал *ее* пальцы...

...Дар замолчал, остановившись взглядом на огоньках, прорывающихся из-под поленьев. Костер стихал. Я сидел, боясь проронить хоть одно слово. Я опасался неосторожным звуком развеять невидимый туман потрясающей истории, которая витала рядом с нами в ночи.

Неожиданно Дар наклонился к костру и опустил пальцы в огоньки. Я инстинктивно вздрогнул, однако дальше произошло невероятное: Дар начал задумчиво играть язычками пламени, а те огибали пальцы, не причиняя им никакого вреда.

- Дар! - воскликнул я. - Вас не жжет огонь?!

От моего возгласа Дар словно очнулся.

- Извините, - проговорил он. - Я совсем забылся.

Он снова отодвинулся от огня, продолжая на него смотреть.

- Да, - сказал он, - после моего путешествия на Солнце огонь не трогает меня.

- Невероятно!

- Да, невероятно... У меня осталось ощущение, что меня все еще окружают остатки грависилового поля.

- Оно сохранилось во мне, - продолжил он после некоторой паузы, - хотя... - он на мгновение словно

запнулся, - оно должно было исчезнуть в том моем сне... Впрочем, я прервался на школьные воспоминания, но вернусь к Бэрбу...

VII

...Итак, мы летели на небольшом квоце по городку... В те минуты мое сознание было переполнено воспоминаниями о Юнне, а Бэрб что-то рассказывал мне. Я почти не слушал его. Я отвлекся от своих мыслей только тогда, когда услышал, что он уже дважды переспросил меня о моих видениях на подлете к Солнцу, о том, что мне виделось в тот момент, когда включалось поле грависила.

Я машинально ответил ему, что слышал голос матери, рассказал, как, погружаясь в парасон, я вместо пульта вдруг увидел простой деревянный стол, бумаги на нем, перед столом окно, а за окном земной ландшафт, рассказал про раннее утро и восходящее из-за горизонта Солнце.

Бэрб заметил мне, что все, кто подлетают к Солнцу, при погружении в поле грависила начинают созерцать необычные видения. У каждого всплывают картины как бы из другого мира.

Эти его слова вернули меня из забывчивости. Я задумался. А ведь, действительно, был такой миг, когда я ощущал словно раздвоение. Будто в этот момент во мне жил какой-то другой человек. Я вспомнил прозвучавший тогда в моем сознании голос матери, и только теперь сообразил, что он был очень странным. Самым странным было то, что в те мгновения она как бы рассказывала мне о миге моего рождения, об акушерке, взявшей меня на руки, и о первых лучах Солнца, упавших на мое маленькое тельце. А я ведь

хорошо помню ее рассказы о моем рождении. Оно происходило совершенно в иной обстановке. Ни о какой женщине-акушерке не шло и речи...

- Поверишь ли, - сказал мне Бэрб, - я в парасне увидел, будто дремлю в каменной пещере. Увидел перед собой прямо в пещере костер, а за костром на стене - недорисованного мамонта...

Я рассмеялся. Бэрб тоже усмехнулся (что бывало с ним редко) и поведал высказанную здесь кем-то версию, что грависил каким-то образом будит в подсознании историческую память.

- Скорее, - сказал я ему полушутя, - он смешивает времена.

- Очень похоже, - ответил Бэрб. - Может, и вправду, он осуществляет какой-то временной сдвиг, ведь он пучкует гравилинии, а те неразрывно связаны с Мировым Временем.

Мне тут вспомнилось, как в момент погружения в грависил я почувствовал, что ощущаю бесконечность пространства, я описал свои ощущения Бэрбу, и мы сошлись с ним на том, что неплохо было бы, если бы кто-то занялся этим вопросом специально.

Я снова вспомнил Юнну, Бэрб тоже отвлекся на свои мысли, и мы на какое-то время замолчали. Я следил за движущейся внизу знакомой улицей. Когда вдаль показался домик Юнны, у меня невольно дрогнула лежащая на подлокотнике рука.

Это не прошло мимо внимания Бэрба, но он ничего не спросил. И тут я с удивлением заметил, что он тоже смотрит на домик Юнны.

Это вдруг взволновало меня. Обуреваемый сомнениями, я начал искоса поглядывать на него. Бэрб сидел, замерев на месте. Неожиданно наши взгляды встретились, и я прочел в них то, что боялся прочесть...

Не один я охвачен мыслями о Юнне!

Я резко тормознул наш квоц.

- Мне надо зайти в гости, - буркнул я.

Бэрб ничего не ответил и лишь молча проследил, как я выбрался из кабины.

Как только я оказался снаружи, квоц дернул с места и быстро помчал прочь, исчезнув в плазменном тумане.

Меня это несколько успокоило. О моих отношениях с Юнной Бэрб знал еще на Плутоне. Ее снимками была заполнена вся моя комната. Полудымчатые объемные изображения Юнны Бэрб видел неоднократно, и я не скрывал своих чувств к ней.

"Значит и он! - подумал я. - Значит и он!"

Это открытие начало меня терзать. Бэрб был здесь без меня с Юнной и достаточно долго!

Я в волнении заспешил к Юнне.

Ее небольшой домик, переливающийся слабыми розоватыми оттенками, немного напоминал нераскрывшийся бутон розы. В окружении других жилищ он приятно радовал глаз и чем-то неуловимым манил к себе. Юнна первая на Солнце сотворила такое жилище, и, глядя на нее, другие тоже начали фантазировать со своими домами. В результате их городок стал похож на цветочную поляну. Однако изящнее Юнны свой домик никому не удалось построить.

Я, подобно жучку, влетел в ее лепестки (такое сравнение всегда приходило мне в голову, когда я посещал ее) и оказался внутри.

Небольшие овальные комнаты с простой невычурной мебелью тоже переливались розоватым цветом. Впрочем, ныне во всяком помещении цветовая гамма легко и плавно меняется в зависимости от настроения хозяев или их гостей. Сейчас мною овладевала радость, и потому стены празднично играли розовыми бликами

Юнны дома не оказалось. Я, помявшись немного в нерешительности, прошел в гостиную и присел в кресло. Мой взгляд упал на столик, стоящий перед креслом. На нем лежал небольшой пульт с единственной клавишей, на которой светилась надпись "Здравствуй, Дар!"

Это было видеопослание мне. Я коснулся клавиши.

По другую сторону столика в кресле появилось стереоскопическое изображение Юнны. Она, улыбаясь, смотрела прямо мне в глаза.

Горячий комок прокатился внутри меня. И, хотя я понимал, что передо мной всего лишь изображение, волнение перехватило дыхание. Я чуть не кинулся обнимать полупрозрачное свечение.

- Здравствуй, Дар! - сказала, улыбаясь, Юнна. - Вот ты и прилетел.

Я отодвинул в сторону разделяющий нас столик и придвинулся поближе.

- Прости, - продолжила она, - что я не встречаю тебя, мне пришлось вылететь на экстренный случай. Только что нас, практически всех, кто остался в городке, подняли по тревоге. Через несколько минут мы отправимся в глубинный рейд. В солнечных недрах зонды зафиксировали гигадомен. Он очень быстро движется к поверхности, и по расчетам наша лайкуна оказывается на его пути. Необходимо это уточнить и исследовать его...

У меня все оборвалось внутри. Гигадомены (их здесь еще называют Гигами) всплывают на поверхность Солнца в зонах его высокой активности. Они несут в себе сильнейший заряд излучения. Их выход на открытое пространство сопровождается мощной вспышкой, которая и наблюдается из космоса. Гигантские протуберанцы взлетают вверх, в пространство уносится ударная волна солнечного ветра. Перед Гигами грависил бессилён. Если Гиг пройдет через городок, он его просто уничтожит.

Я, не дыша, слушал Юнну.

- Но ты же не пугаешься, Дар, - сказала она и рассмеялась.
- Гиг еще не обследован. Может, ничего страшного не произойдет.

- Дар! - продолжила она, немного подавшись мне навстречу. - Как жаль, что я сейчас не могу дотронуться до тебя. Я же совсем не так хотела тебя встретить, не те слова сказать.

Она протянула вперед руку. Я поднял свою ей навстречу. Мои пальцы утонули в ее. На меня нахлынули воспоминания о минутах нашего расставания. Я прикоснулся губами к пустому воздуху, в котором сейчас витал отсвет ее ладони.

- Дар, милый! Я же знаю, что сейчас ты целуешь воздух. Милый-милый Дар! Ты не забыл наше расставание? Мои пальцы еще помнят твои губы. Я тогда не могла тебе ответить тем же. Я просила тебя поскорее улететь. Ты спрашивал, почему. Сейчас я могу тебе сказать.

Все эти годы ты присылал мне свои снимки. Дар, прости, но я не вскрывала их. Нет, Дар, ты не подумай, что я хотела забыть тебя. Пойми меня, милый. Меня тронула любовь мальчика Дара ко мне. Я видела, как ты мучаешься. Но я не могла ответить тебе тем же. Все, что я испытывала тогда к тебе, было только нежной жалостью. Твоя боль передавалась мне. Мне хотелось тебе чем-нибудь помочь, но для меня ты был всего лишь четырнадцатилетним школьником. Я хотела, но не могла любить тебя во всю силу своей любви.

Но Дар, твоя любовь зародила во мне иное чувство, я начинала любить в тебе другого человека. Я смотрела на

твое лицо и за его мальчишескими чертами искала черты крепкого и сильного мужчины, такого же верного мне и так же преданно любящего меня.

Дар, мне тоже хочется сказки. Мне хочется принадлежать мужчине старше, сильнее и мудрее меня, который любил бы меня так же сильно, как встретившийся мне однажды простой и чистый мальчик. И я, Дар, мысленно торопила тебя повзрослеть. Я мечтала, чтобы вчерашний мальчик быстрее обернулся красивым и сильным мужчиной. Я ждала своего рыцаря, на силу и мудрость которого я могла бы положиться, который стал бы моей опорой, который бы берег и лелеял меня, который мог защитить меня. Я хотела, чтобы им стал именно ты, но чтобы ты был совсем другим, чтобы внешнестью ты лишь чуть-чуть напоминал мне моего ученика, до которого я не смела дотронуться. Я не вскрывала твои снимки, потому что хотела поскорее забыть твой мальчишеский облик. Я желала увидеть в тебе совсем другого человека.

А теперь, Дар, я хочу встретиться с тобой, разлука была нелегкой не только для тебя. Подожди меня, теперь совсем немного осталось, подожди, когда я вернусь из экспедиции.

Изображение Юнны застыло на месте. Около минуты она неподвижно смотрела в одну точку, грустно улыбаясь, а затем ее образ плавно растворился в воздухе.

Я сидел, потрясенный услышанным. Она ждала меня! Она любила меня! Она впервые сказала мне об этом. Она сама дарила мне сказку...

Ох, как мне хотелось видеть Юнну в эти мгновения!

Я протянул руку к пульту, и тут неожиданно открылась дверь. Я невольно вздрогнул. На пороге стоял Бэрб. На нем не было лица.

Внутри меня все застыло.

- Что с Юнной?! - выпалил я.

- Неизвестно, - проговорил Бэрб. - От нее нет сигналов. Ни от кого из них нет сигналов...

- Что с Юнной?! - вскричал я.

- Прямо под нами поднимается огромный Гиг, в десять земных радиусов. Он движется очень быстро. Городок эвакуировать уже не успеем... Мы и сами не успеем никуда переместиться... Мы в ловушке...

- Где Юнна?!!! - заорал, не помня себя, я.

- Неизвестно... ничего ни о ком не известно. Нет сигналов.

- Как это - нет сигналов?!!! А маяки?!

- Молчат.

Я сорвался с места и, столкнув куда-то Бэрба, вылетел из домика. Сломая голову я понесся к главной диспетчерской.

Ее огромный зал оказался пуст... Надрывно гудели аварийные динамики, предупреждая о нарастающей гравитации. Я припал к видеопльтам. Экраны смотрели тяжелой темнотой.

- Где маяки?! - выпалил я пустому экрану.

На панели пробежала надпись: "Маяки не отвечают".

- Юнна! - вскричал я.

"Не отвечает" - высветился ответ.

Через миг его покрыла мигающая надпись: "Опасность! Необходима эвакуация! Мощность гравиизлучения приближается к критической". И по экрану побежали столбики цифр и извилистых линий.

Я всмотрелся в них. Информация потрясала. Грависветовое поле очень быстро сгущалось. Нет, Бэрб был неправ. Из опасной зоны еще была возможность удалиться. Но эта мысль совершенно не занимала меня. В цифрах и линиях я искал намек на координаты Юнны. Маяки могли выйти из строя. Их могли просто отключить, - успокаивал себя я, - их ресурсы могли переключить на гравифоны исследователей. В бегущем ряду информации я искал искажения изограв, которые могли бы быть вызваны грависиловыми полями людей.

Увы, искажений было очень много. Поднимающийся из глубин гигадомен вызвал в солнечных недрах целую бурю. Солнечное вещество во всей округе буквально рвало и метало. Я видел всплески, потоки, вихри, взрывы. Все это хаотично плясало по экрану, и во всем этом могли просто затеряться импульсы от гравифонов. По выдаваемым на экран записям я понял, что солнечный вихрь налетел неожиданно. Его не предсказывала даже сверхчувствительная аппаратура...

Дар неожиданно замолк. Его взгляд застыл, обратившись куда-то поверх моей головы. И тут я обнаружил, что уже совсем рассвело. За моей спиной из-за горизонта показалось солнце. Дар смотрел на него. Солнечные блики отражались в его глазах.

Я оглянулся. Огненный ярко-красный шар выглянул уже наполовину. Он словно и не торопился подниматься. Далекое светило зависло у горизонта, а меня охватило странное ощущение. Будто к нашему разговору подключился слушатель, о котором мы только что говорили и которым были застигнуты врасплох. Я мотнул головой, чтобы сбросить наваждение и обернулся к Дару. Тот молчал, ни на что, кроме солнца, не глядя. Он словно забыл о своем рассказе.

Мы просидели так несколько минут. Наконец, меня начало разбирать нетерпение.

- А гигадомен, в смысле Гиг? - спросил я, чтобы как-то прервать молчание. - Что это такое?

- Гигадомен, - проговорил Дар, - это замкнутая область выходящей на поверхность глубинной плазмы. Ее восхождение сопровождается особым излучением. Нет, это не термояд, это гораздо сильнее. В нем в световую энергию превращается гравитация.

- Гравитация превращается в свет? - удивленно спросил я.

- Да. Но, впрочем, это особая тема. Я отвлекся.

- Нет-нет-нет! - воскликнул я. - Расскажите об этом подробнее...

Последняя его фраза зацепила меня, причем не меньше, чем весь остальной рассказ. Не знаю, что на меня повлияло: то ли феерическая романтичность звездной ночи, то ли гипнотическое воздействие костра, то ли потрясающая живописность рассказа, то ли все это вместе взятое, подкрепленное самой банальной заторможенностью от бессонной ночи, но я к этому времени находился в сильном смятении. Во мне боролись два чувства. Разум отказывался верить всему, что рассказывалось, но нутром я уже всецело жил этой невероятной историей. И потому, едва Дар коснулся сферы точной науки, мой недоверчивый разум всколыхнулся. Слова о превращающейся в свет гравитации вообще ударили меня словно обухом по голове. Вот тут можно будет, - шепнул кто-то во мне, - либо рассеять все иллюзии насчет истинности рассказа, либо... (в голове просто не помещалось это второе, невообразимейшее, "либо").

- Ну что ж, - нехотя сказал Дар, - поговорим о гравитации...

Он потупил взор, и мне показалось, что он понял, с каким умыслом я задал свой вопрос.

VIII

- Гравитация... - начал Дар и тут же замолк.

- Гравитация... - повторил он через некоторое время. - Как мало мы знаем о ней.

Он еще немного помолчал и затем продолжил.

- Мы как-то легко говорим о том, что она может быть разной, иметь разные плотности. О том, что к центру Солнца она увеличивается, говорим так просто, будто речь

идет о сгущающемся тумане. Помню, еще Джек Лондон в одном своем рассказе нечто подобное говорил о заполярном морозе. В представлении людей, - писал он, - мороз выражается просто в цифрах: минус тридцать градусов, минус сорок, минус пятьдесят. Его герой так и рассуждал: "Что такое минус пятьдесят? Это всего лишь на десять делений по градуснику ниже минус сорока". Однако оказалось, что в минус пятьдесят мороз обретает совсем иное качество. Это совсем другой мороз. В итоге, такой арифметический подход к пониманию мороза привел героя рассказа к страшному финалу.

То же самое можно сказать и о гравитации. Точнее говоря, о гравитации в недрах звезд. Гравитация на их глубинах - это совсем иное качество материи.

Сегодня существует глубокое заблуждение насчет природы солнечного излучения, - переключился вдруг Дар. - Полагают, что оно носит термоядерный характер. На самом деле, главным источником всякого звездного излучения является гравитация, точнее говоря, сильный перепад плотности гравитационного поля между центральными и приповерхностными областями звезды. В земных условиях, где гравитационное поле по сравнению с солнечным просто ничтожно, этот перепад практически не проявляет себя. На звезде же все иначе. Собственно говоря, там, в сильных гравитационных полях, начинают наглядно проявлять себя некоторые фундаментальные свойства материи.

Ведь что такое материя? - Дар покосился на меня, словно проверяя мою реакцию. - Это нечто единое и неразрывное. И пустота, и частицы, и поля как бы сотканы из одного

общего материала. Всю вселенную можно представить себе как единую ткань. Можно представить себе, что всякая ее элементарная частица - это не есть что-то обособленное от окружающего ее мира и пространства, а есть нечто, сотканное им. Никакую ее часть нельзя вырвать из общей ткани и перенести куда-нибудь за ее пределы. Но если представить частицу в виде узелка, который вяжется из волокон окружающей ткани, то в зависимости от плотности этой ткани может оказаться разным качество нитей, из которых он связан. Внутри звезды, где плотность ткани высока, частица вяжется из грубых нитей, а в пустом межпланетном пространстве, где плотность низка, она сплетается из тонких нитей. В то же время одна и та же частица на любой ткани вяжется одним и тем же способом, в этом она и проявляет свою индивидуальность. Это как неизменный почерк у человека, чем бы он ни писал: хоть шариковой ручкой, хоть пожарным шлангом. И потому легко увидеть, что, например, протон, связанный из грубых нитей в сильном гравитационном поле внутри звезды, будет похож на протон, который связан из более слабых нитей где-нибудь на Земле, хотя все же он будет не такой. Это два узелка одной и той же конфигурации, но один крупнее, а другой меньше. Отличаются даже протоны внутри одной звезды, поскольку плотности полей в ее центральной части намного выше, чем в приповерхностном слое светила... Вот что означает разная гравитация.

Дар на мгновение замолчал, бросив на меня короткий нахмуренный взгляд. У меня, наверное, вытянулось лицо. Такое я слышал впервые.

- Если аналогия с тканью кажется надуманной, - буркнул он, - можете представить себе частицу, как сгусток окружающего ее поля. Картина будет похожей.

- А теперь представьте себе, - продолжил он после некоторой паузы, - что такой грубо сотканный протон поднимается из солнечных глубин к поверхности. Попадая из среды с высокой плотностью гравитационного поля в окружение с относительно слабыми полями, он уже выглядит переростком среди своих приповерхностных собратьев и явно не соответствует окружающей его здесь ткани. И для того, чтобы прийти в соответствие с окружающей тканью, он часть волокон своей грубой нити сбрасывает. Это и проявляется в виде излучения.

Я часто говорил о том, что наша лайкуна кружила только в приповерхностном слое светила, и что мы сами тоже не могли опуститься к плотным солнечным недрам, что там плотность гравитационного поля настолько велика, что сама материя обретает новое качество. Теперь могу объяснить это немного поподробнее. Опустившись туда, вы оказались бы будто совсем в другом мире. Но не думайте, что большая гравитация просто начала бы плющить вас, и что от этого можно было бы найти спасение в чем-то вроде батискафа для наших земных глубоководных морей. Нет! Все гораздо сложнее. Там все протоны и электроны имеют совершенно другой вес, чем те, из которых состоите вы. Чтобы прийти в соответствие с окружающими плотностями полей, материальная ткань вашего тела потребовала бы срочной перестройки составляющих ее частиц. Началось бы интенсивное внутреннее излучение. Однако не всякая перестройка частиц идет в нужном направлении. Ваше тело

было бы просто уничтожено изнутри своими же распадающимися протонами и электронами.

Такова природа и звездного свечения. Термоядерные реакции в звездах происходят лишь как побочные, сопутствующие, они не являются для звезд основными. Основное излучение исходит из солнечных конвективных потоков. Они выбрасывают из солнечных глубин большие массы вещества, огромное количество частиц, которые, попадая в новое, разреженное для них окружение, перестраивают свои энергетические спектры и испускают в пространство энергию, которой обладали в центре звезды - в поле высокой гравитационной плотности. Чаще всего эти массы солнечного вещества поднимаются в виде доменов.

Домен - особое образование. Образно говоря, поднимаясь вверх, он какое-то время удерживает внутри себя поле солнечных недр, сохраняет образовавшую его ткань. То есть внутри него какое-то время сохраняется та плотность поля, какую он имел в солнечных глубинах. Именно эта плотность гравитационного поля разрушающе действует на наши гравифоны, которые сконструированы в более слабых плотностях полей. Конечно, грависветовое излучение начинается в домене еще глубоко в солнечных недрах, но там оно носит стохастический характер и имеет свой период полураспада, однако, выходя к поверхности, всякий домен взрывается. Составляющие его частицы выбрасывают в пространство избыток энергии, которую они принесли из глубин. В просторы вселенной устремляются грависветовые всплески, на планетах ускоряются процессы, имеющие стохастический, то есть вероятностный характер, учащаются катастрофы,

вспыхивают эпидемии, гравитационные импульсы воздействуют на самые глубинные процессы, протекающие в ядрах атомов, ускоряя атомные часы...

- Колоссально! - не выдержал я.

Несмотря на то, что возглас мой был вполне искренним, сомнения мои окончательно развеялись. И отнюдь не в пользу Дара. Да, как рассказчик он был, конечно, великолепен, но во всем остальном, увы...

Дело в том, что некоторое отношение к физике я имею и, вообще-то, знаком с теорией звездного излучения. Все, что рассказал Дар, не укладывалось не то что бы в какую-нибудь известную научную теорию, но даже в самые дерзкие существующие гипотезы о Солнце и об элементарных частицах. В физике микромира действуют несколько законов сохранения, о которых, как я успел уловить из рассказа Дара, он просто забыл.

- Вы понимаете, - сказал я ему, - что те реакции, о которых Вы говорите, просто запрещены законами физики. Ведь есть же законы сохранения симметрии, четности, барионных, лептонных зарядов... Протон не может просто так взять и излучить...

- Но я же не сказал, - как-то неохотно возразил Дар, - что он просто так излучает. Там происходит целая серия взаимодействий с другими частицами, сложная цепочка фазовых переходов. И потом, мы же ведь еще в школе проходили пределы применимости законов сохранения...

- В школе?! - изумился я. - В какой это школе вы изучали квантовую и ядерную физику?!

Дар смешался.

- Да, и вправду, - проговорил он, - у меня уже все перепуталось в голове. Я уже не могу сообразить, что в какой школе я изучал...

- А какую еще школу вы могли оканчивать?

- Оканч...? - его взгляд застыл.

- Окончить? - проговорил он будто про себя, зачем-то надавив на ударный звук "о". - Ну, ту... - он бросил на меня короткий взгляд, - то есть там... Там я тоже в школе учился...

Меж нами зависла немая пауза.

- Я же говорю, - сказал он, уводя взгляд в сторону, - что это было настолько необычное сновидение, что я до сих пор сомневаюсь: сон ли я смотрел.

Дар сник. Он, конечно, догадался, что я ему несколько не верю, но я опять испытал шок. Честно говоря, он смутил мой недоверчивый разум. Дело в том, что, действительно, физикам известны нарушения некоторых фундаментальных законов, которые они объяснить еще не могут, но об этом могут знать только глубокие специалисты (не говоря уж о пределах применимости этих законов, о которых ученые даже еще не думают). Смятение во мне нарастало. Я ощутил холодок какого-то жутковатого волнения, какое испытывал в своей жизни только во сне. Я вдруг подумал, а не сплю ли я сам.

- Вряд ли в школе, - заговорил, было, я, но Дар неожиданно прервал меня.

- В общем, я разглядел на экране импульсы наших исследователей...

Я осекся. Дар не смотрел на меня. Его глаза были опущены на черные головешки догоревшего костра. Во взгляде стояла боль. На меня вновь дохнул невидимый эфир прерванной истории, и я вновь напряг внимание в ожидании продолжения рассказа, отодвинув в сторону все свои колебания...

IX

- ...Я засек их координаты и пулей вылетел из диспетчерской. Я помчался туда, где были люди.

Если они отключили маяки, то могли это сделать только для того, чтобы переключить на себя их ресурсы, а значит, они в большой опасности. Приближение солнечного гиганта настолько повышало плотность поля во всей окрестности, что было в состоянии вывести из строя грависил даже на немалом удалении от домена. Люди могут не успеть удалиться из опасной зоны. Гиг оказался настолько огромен, что их скоростей может просто не хватить, чтобы уйти с его пути куда-нибудь в сторону. В лучшем случае домен вытеснит их на поверхность Солнца, но там он вспыхнет, и гигантские протуберанцы вынесут их в межпланетное пространство. А в межпланетной пустоте грависил просто отключится...

Буря на Солнце, вызванная гигадоменом, - страшное явление. Меня кидало из стороны в сторону от термоядерных хлопков, увлакивало солнечными смерчами. Навстречу мне поднималось огромное количество квуолей, обрывков трубчатников, плазменных шаров, прутов, жгутов, овалов, многие из которых я впервые видел. Солнечный штурман, которому я задал координаты поиска, постоянно сбивался. Рулить вручную было бесполезно. И, конечно же, я никак не мог прослушивать окрестности. Приемник был совершенно забит неимоверно громким воем. Я вслушивался в него, чтобы где-то как-то услышать хоть какой-нибудь писк от грависила.

Наконец, я добрался до точки поиска. Место оказалось пустым - пустым от людей. Все пространство вокруг было забито квуолями. Они плотной стеной быстро двигались вверх, точно пузыри в воде. Так много квуолей я раньше не встречал. Я остановился в нерешительности. Только теперь я сообразил, что напрасно сюда стремился. Если здесь и были люди, то пока я сюда добирался, они должны были покинуть это место. Где теперь их искать, я не знал. Единственное, что оставалось - помчаться вертикально вверх. Люди, уходя из опасной зоны, должны были направиться именно туда.

Неожиданно я услышал в наушниках слабый писк. Сигнал шел откуда-то снизу. Во мне все перевернулось.

- Юнна!!! - заорал я в динамик и ринулся вниз.

- Стойте!!! - пробился сквозь гул чей-то голос. - Сюда нельзя, здесь опасно.

- Где Юнна!? - закричал я.

- Она калибрует зонды.

- Какие, к черту, зонды!? Вы почему не уходите!?

- Да почти все ушли. Юнна со своими зондами заупрямилась...

- Дар!!! - через солнечный шум пробился голос Юнны.

- Юнна!!! Ты где?!

- Я рядом, Дар! Но ты сюда не приближайся! Здесь поле на пределе.

- Юнна! Почему ты не уходишь?!

- Дар, я еще не все зонды установила!

- Бросай сейчас же!!!

- Не могу, Дар! Ты просто не представляешь, какой это уникальный Гиг. Зонды его встретят и пошлют на Землю просто бесценную информацию!..

- Зонды не выдержат!

- Мы усилили их энергией маяков. Дар, такой Гиг восходит раз в тысячу лет. Его нельзя упустить. Это же самый натуральный обломок солнечного ядра. Он несет просто бесценную информацию о солнечном ядре...

- Юнна!!! Уходи!!! Я умоляю тебя!!!

- Дар, подожди, немного осталось. Ты не представляешь, как мешают квуоли. Они сбивают настройку и толкают меня.

- Юнна! О чем ты говоришь?! Уходи! Где ты? Я не вижу тебя!

- Подожди, Дар, совсем немного осталось. Ой!!!

- Юнна! Что случилось!?

- Дар! Квуоли! Они сорвали меня с места!!!

- Юнна!!!

- Дар! Они поволокли меня наверх!!! Дар, они живые!!!

- Юнна!!! Где ты!!!

- Дар!!! Это живые существа!!! Я и раньше удивлялась их осмысленному поведению. Они тоже спасаются от Гига!!!

- Юнна! Помоги мне найти тебя!

- Дар!!! Представляешь, живые обитатели Солнца!!! Они меня выталкивают к поверхности, они совсем как наши дельфины!!! Дар, дельфины ведь тоже выталкивают к поверхности воды утопающих... Но я же не докалибровала зонды!!!

И тут я ее увидел. Окруженная плотным кольцом квуолей она стремительно поднималась из глубин. Ее искрящийся грависил заливался лиловым светом.

У меня помутилось сознание. Именно так светился доставивший меня на Солнце Транспортник перед своим исчезновением.

- Юнна!!! Скорее сюда!!!

- Дар! Как мне от них избави...

И все... В этот миг Юнна исчезла.

- Ю-ю-юнна!!! - не помня себя, закричал я.

Я бросился к тому месту, где она только что была. Квуоли, державшие ее плотным кольцом, вмиг разлетелись в стороны и врассыпную помчались к поверхности. Некоторые из них ударились об меня. После этого они вдруг словно бросились на меня в атаку, сильными ударами толкая вверх.

- Ю-ю-юнна!!!

Вдруг мимо нас с жутким ревом пронесся вниз большой дымящийся шар. Я узнал квоц Бэрба. Взгляд успел выхватить из клубов дыма и искр его лицо. В следующее мгновение исчез и он. Квоц Бэрба бесследно растворился вслед за Юнной.

Однако я уже не думал о нем. Я ни о чем не мог думать. Перед глазами стояла только Юнна. Я метался из стороны в сторону. Ее не было. Она исчезла бесследно. Как бесследно исчезает на Солнце любой несолнечный объект, когда он лишается грависиловой защиты.

- Ю-ю-юнна!!!

Нет, это невозможно! Ты не можешь исчезнуть! *Не можешь!*

Внутри меня все кричало и рвалось.

Не можешь! Не можешь! Не можешь!

Юнна!!! Я столько лет ждал, чтобы встретить тебя... Я столько лет жил тобой.

Юнна!!! Ты не можешь исчезнуть!!!

Вокруг клокотало и бурлило Солнце. Огненные вихри, извиваясь, сталкиваясь и разбиваясь, уносились вверх. Где-то вместе с ними унеслись ввысь разбитые излучением атомы Юнны...

Шальная мысль вдруг пришла мне в голову. Я устремлюсь вслед за ней, я разобьюсь на такие же частицы и помчусь вдогонку. Нужно только отключить грависил.

...Нужно только отключить грависил...

Я протянул руку к мультиузлу. Яркий лиловый свет озарил окрестности, ударив, как мне показалось, откуда-то из-за моей спины, и...

Дар резко замолчал. Я, затаив дыхание, слушал.

- Я обнаружил себя в своей комнате, лежащим головой на столе...

Дар выпрямился и повернул голову в сторону, словно отворачиваясь от восходящего солнца. Я заметил, как блеснули его слегка увлажнившиеся глаза. Он промолчал еще с минуту.

- В общем, я обнаружил себя, - повторил он, - спящим на своем столе... Но я даже не сразу понял, что проснулся ото сна...

Дар взял прут и поворошил черные остывающие угли.

- Прямо как догоревший костер, - сказал он. - Огонь погас, а угли еще теплые... Я тоже в первые минуты после пробуждения жил мыслями о Юнне...

- Продолжайте, - тихо сказал я.

Я почему-то почувствовал, что история на этом не закончилась. Хотя, по правде говоря, мне просто не хотелось, чтобы она на этом заканчивалась.

Х

- Да, - сказал Дар, - я продолжал думать о ней.

"Юнна, где Юнна?" - была первая мысль, которая пришла мне в голову. Я с удивлением осмотрелся. Я не мог понять, где я нахожусь. Осмотрел стол, стены, мебель. Встал, подошел к двери, открыл ее... Ко мне постепенно начало возвращаться сознание.

Я с удивлением оглянулся на стол, на котором только что лежал, на раскиданные бумаги и на окно. Солнца за окном уже не было. День был в самом разгаре, и оно перешло на другую сторону дома.

Неужели это был сон?! - подумал я.

Я подошел к столу. Бумаги, над которыми я всю ночь работал, лежали в полном беспорядке. Я взял в руки листочки и с трудом вчитался в них. У меня было такое ощущение, будто я писал все это очень и очень давно.

Шаг за шагом, цепочка за цепочкой я стал восстанавливать в памяти свою действительную жизнь. Я

ходил по комнате, перебирал предметы, заглядывал в ящички стола, рылся в шкафу. Каждый предмет помогал мне что-нибудь вспомнить. Иной раз, бывало, я начинал искать какую-нибудь вещь, и мне приходила вдруг мысль, что я, наверное, оставил ее где-нибудь на Плутоне или Меркурии, но через мгновение я снова возвращался в реальность и поражался своей шальной мысли. Я удивлялся про себя тому, как глубоко приснившийся мне сон овладел моим сознанием.

Так прошел остаток дня. Вечером я улегся в постель и, несмотря на то, что всего три-четыре часа как проснулся, тут же утонул в таком мертвецком сне, словно не спал целую неделю. Сновидений в эту ночь никаких я не видел.

Следующий день прошел для меня, словно в тяжелой дымке, хотя я полностью вернулся в реальность. Я делал какие-то свои дела, ходил в мастерскую, кому-то звонил, что-то кому-то передавал. Но все происходило чисто машинально, будто без моего участия. Я действовал, словно запрограммированный робот. Помню, кто-то спросил меня о моем здоровье. Мне сказали, что я выгляжу, словно после тяжелой болезни...

..."Юнна! А как же Юнна?" - была первая мысль, которая пришла мне в голову после пробуждения на третий день.

Я поднялся с постели, огляделся. В этот раз мне не пришлось долго осознавать, где я нахожусь, однако я сразу же почувствовал, как болезненно ноет сердце. Образ Юнны

стоял у меня перед глазами. Так не покидал он мои мысли в течение всего дня. Я вспоминал все минуты, проведенные с нею, все сказанные ею слова, вспоминал каждую ее улыбку, каждый жест, вспоминал ее руки. Мои губы помнили прикосновение к ее пальцам. Я томился, не находя себе места.

Я никуда не мог спрятаться от этих чувств. Умом я понимал, что никакой Юнны не было и не могло быть, но в голову сами собой лезли совсем другие мысли.

"Юнны нет, - крутилось в голове, - потому что она погибла".

И я чуть не выл, вспоминая миг ее исчезновения.

Вечером я взобрался через чердак на крышу, чтобы взглянуть на заходящее солнце. Я смотрел на него и перебирал в памяти все подробности своего странного пребывания на нем. Я вглядывался в него, словно пытаюсь на нем что-то увидеть... Но красный шар лишь слепил мне глаза. С каким-то безразличием он закатывался за крыши домов, не оставляя мне ни намека на разрешение мучивших меня сомнений.

На следующий день мне вдруг вспомнился мой диалог с Бэрбом о смещении времен. И я подумал: "А может быть, это правда?" Может быть, это был не сон, а невероятнейшее событие?

Может, и вправду я был там - в ином, очень далеком времени?

Однако я отогнал от себя эту дикую мысль.

"Я спал, - подумал я, - после тяжелой рабочей ночи. Я перетрудился. Все эти невероятные вещи мне просто приснились".

Но в следующий миг мне начало вспоминаться, *что* мне приснилось, и я смешался. Мне вновь вспомнились последние секунды жизни Юнны, лиловое искрение ее грависила, и у меня сжалось сердце. Если это был не сон, то тогда я потерял самого дорогого для себя человека.

А была ли она?

"Будет ли она?" - вдруг подумалось мне. Меня поразила неожиданная мысль: если это правда, то все, что со мной случилось, было не в прошлом, а в далеком будущем.

Если Бэрб прав, и я, действительно, прошел через смещение времен, слившись с существом неизвестного мне Дара, то Юнна будет. Пройдут столетия, и она появится... Появится, чтобы исчезнуть на глазах у неведомого мне человека.

На моих глазах...

Мои мысли снова спутались. Я до боли сжал веки.

"Дар, милый-милый Дар", - проносились в моей голове ее слова...

..."Милый Дар", - звучало в моей голове, когда я лежал вечером в кровати, заставляя себя уснуть.

Я смотрел в потолок и ни о чем больше не думал. Сон не шел.

Из головы не уходил полупрозрачный образ Юнны.

"Я ведь тоже хочу сказки, - проплыли в моей памяти ее слова, - я хочу, чтобы ко мне явился рыцарь, который любил бы и лелеял меня, который оберегал бы меня, который защитил бы меня..."

Юнна-Юнна! Защитить я тебя не смог...

Я встал с кровати и вышел на балкон.

На улице стояла ночь. Над головой мигали звезды. Мигали, как мигают миллионы и миллиарды лет. В полном безразличии. У них свой отсчет времени, свои проблемы.

Я не сумел защитить Юнну...

Усевшись прямо на полу балкона, я обхватил руками голову. На звезды смотреть больше не хотелось.

Дунул ветерок. Его прохлада слегка освежила меня. И вдруг мелькнувшая прежде мысль о будущем времени снова пришла мне в голову.

Почему я думаю о ней в прошедшем времени?! Она еще не родилась! Не родился и Дар! Не родился Бэрб, не родились исследователи Солнца, не родились экспедиторы. Еще предстоит появиться на свет ученым, которые рассчитают изогравы солнечных недр и изобретут грависил. Еще предстоит родиться исследователям, которые просчитают и опишут солнечные домены...

Юнна! Дар! Бэрб! Вы еще не появились на свет, а я уже побывал с вами на Солнце. Я знаю, как будет разворачиваться трагическая цепочка событий в вашем

далеком будущем! Я расскажу об этом всему человечеству. Я сумею предупредить вас о трагедии!

- Жаль, только, - Дар сник, - что сам я больше не окажусь там. Юнна так и останется для меня неосуществленной юношеской любовью.

Дар замолчал. Молчал и я. Уже вовсю разыгралось утро. Непокойные ночные насекомые уже давно уgomонились. Их гул сменился чириканьем и щебетанием птиц. Солнце высоко поднялось и грело нас своими лучами. Просыпающиеся туристы потянулись к реке для принятия водных процедур. Один из них, проходя мимо нас, сострил:

- А вы опять здесь сидите? Будто и спать не ложились...

XI

Прошло несколько дней. Однажды Дар случайно встретился мне на улице. Он мне сказал, что хочет повторить свой путь туда, к Юнне. Повторить опять через сон.

- Но ничего пока не получается, - жаловался он. - Все эти ночи снятся обычные сновидения. Видел как-то в одном из них Юнну, но она промелькнула и исчезла.

- Надо научиться, говорил он мне, - удерживать сновидение. Я уже занят тем, что пробую разные снотворные.

Увы, в этом вопросе я - плохой советчик.

При следующей встрече он рассказал мне еще один эпизод из своей солнечной истории.

- Мне вспомнилось недавно, - сказал он, - как мы с Юнной во время одного из наших занятий вылетели на поверхность Солнца. Мы остановились, оглядываясь по сторонам. Под нами простирались медленно кипящие солнечные холмы, а наверху смыкались сплошным шатром плазменные всполохи. Звезд не было видно. Немного поколебавшись, Юнна повлекла меня наверх. Это было уже после того, как однажды я, испугавшись какого-то хлопка, уволок Юнну вниз. Теперь я следовал за ней в спокойной уверенности. Мы достигли слоя плазменного тумана и пересекли его. Нам открылось звездное пространство. Мы остановились и замерли, глядя наверх.

Прямо над головой висела большая светящаяся точка.

- Это Меркурий, - сказала Юнна. - Там дальше виднеются Марс и Земля.

Мы принялись искать с ней другие планеты.

Неожиданно далеко внизу, прямо под нами произошел всплеск плазмы, и в нашу сторону понеслись ее рассыпающиеся клочки. Миновав полупрозрачные плазменные облака, они вырвались вслед за нами в пустые черные просторы. И вдруг эти красные язычки стали шумно лопаться. Они начали взрываться, рассыпаясь на мельчайшие искорки. Эти искорки образовывали быстро растущие шары, которые таяли на глазах. Это сильно напоминало наши фейерверки. Мы с Юнной оказались в самой гуще этих фантастически красивых всплесков. Сверкающие и переливающиеся всеми цветами радуги

искорки окружили нас. Их даже трудно было различить, настолько они были микроскопическими. Казалось, что это поблескивает само пространство. Солнечный ветер проносил их мимо нас ввысь, и они, причудливо танцуя, стремительно удалялись, постепенно растворяясь в космической черноте. Зрелище было настолько красивым, что мы с Юнной, как замороженные, смотрели, не отрываясь, на их пляску, пока не исчез последний огонек.

Но, едва он пропал, как под нами произошел новый всплеск, и в просторы вселенной понеслась новая порция языков солнечного пламени. Мы опять оказались в самой гуще фантастических всплесков и проводили их наверх своими взглядами. Не успели они рассыпаться на черном небосводе, как случился новый всплеск. Через минуту произошел новый, и еще через минуту - новый. Огненные россыпи одна за другой улетали в пространство. Это было редчайшее явление на Солнце, совершенно неизученное. До нас его наблюдали лишь дважды. Природа плазменных образований, которые так проявляли себя в околосолнечном пространстве, была еще неизвестна...

- Как же это красиво! - сказала Юнна. - И какая же все-таки сила у звезд!

Она проводила взглядом последние всплески и обернулась к далекому горизонту, на котором сплошной стеной стояли протуберанцы.

- Сколько энергии даруют вселенной! - проговорила она.
- Представляешь, когда-нибудь люди полностью освоят Солнце. Им откроются такие колоссальные возможности!..

- Поработав здесь с солнечной энергией, - продолжала она, - я уже не могу всерьез воспринимать работу на крохотных планетах. Они по сравнению с Солнцем - не более чем холодные пылинки со смехотворным запасом энергии. Разве можно что-то очень серьезное и большое сделать там? Один твой грависиловый генератор перерабатывает энергии столько, сколько все электростанции земного шара. Наша станция, не замечая того, съедает ее столько, сколько не в состоянии добыть все агрегаты планет солнечной системы. И это для Солнца - ничто!.. Отсюда все, происходящее на планетах, видится, как в первобытном каменном веке. Самые малые эксперименты, которые мы здесь проводим, просто неосуществимы там. А если развернуть масштабное производство?! Фантазии не хватает, чтобы представить, как преобразится человечество, переселившись сюда!

Не наша маленькая станция, а большие города вырастут здесь. Они не будут прятаться в лайкунах, а будут строиться прямо на поверхности. Посмотри вниз и представь себе всюду дома. Дома, дома, дома... Люди начнут жить здесь, на Солнце, среди этой мощи и красоты! Они начнут здесь строить и созидать! Они будут творить здесь прекраснейшие вещи!

- Она мечтала о солнечном рае, - тяжело проговорил Дар. - Но... - Дар закрыл глаза, - вселенная наказывает тех, кто покушается на ее могущество. Солнце - это не просто небесное тело, которое отличается от других только тем, что оно горячее. Солнце, как и всякая звезда, это основа жизни вселенной. И просто так ходить по себе оно не позволит...

Повисла тяжелая пауза. Я не знал, что можно сказать на такое, а Дар был погружен в свои мысли. Наконец, он медленно заговорил:

- Человек всегда хотел невозможного, и всегда обжигался на этом. Хотели построить рай на Земле - чуть не подвели к Апокалипсису, ступили на Солнце - и...

Дар замолчал и быстро отвернулся. Мне показалось, что я увидел в его глазах блеснувшую слезу.

Я смешался. Растерявшись, я не знал, что делать. Не успокаивать же его.

- Вы не правы! - сказал я с бодрой ноткой в голосе. - Вы же только видели, как Юнна исчезла, но даже не знаете, погибла ли она. Да и что дальше было на Солнце, Вы тоже не узнали. Если уж люди попали туда и научились там жить, их ничто не остановит. Не получился рай на Земле сегодня - построим завтра. Не удалось на Солнце...

Дар резко обернулся ко мне. Глаза его были сухи. Я осекся. Но он смотрел мимо меня.

Нет, конечно, он чувствовал, что я говорил неискренне. Я смутился. Я не верил ему, но, странное дело, я чувствовал себя виноватым из-за этого.

Между нами вновь повисла неловкая пауза.

- Вы не хотите мне что-нибудь рассказать? - пытаюсь сгладить неловкость, сказал я.

Дар пожал плечами.

- Что Вы хотите услышать?

- Ну, что-нибудь из тех знаний, которыми Вы обладали... там...

- Могу, - натянуто сказал он, - но я ведь буду говорить на другом понятийном языке, поэтому вряд ли у меня что-либо внятное получится.

- Но все же! Вы говорите, а понять или не понять - это мое дело. Например, о тех же звездах... Что будет, когда свечение звезд иссякнет и вселенная остынет? Тогда уж точно рая не будет ни на Земле, ни на звездах...

Последней фразой я попытался ему подыграть, но вышло, конечно, очень неуклюже. Однако Дар на мое подыгрывание никак не прореагировал.

- Вселенная остынет? - Дар задумался. - Нет, ей не грозит остывание...

- Не грозит? Но ведь рано или поздно горючее звезд исчерпается, и они погаснут!

- Звезды будут гореть всегда! Одни, иссякая, гаснуть, другие загораться!

- Помните, я вам говорил, - сказал он после небольшой паузы, - о фундаментальных свойствах материи, которые порождают свечение звезд? Они не только зажигают звезды - они обеспечивают вселенной вечное существование... Ведь вселенная постоянно расширяется, звезды и галактики удаляются друг от друга, межгалактические гравитационные поля слабеют.

- Я Вас еще немного задержу, - сказал он, оживляясь. - Понимаете, мне надо иногда рассказывать то, чем я владел там. Удивительное дело, но многие из тех знаний как бы всплывают в моей памяти, когда я все это рассказываю. Без рассказа эти знания лежат в моей голове, как на дальней полке в кладовой. Они есть, но я об их существовании просто не догадываюсь.

ХП

- Ну, представьте ту же картину с тканью, - быстро-быстро заговорил он, - которую я вам обрисовывал, когда рассказывал о свечении звезды, но представьте теперь ее в другом варианте: не тяжелая частица, выходя к поверхности звезды, попадает в поле пониженной плотности, а, наоборот, поле вокруг частицы слабеет. Галактики, убегающие в бесконечность, ослабляют плотность гравитационного поля, как бы вытягивают волокна из нитей ткани, которая окружает частицу, ткань редет. В конце концов, наступает несоответствие энергетических уровней частицы энергетическим уровням окружающего поля, и она излучает. Это тот же механизм излучения, что и в недрах звезды, но только замедленный, растянутый на миллиарды лет.

Но это умозрительная картина. Реально же происходит то, что на фоне слабеющих межгалактических полей целые звездные системы, галактики оказываются в неустойчивом состоянии. Подобно звездным доменам, они какое-то время удерживают внутри себя поле высокой плотности. Но рано или поздно они должны будут прийти в равновесие с окружающим их межгалактическим полем. И когда оно слабеет, теперь уже не отдельные частицы сбрасывают

избыточные волокна, а делают это большие космические тела и целые звездные системы. Происходят внутригалактические взрывы. Мы наблюдаем это, как вспышки сверхновых. В процессе таких гигантских вспышек частицы, составляющие вещество галактик, перестраивают свои энергетические уровни. Сбросив избыток энергии, они оказываются сплетенными уже из более тонких волокон. Они приходят в соответствие с ослабевшим окружающим полем вселенной. Но на этом дело не заканчивается. Вселенная продолжает и продолжает расширяться. Межзвездные поля продолжают слабеть. Новые звездные системы спустя миллиарды и триллионы лет вновь оказываются в неравновесном состоянии. Происходят новые вспышки, и в результате этих новых вспышек мы получаем новые галактики, новые системы галактик. И так бесконечно. Каждый раз вещество материи перестраивается на более низкий энергетический уровень, волокна вселенской ткани утоньшаются, но строение ее, конфигурация ее узелков, спектральные характеристики частиц не меняются. Мы имеем те же протоны и электроны, но они просто сплетены из более и более тонких нитей. Ведь остается неизменным другое фундаментальное свойство материи: сохраняется способ плетения, а он и определяет характеристики частиц. Мы каждый раз получаем все тот же самый мир, но каждый раз в уменьшенной, уменьшенной и уменьшенной проекции. Эта проекция живет по точно таким же законам. В ней сохраняется движение, сохраняется свечение звезд, в ней по-новому возобновляется жизнь. Так было и так будет вечно.

- Было вечно? Но когда-то же это разбегание галактик началось. Был Большой взрыв, с которого начала существование наша вселенная.

- Не было никакого Большого взрыва, это миф. Такой же миф, как и о твердом небосводе. Хотя взрыв, породивший нашу систему галактик, действительно был. Но это был не тот эпохальный взрыв, с которого началось все мироздание. Это был один из тех обычных взрывов сверхновых, которые мы постоянно наблюдаем. Я же говорю: вселенная постоянно расширяется, плотность ее падает, материя постоянно перестраивает свои энергетические уровни.

Когда-то все галактики, которые мы видим вокруг, образовались в результате вспышки сверхновой. Но сама эта сверхновая находилась в окружении других галактик, которые так же разбегались. Плотность материи была несоизмеримо выше, чем сейчас. Это была очень грубая ткань - ткань, нити которой были вроде толстых канатов. Но из этих канатов точно также вязались узелки-частицы, точно также существовал свой мир, только для нас этот мир был огромным, как для Гулливера мир великанов. Он так же расширялся, пока окружающая его ткань-материя не ослабла. Тогда он взорвался. Была уничтожена та жизнь, и появилась наша...

- Колоссально! - вновь воскликнул я. - Просто поразительно, как Вы увязали микро и макромир!

- Мне надо, мне очень надо вернуться туда! - оборвал мое восклицание Дар. Он не слушал меня.

- Я попытался написать работу о Солнце. Однако, мои знания, полученные там, не перекладываются на

сегодняшний научный язык. Я не учился здесь физике, я не знаю, каким инструментарием оперируют наши ученые.

- А он разве не такой же?

- Не такой! Вы даже представить себе не можете, насколько не такой.

Я пожал плечами.

- Во всяком случае, - сказал Дар, - с нынешними алгоритмами даже слабое подобие грависила не рассчитаешь.

"Куда уж нам!" - чуть не вырвалось из моих уст. Но я удержался, отведя взгляд в сторону.

- Но я, пожалуй, пойду, - сказал мой собеседник.

И он быстро удалился, забыв или не захотев даже попрощаться. А меня начали мучить угрызения совести.

Конечно же, он почувствовал мою иронию.

"Ну, зачем же я так! - думал я про себя. - Ну, почему бы мне не сделать хотя бы вид, что я ему верю? Не знаю, что у него той ночью произошло, но он не просто верит в свой сон, он и вправду живет им. Никому же он не мешает своей верой. Он сам испытывает неловкость, когда рассказывает свою историю. Это очень заметно. Ему нужен слушатель. Ему просто нужен внимательный слушатель... Ну разве трудно сыграть эту роль?"

Разные мысли начали крутиться в моей голове, и вдруг я увидел, что Дар возвращается. Он так же быстро шел в мою сторону, как только что удалялся.

- Да поверьте вы! - заговорил он с ходу. - Можно жить на Солнце! Можно! Умом это трудно принять, это лежит просто за пределами нынешнего миропонимания. Ну, представьте себе, что современнику Архимеда вы попытались бы объяснить, как работает ракетный двигатель. Если б вы ему сказали, что для работы ракеты нужны водород и кислород, то он вам бы так же не поверил. Он даже понятия не имел в свое время, что вообще существуют такие газы, как водород и кислород. На все ваши доводы он сказал бы, что все это миф и фантастические выдумки, что вы сами придумали эти газы, чтобы придать своей нелепой сказке хоть какое-то объяснение, пусть даже такое же несуразное. Вы не смогли бы древнему греку, даже самому умному, объяснить, что в том прозрачном, невесомом воздухе, который его окружает, есть нечто, что нельзя даже пощупать, но что поднимает многотонный космический корабль в небеса. Точно так же и с грависилом...

- Ну поймите вы! - не останавливался Дар, - С нашими представлениями о солнечной плазме трудно вообразить себе способы защиты от нее. Мы просто еще не знаем тех свойств гравитационного поля, которые позволяют это сделать. Мы как тот древний грек, у которого просто в голове не укладывается, как в негорючем воздухе могут находиться и соседствовать какие-то горючие газы.

- Ну поверьте! - в отчаянии продолжал мой собеседник. - Все, что я рассказываю, не плод моей выдумки. Жить на Солнце можно! Мы не все знаем о своем светиле! Да что там наше Солнце! Мы сами себя, свою собственную жизнь совсем не знаем! Наше общество может жить без лжи и

воровства, может жить без злобы и жестокости, может жить чисто и честно! Мы сегодня не знаем, как можно так жить, и потому никто... никто в это не верит! Но для нас сегодня разговоры о такой жизни - все равно что разговоры с современником Архимеда о космическом полете. А люди будут так жить! После Архимеда прошли века, и человек полетел. После нас пройдут столетия, и как бы мы в этом ни сомневались, человечество будет жить без пороков. Вы говорили о земном рае, но сами не верите в него, никто в него не верит. А он будет! Ну, поверьте, там, на Солнце, я *жил* в таком мире! Поверьте, я *был* на Солнце! *Был!* - воскликнул Дар и замолчал.

Он не глядел на меня. Он, похоже, и не ждал от меня никакой реакции. Я ничего не говорил. Спустя некоторое время он повернулся и медленно пошел прочь.

Я долго стоял на месте и глядел ему вслед...

XIII

Спустя несколько дней, у нас с ним была очень короткая встреча. Мы случайно столкнулись на перроне метро. Он куда-то спешил.

- Я недавно видел Юнну. Во сне, конечно. Но это был долгий сон. - Дар буквально светился от радости. - Она мне ничего не сказала, но я почувствовал, что скоро нам предстоит настоящая встреча.

На моем лице чуть было не нарисовалось изумление, но я быстро подавил в себе все свои мелкие мыслишки.

- Я рад, я очень рад! - сказал я. - Нет, я, правда, рад! - поскорее добавил я, видя, что Дар удивился моей реакции.

Я взял его руку и, насколько мне хватило внутреннего тепла, пожал ее. Мне и вправду в ту минуту очень хотелось верить Дару. Ну хоть в чем-то мы должны верить друг другу!

Дар внимательно посмотрел мне в глаза, и счастливая улыбка пробежала по его лицу. В это время подошла его электричка, и он, не отрывая от меня взгляда, вошел в вагон. Дверцы за ним захлопнулись, а он продолжал смотреть на меня сквозь стекло.

"Прямо как на цибеле!" - мелькнула в голове мысль. Я представил Дара, смотрящего из-за закрывшейся дверцы того солнечного автомобиля.

"Что ему наше метро, - подумал я, - когда он в своей жизни на таком транспорте катался!.."

Дар будто прочитал мои мысли. Он широко улыбнулся и махнул рукой. И поезд пошел, увозя его. В последний для меня раз. Больше я его не видел.

XIV

Хватился я его спустя несколько дней. Когда начал его искать, обнаружил, что даже не знаю ни его имени, ни фамилии, ни адреса. Имя Дар оказалось, конечно же, ненастоящим. Под таким именем никто не значился ни в одном справочнике. Я справлялся и в разных специальных службах. Никто в эти дни с таким именем или похожей внешностью не попадал в больницу и не умирал.

Недавно я задумался, откуда у него такое странное имя - Дар? И вспомнил: Дар Ветер - из "Туманности Андромеды".

Я достал этот роман и сейчас перечитываю его. Нет, конечно, он не о том Даре, его герой имеет совсем другой образ, но чтение его чем-то напоминает мне о моем неизвестном собеседнике. И хотя роман совсем о других событиях, что-то в нем есть общее с невероятным фантастическим рассказом Дара...

...Дар, "посланец Андромеды" (так я окрестил тебя мысленно), однажды удивительной ночью ты явился ко мне, чтобы рассказать потрясающую историю. Я не верю, что ты исчез бесследно. Тебе выпало поведать миру и нашим далеким потомкам о драматической истории, которая может случиться в их далеком будущем. Почему-то ты не смог этого сделать. Я решил помочь тебе в этом. Может, ты прочтешь эту книгу...

Если прочтешь, отзовись!

Конец Книги первой

Книга вторая.

ШАНС

I

"...На перроне метро друг против друга стояли два человека.

- Я недавно видел Юнну. Во сне, конечно, - сказал первый.
- Но это был долгий сон. Она мне ничего не сказала, но я почувствовал, что скоро нам предстоит настоящая встреча...

Говоривший светился от радости.

- Я рад, я очень рад! - ответил ему второй.

Первый удивленно взглянул на собеседника.

- Нет, я, правда, рад! - торопливо добавил второй и так же торопливо протянул руку для пожатия.

Первый собеседник с удивлением посмотрел второму в глаза, и, наконец, счастливая улыбка пробежала по его лицу.

Подошла электричка, и тот, кто говорил о Юнне, не отрывая взгляда от собеседника, вошел в вагон. Дверцы за ним захлопнулись, но он все еще смотрел сквозь стекло. Человек, оставшийся на перроне, тоже глядел на своего собеседника, задумчиво улыбаясь. Отъезжающий, махнув рукой, широко улыбнулся, и поезд пошел...

Артем, - так звали человека, отъехавшего в электричке, - еще долго стоял лицом к стеклянной дверце. Перед ним проносились опутанные кабелями стены тоннеля. Иногда вспыхивали пролетающие мимо окон редкие лампочки. Стук колес, слившийся в единый гулкий грохот, заглушал любые звуки и разговоры, которые велись в вагоне. Но пассажиры почти и не разговаривали. Они ехали молча, погруженные в свои мысли.

Артем стоял спиной к ним, и его взгляд блуждал по их тусклым отражениям в стекле. У противоположной дверцы вагона стояла невысокая худенькая девушка. Внимание Артема невольно остановилось на ней. Его почему-то

привлекло ее очень некрасивое вытянутое лицо. Маленькие, близко посаженные глаза терялись на фоне крупных конопушек и большого рта. Артему стало жалко девушку.

Неожиданно за окном вагона вспыхнул яркий свет от большого фонаря, и в его отблеске Артему на мгновение почудилось, что он увидел в конопушчатой девушке Юнну. Артем вздрогнул. Сердце его заколотилось, и хотя Артем тут же понял, что это лишь мимолетное наваждение, оно никак не могло успокоиться.

Неутихающая боль вновь сковала его грудь.

- Юнна! - вырвался у него едва слышимый вздох.

За окном часто замелькали лампочки. Их количество стало вдруг быстро увеличиваться и свечение усиливаться.

- Дар?! - вдруг услышал он голос.

Артем резко обернулся. Рыжая девчушка стояла рядом и смотрела ему прямо в глаза.

- Я не Дар, - теряя голос, проговорил он.

- Ну, тогда и я не Юнна! - резко выпалила девушка, и, обернувшись, быстро пошла вдоль вагона.

Неожиданно за окном полыхнуло пламя. Артем непроизвольно отпрянул в сторону и оглянулся на пассажиров. Люди, ехавшие в вагоне, стояли, застыв в фотографических позах... Артем вдруг увидел, что они ненастоящие. Перед ним в воздухе висели видеоизображения. Прямо на глазах они начали таять. Он обернулся к окну. Там стояла сплошная стена огня.

Сон... сон... сон! - застучало в его голове. За окном стремительно проносились солнечные недра.

Артем резко повернулся вслед уходящей девушке. Это была Юнна. Он кинулся к ней. Дорогу ему преградила ворвавшаяся в вагон полоса огня. Артем ринулся сквозь нее и... открыл глаза.

Яркий огонь быстро собрался в небольшой ослепляющий диск. Далекое солнце висело прямо перед ним на фоне бледно-голубого неба...

II

Артем медленно опустил взгляд. Ослепленные солнечным светом глаза некоторое время ничего не видели.

Вскоре, сквозь дымчатую пелену начало проступать плавно изгибающееся золотистое поле. Слабое волнение колыхнулось в душе. В памяти всплыли солнечные пейзажи. Но длилось это недолго. Спустя минуту, он увидел, что перед ним отливало золотом широко раскинувшееся пшеничное поле.

Артем огляделся. Он сидел на земле, на обочине пыльной грунтовой дороги, навалившись спиной на дерево. По другую сторону дороги расстиралось колосющееся хлебное поле. Местность имела волнистый рельеф, и поле повторяло его плавные изгибы. Вдали оно опускалось вниз, и там, по его краю, длинной зеленой ленточкой тянулась лесополоса. Постепенно, будто из тумана, стали вырисовываться стоящие поодаль три машины и... люди.

В воображении еще раз мелькнуло видение проносящихся стен метротоннеля, в ушах едва слышно прозвучал

затишающий стук вагонных колес, и... всё! Все видения и звуки исчезли.

Стоящие напротив люди (их было человек двадцать) застыли, словно в фотографических позах. Все были обращены к нему. Наконец, Артем увидел то, что вернуло ему память. В руках у некоторых из них были автоматы. Прямо на Артема смотрели их черные дула. Руки за спиной ощутили впившуюся в запястья веревку.

Артем скользнул взглядом по лицам людей. Он вспомнил, как оказался здесь, вспомнил, как повалил его на землю удар по голове. Он упал назад и, ударившись о дерево, потерял сознание.

В эти долгие минуты, после того, как он провалился в небытие, его и посетило неоднократно повторяющееся в последнее время видение. Но на этот раз он видел не Солнце. Он видел земной город, людей, метро... Он видел человека, который часто в последнее время посещал его сны, и которому он в этих снах долго-долго рассказывал свою солнечную историю...

Но он уже не хотел думать о том, как он здесь оказался, почему он связан, почему его били. Его мысли были заняты другим. Здесь ожидалось страшное действо. Черные дула смотрели на него, чтобы подвести черту его жизни. Но и не этого он боялся теперь. Перечеркивалась не просто его жизнь. Вместе с ней рушилась неведомая далекая история. Солнечная история, так и не пережитая им до конца, переставала существовать. До сих пор он почти не сомневался, что все виденное им во снах - реальность. Почти... Сейчас для него явью становилось то, что ничего

этого не было и не будет. Во всю эту историю никак не вписывалась его столь бессмысленная смерть. Ею рвалась необъяснимая логическая цепочка событий, приводящая к Дару. Если непредсказуемый ход Времени *так* ставит точку в его жизни, значит, никакой солнечной истории не случится... Не родится Дар, не будет златоглазой Юнны, не будет солнечных городов. Все это окажется всего лишь видениями его воображения.

Из толпы выделился маленький толстенный человек в малиновом пиджаке. Он ленивой походкой подошел к Артему.

- Поднимите его, - медленно протянул он.

Артема тут же поставили на ноги.

- Руки развяжите, - последовало новое указание.

Тут же за спиной Артема оказался человек, и у Артема освободились руки. Он потер отекавшие запястья.

Толстяк в малиновом пиджаке достал сигару. Покрутив ее между пальцев, он поднял свой тяжелый взгляд на Артема.

- Курнешь напоследок? - спросил он.

У Артема неожиданно задрожали губы. Он на секунду потерял контроль над собой.

- Ну что же ты? - холодно протянул маленький человечек.
- Не надо так раскисать. Я не виноват - ты сам себе выбрал судьбу.

- На! Курни! - сказал он. - Ты, наверное, никогда их не пробовал, - толстяк протянул Артему сигару.

Артем машинально взял ее. Руки действовали механически, словно чужие. Нет, он никогда не курил. В этой, уходящей теперь от него жизни он никогда бы не позволил себе этого. Но руки не слушались. Артем не мог даже бороться с собой. На глаза сами собой навернулись слезы. Сигара прыгала в пальцах. Низенький человечек щелкнул зажигалкой и поднес ее к Артему.

Тот, продолжая держать сигару в одной руке, другую протянул к зажигалке.

- Ты что ни разу не курил в жизни? - воскликнул толстяк.
- В рот-то возьми сигару.

Тем временем Артем прямо ладонью накрыл огонек и тот погас.

Толстяк расхохотался.

- Да ты, конкретно, некурящий.

Он взял у Артема сигару, и сам вставил ему ее в рот.

- Прикажу, и закуришь! - толстяк скривился. - Жить хочешь?

Артем вздрогнул.

- А я не хочу менять своих решений! - равнодушно протянул толстяк. - Мне, собственно, уже все равно, будешь ты жить или нет. Я для них это делаю, - он лениво кивнул головой в сторону кучки сгрудившихся людей. - Я не хочу,

чтобы у кого-то из моих работников еще раз появилась охота стучать на меня.

У Артема свело скулы.

- Вы воруете, - к Артему вдруг вернулось самообладание.
- И те, кого вы обкрадываете, должны знать об этом!

Артем поймал себя на мысли, что больше всего сейчас он боится, чтобы не дрожал его голос.

- Идиот! - сказал толстяк, не поворачивая к нему головы.
- Я думал, ты умнее. Даже хотел поговорить с тобой об этом, - он приподнял руку и, отведя ее в сторону, повернул кверху ладонь. Стоявший за спиной долговязый человек тут же вложил в нее свернутую рулоном пачку бумаги. Толстяк развернул рулон. Это оказались листочки с машинописным текстом.

- Узнаешь? - спросил он Артема, показывая ему бумаги.

"СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА" - прочитал Артем заголовок.

Нет, название ничего ему не говорило. Он отрицательно мотнул головой.

У толстяка поднялась бровь.

- Разве? - удивленно протянул он. - Это нашли у тебя сегодня утром в столе. Выходит, не ты это писал?

Артем снова отрицательно помотал головой.

- Как же так? А написано в духе твоих мыслей. Вон куда тебя занесло - аж на самое Солнце.

Толстяк движением кисти небрежно откинул пачку в сторону. Листочки, рассыпавшись, упали в пыль.

- Плохо написано! - брезгливо сказал толстяк. - Несовременно! Слабая подделка под ранних Стругацких. Такую фантастику уже не пишут. Особенно то место, где говорится про города на поверхности Солнца.

Артема словно током ударило. Он метнул быстрый взгляд на пустую ладонь толстяка, в которой только что была рукопись.

- Это в шестидесятые годы, - криво говорил толстяк, - люди ехали в тайгу строить города. Тогда и фантасты строили... свои голубые города. Сейчас такое не пишут. Хватит! Отстроились!

Толстяк погладил бритую голову стоящего рядом автоматчика.

- Вот герой нашего времени! О нем надо писать.

Он вновь щелкнул зажигалкой и поднес огонек к сигаре Артема.

- Кури, наслаждайся пока жизнью!

Но Артем уже не слышал его. Перед глазами стояла Юнна. В голове стремительно прокручивалось все то, что он видел в своих сновидениях. Вспыхнувший огонек зажигалки будто пробудил его. Артем улыбнулся маленькому язычку пламени, словно хорошему другу, которого неожиданно встретил после долгой разлуки. Он поднес к нему свои тонкие, длинные пальцы и нежно поиграл им. Пальцы не

ощутили боли. Огонек, как намагниченный, крутясь, отгибался в сторону.

Толстяк вздрогнул. Его глаза округлились. Он резко отдернул руку с зажигалкой и задом попятился к машине. Долговязый человек помог ему забраться в нее. После того, как дверца закрылась, автоматчики толкнули Артема за обочину, и, отступив назад, вскинули свои автоматы.

Артем поднял голову к солнцу. Он посмотрел прямо на огненный шар. Солнце не жгло ему глаза. На его лице заиграла тихая улыбка.

Значит, будет! - прозвучала в его голове последняя мысль.

...Автоматчики нажали на спусковые кр..."

III

Борис закрыл книгу.

Все! Дальше она не читалась.

Он не мог читать ее дальше. Нет, не просто не мог. Он знал, что, если бы он пересилил себя и снова раскрыл ее, он ничего дальше прочитать бы не сумел. Последнее слово будто рассыпалось. Текст превращался просто в буквы, глаза видели, а мозг словно набивался ватой и терял способность складывать. Написанное не воспринималось.

Он опустил книгу на стол. Ее блестящая обложка отразила огонь лампочки, горящей на высоком потолке.

Борис оглянулся. Большой зал библиотеки был уже пуст. Темные окна смотрели сгустившимися сумерками. За своей стойкой, склонив голову, неподвижно сидела

библиотекарша. Времени до закрытия библиотеки оставалось немного, и женщина досиживала свои часы, что-то читая.

Борис отодвинул книгу в сторону. Он пришел сюда не для того, чтобы ее читать. Он здесь работал по заданию редакции. Он должен был написать обзор по космонавтике начала двадцать первого века. Перед ним лежали развернутые газеты. На мониторе компьютера, стоящем на столе, заставкой бегала и крутилась надпись "2000 год".

Двухтысячный год. Эта дата как-то по-особому звучала для Бориса. Нет, не потому что с ней он входил в новый двадцать первый век, который еще совсем недавно упоминался только в фантастических романах о будущем, не потому что с ней каким-то необъяснимым образом заходило в жизнь это самое будущее, которое теперь можно было потрогать руками. Двухтысячный год завораживал Бориса нулями, на которые этот год заканчивался. Расписываясь в каких-нибудь документах или квитанциях и ставя под своей подписью дату, Борис каждый раз с необъяснимым волнением писал ".00". Будто на счетчике его жизни кто-то сбросил все набежавшие годы, и она теперь снова начиналась с нуля, с чистого листа.

Тот же год с чистыми и безгрешными нолями обозначался и в дате на первых полосах лежащих сейчас перед ним газет. Борис отвлекся от своих мыслей и пробежался глазами по заголовкам и фотографиям. На него смотрели снимки "Бурана-2", транспортируемого на взлетную площадку. На днях крылатый корабль должен будет направиться в лунную экспедицию.

...В это самое время на далеком Байконуре красавец "Буран" уже поднимал к небесам свой нос. Маленькими точками вокруг него копошились люди. Их руками скоро снова будет пощупано небо. Вскоре на их глазах очередной космический корабль оторвется от земли и, сначала медленной поступью, а затем все ускоряясь и ускоряясь, начнет набирать высоту.

Но это будет не днях... На днях "Буран-2" рассечет верхушку жаркого лета 2000-го года. Сегодня же за много километров от взлетной площадки, здесь, в опустевшем зале библиотеки небольшого города, работал он - Борис. Впрочем, слово "работал" мало к нему подходило, поскольку работа у него... не шла...

Статья должна быть готова ко дню запуска, но Борис написал только ее заголовок: "Буран-2 открывает Век...". Дальше была пустота... Пустота была не только на бумаге, но и в голове. О "Буране" совершенно не думалось.

...Борис посмотрел на книгу. Она возникала у него на столе каждый раз, когда он принимался за работу. Возникала... сама по себе. Будто лежала здесь с самого начала.

Борис уже не удивлялся этому. Он лишь каждый раз молча наблюдал, как она материализовывалась из ничего, как на ней проступал рисунок, изображающий маленький силуэт человека на фоне бушующего океана огня. Затем на обложке появлялся блеск, и книгу можно было брать руками. Он не пытался встряхнуться, ущипнуть себя, не вскакивал, не пугался. Он лишь с тупой обреченностью

брал ее, прочитывал каждый раз одно и то же и клал на место.

После прочтения книга точно так же исчезала, как и появлялась... Борис несколько минут сидел неподвижно, наблюдая за дематериализацией.

Она растворялась в воздухе, как растворялись видеоизображения в том сне, который однажды переломил всю его жизнь.

В памяти всплыл эпизод из этого долгого загадочного сна.

...Далекий сумрачный Плутон. Станция под прозрачным куполом. Внутри стоят такие же шарообразные, как и сам купол, домики. Борис видит себя входящим в домик молодого сотрудника Дара, и... у порога его останавливает взгляд незнакомой, ошеломляюще красивой девушки. Она сидит в кресле, в глубине комнаты и, улыбаясь, смотрит прямо ему в глаза. У него перехватывает дыхание. Незнакомая девушка с потрясающими золотистыми глазами смотрит на него как на очень близкого друга. Он оцепеневает у входа и не сразу осознает, что перед ним всего лишь видеоизображение. Не двигаясь с места, он растерянно смотрит на нее, не понимая, почему девушка такой невообразимой красоты, совершенно ему незнакомая, излучает ему такую любовь и нежность...

Густо покраснев, он, наконец, с большим трудом здоровается и... слышит хохот Дара. Тот сидит в углу и покатывается со смеху, наблюдая за ним.

- Проходи, Бэрб! - говорит Борису через смех Дар. - Извини, здороваться за нее придется мне.

Поняв все, Борис (нет, теперь он уже Бэрб) чувствует, что волнение, минуту назад перехватившее его дыхание, сжимается в комок горечи. Минуту назад он был в сказке. Приподнявшаяся душа теперь больно ударяется оземь.

- Это та самая Юнна! - говорит Дар, минуту спустя.

Они оба замолкают.

- Моя Юнна! - негромко говорит через некоторое время Дар.

Он, не отрываясь, смотрит на видеоизображение и в тихой задумчивости улыбается.

"Моя!" - от этого слова у Бэрба будто горячий камень поворачивается в груди. Он долго не может отойти от охватившего его смятения. С этой минуты его жизни суждено превратиться в постоянные, тяжелые мучения. С этой минуты она покатится к тому страшному финалу, воспоминания о котором теперь не дают покоя Борису...

...Наконец, книга окончательно исчезла. На столе остались развернутые газеты с огромным "Бураном" на всю страницу.

Мощью и великолепием этого красавца-корабля восхищался весь мир. Его фото можно было увидеть везде и всюду. Эйфория по поводу предстоящего полета царила невероятная. Газеты отслеживали его сотворение чуть ли не до каждого ввинченного болтика. Конструкторы и техники, собиравшие его, были не менее знамениты, чем сами космонавты.

Однако Бориса это всеобщее воодушевление не трогало. Корабль за кораблем, - думал он, - станция за станцией: все выше и выше, все дальше и дальше, а там что?..

Перед глазами встали бушующие огненные вихри и маленькая темная точка, залитая лиловым свечением.

Борис попытался отогнать от себя это воспоминание, однако лиловая точка упорно продолжала рябить в глазах. Он машинально сжал кулаки, словно в них были рукоятки квоца. Сжатые кулаки сами собой двинулись по столу. Он будто устремлялся к этой точке вновь, вновь и вновь... Устремлялся, устремлялся и устремлялся, и... не успевал.

В гигантской огненной буре исчезала Юнна.

Зачем надо стремиться туда? Зачем эта огромная махина доставляется на стартовую площадку? Знают ли люди - маленькие слабенькие человечки, которые сейчас суетятся вокруг "Бурана", что там их ждет?

Он ведь знал, чем вся его солнечная история закончится...

IV

...На улице на Бориса дохнуло жаром. Несмотря на то, что солнце давно опустилось за горизонт, воздух, раскаленный за день, не успел остыть. И тем не менее, после библиотечного зала ощущалась уличная свежесть. Борис медленно пошел по аллее. Стоявшие по обе ее стороны деревья темным молчаливым строем провожали его. Он шел, опустив взгляд на тротуар.

В голове было все так же пусто. Не думалось ни о работе, ни о книге. Еще несколько дней назад, после ее первого

появления, он пребывал в сильном потрясении. Мозг находился в неимоверном возбуждении. Но не странность появления и исчезновения книги поражала его. Не думал он и о своем состоянии, не мучился вопросами о галлюцинациях. Он воспринял все как естественное и неизбежное. Он ждал, давно ждал нечто подобное. Он только не мог предвидеть, как именно все это будет проявляться...

Аллея кончилась, и он вышел к большим городским фонтанам. В глаза ударили разноцветные зайчики. Центральная площадь Грозного обычно освещалась множеством прожекторов, но теперь они были притушены, и струи воды, подсвеченные снизу разноцветными лазерными всполохами, создавали самые настоящие фантастические картины.

Великолепен город Грозный в поздние часы. Еще недавно, в первые дни после переезда на жительство в столицу Чечено-Ингушетии, он восторгался ее ночными огнями и звуками. Прогулки по ночному городу были его любимым занятием. И хотя он поселился в новом районе, который быстро застраивался в конце девяностых, гулять он приходил сюда - в старую часть города. Ему, жителю северной столицы, многое здесь было необычно и интересно. Для северянина вечер в южных городах наступает непривычно быстро, непривычно рано зажигаются городские огни, а вечерние часы кажутся более оживленными, чем на севере. Голоса людей, смех, громкие разговоры, музыка в темные вечерние часы кажутся звонче и эмоциональнее. Воздух напитывается незнакомой северу жизненной энергией.

Однако с некоторого времени Борис ничего этого уже не замечал. Ночные прогулки обрели для него другое значение.

Появление в библиотеке книги явилось не просто потрясением для него. Увидев незадолго до этого то самое сновидение, он не раз пытался заставить себя думать, что это был всего лишь сон, плохой сон. И хотя всем своим существом он принял увиденную историю как настоящую, мозг отчаянно боролся с этим. Никак не хотелось соглашаться с мыслью, что такое могло когда-нибудь произойти. И едва в его сознании стали утихать последние колебания, как появилась эта книга. Она словно пригвоздила его. Из книги Борис узнал и о последних минутах Дара здесь, в двадцатом веке (книга, как он успевал заметить, датировалась тысяча девятьсот девяносто первым годом)...

У фонтанов гуляло много людей. Народ высыпал на улицу после дневного пекла. Недалеко от Бориса у барьерчика остановилась группа молодых людей. Подошедшие с ними девушки слегка пританцовывали под цветомузыку. В стороне прогуливалась пара с ребенком. Это тоже были молодые люди, и они с любопытством, смешанным с некоторой завистью, смотрели на танцующих девушек. А дальше, у другого фонтана на скамейках, сидела группа людей постарше, которые сверхстремительным "виртуальным" ритмам цветомузыкального фонтана предпочитали диско.

Борису вдруг вспомнилась совершенно другая картина...

...Однажды ночью он проснулся от грохота. Окно было открыто, и он, подумав, что началась гроза, встал, чтобы закрыть его. Однако он увидел совершенно чистое звездное небо. Следующая картина неимоверно потрясла его - сквозь темноту проступали силуэты развалин. Дом, стоявший напротив, отсутствовал. Вместо него были руины. За ними, насколько хватало зрения, виднелись в ночи полуразрушенные остовы других домов. Яркая луна высвечивала повсюду торчащие стены без окон и воронки. Такие картины он видел только в кинофильмах о войне. Будто Грозный подвергся какой-то невероятной бомбежке. Вдруг где-то совсем рядом раздался грохот. Борис непроизвольно отпрянул назад и бросился к выключателю. На некоторое время свет ослепил его. Он вновь кинулся к окну и выглянул на улицу. То, что он увидел теперь, повергло его в не меньший шок. Соседний дом стоял, как ни в чем не бывало. Несколько его окон светилось. Борис не мог оторвать взгляда от них. Развалины со сна, подумал он, могли померещиться в темноте, но горящие окна он никак не мог не заметить.

Борис укусил себя за палец и дернулся от боли. Нет, он не спал. Тогда почему он видел развалины? И что за грохот слышался ему?

В ту ночь он больше не заснул, не отходя от открытого окна до самого утра...

...Борис посмотрел на танцующих девушек.

"Юнна!" - Он закрыл глаза. Шум фонтана, музыка и звонкие голоса молодых людей смешались в неразличимый давящий гул.

Борис отвернулся от фонтанов и пошел в сторону спящих улиц.

Этот сон навалился на Бориса непомерной тяжестью. Словно огромная толща времени легла на его плечи. Теперь Борис жил не одной только своей жизнью. Его мозг теснили воспоминания и опыт Бэрба из далекого будущего, и... какие-то странные, смутные, будто детские, видения, все чаще и чаще всплывавшие в его сознании из чужого, далекого-далекого прошлого...

В шум фонтана, который остался за спиной, ворвалось эхо далеких залпов, послышался стрекот автоматов. Смех девушек исказился, превращаясь в крики. Почувствовался запах гари. Но Борис даже не вздрогнул. Он шел, не оборачиваясь. Он знал, что ничего за его спиной не произошло, что там все по-прежнему, что там играет музыка, гуляют люди, танцуют девушки... И никто, кроме него, ничего такого не слышит. Раскаты залпов и звуки стрельбы доносятся только до его уха.

И все же он в нерешительности остановился. Постояв немного и так и не оглянувшись назад, он медленно пошел дальше, углубляясь в темные переулки.

С некоторых пор это стало регулярно приходить к нему. Стоило ему иногда закрыть глаза, уходя полностью в себя, или оказаться в ночной темноте, как эти звуки возникали в его сознании, словно здесь рядом, в Грозном в это же самое

время - жарким летом того же 2000-го года - бился пульс другого мира...

V

Отблески костра прыгали по стенам пещеры. Ночная чернота заглядывала в ее входной проем, дергаясь вместе с ними. Маленький ребенок, посиневший от судорог, уже почти не плакал. Тяжелая тупая боль выдавливала все внутренности из его маленькой груди наружу. Он слабо цеплялся ручонками за волосы матери, которая, сидя на полу, крепко прижимала его к себе и медленно покачивалась. Чернота то надвигалась, то отступала назад. Плачущая мать закрывала его своим телом от этой черноты. Рядом в пещере, забившись в ее темные углы, сидело несколько человек. Из-за дыма от костра, сгустившегося под тесными сводами, их почти не было видно. Лишь иногда сквозь этот дым поблескивали их испуганные глаза, смотрящие то на молодую женщину с умирающим ребенком, то на черный проем входа. Иногда люди шевелили шкурами, пытаясь прятаться под ними. Время от времени отблески огня пробивались туда, в черный проем ночи, и выхватывали из него листья гигантского папоротника. Где-то за ними пряталось страшное чудовище.

Вдруг пламя колыхнулось, и в его свете люди увидели, как ветка папоротника качнулась и отогнулась вниз.

Вой вырвался у всех из уст.

Да, это пришел *он*. Сегодня он пришел за маленьким мальчиком.

- Ба-а-ай! - заголосил один из обитателей пещеры.

- Ба-а-ай! - подхватили другие. - Ба-а-ай!

Истошный крик разрезал ночь. Это взревела женщина, держащая на руках сжимающегося от болей ребенка. Она кричала от отчаяния. Это пришел Черный Бай. Дух ночи оставит в ее руках безжизненное тело мальчика, и тот больше никогда не откроет глаза.

Молодая женщина громко кричала. Она с отчаянием на лице оглядывалась на проем пещеры, оскаливала большие зубы, глаза ее сверкали сквозь сбившиеся вперед волосы, она выглядела страшной и готовой на самую жестокую схватку.

Мальчик цеплялся за мать. Но он уже не чувствовал ее. Все, что он ощущал, это только сильную тупую боль.

Бай уже сжимал своими невидимыми клыками его тело, и от них невозможно было защититься. Боль была такой сильной, что, казалось, ее вызывало все: и давящие из нутра судороги, и душащая горькая копоть, и режущий глаза огонь костра, и низкий каменный потолок, и сжимающие его руки матери, и пристально глядящие на него из черного проема пещеры глаза...

VI

...Сильная тупая боль долго мучила и выматывала спящего Бориса, и, наконец, он проснулся. Он поднялся в кровати и скинул одеяло. Боль еще некоторое время продержалась в его груди и постепенно сама собой прошла. Спустя минуту ее не осталось совсем, лишь ощущался какой-то неясный след от нее и привкус горечи во рту, словно от едкого дыма.

"Смотри! А то заберет тебя бабай!" - вдруг почему-то вспомнились ему слова бабушки из далекого-далекого детства.

Он тряхнул головой, прогоняя тяжелые ощущения.

Перед глазами еще стояли закопченные стены пещеры. В голове прокручивались короткие, обрывистые сцены сна, вспоминался голос женщины. С большим трудом Борис оторвался от кровати и пошел принимать утренние процедуры.

Холодная вода нисколько не освежила его. Привкус горечи продолжал стоять во рту. Что-то очень знакомое было в этом привкусе - что-то, связанное с какими-то неприятными воспоминаниями. Борис напряг память, припоминая, что бы это могло быть, однако у него ничего не получалось. Более того, его попытки только усиливали гнетущее состояние. И едва, как ему казалось, он приближался к разгадке, как в нем вдруг откуда-то появлялся неясный безотчетный страх. Спустя некоторое время непонятный страх разросся настолько, что Борис решил отказаться от копания в своих воспоминаниях. Однако теперь это оказалось непросто сделать. Мозг продолжал свои поиски сам. Словно убегая от этих воспоминаний, Борис направился на кухню, чтобы приготовить себе завтрак.

"Надо переключиться на работу", - сказал он себе. Руки машинально потянулись к посуде.

Сегодня ему предстоит закончить статью. Он должен будет отдать в редакцию материал к запуску "Бурана". Борис вспомнил установку главного редактора на эту

статью. Нужно дать обзор о космонавтике начала века на небывалом эмоциональном подъеме, - было сказано ему. - Нужно написать так, как писали в свое время о полете Гагарина. Нужно вдохнуть прежнюю свежесть в тему. Статья должна стать одой нашей космонавтике.

Одой космонавтике... Борис помрачнел. Ему вспомнились последние секунды жизни Бэрба, бушующий солнечный огонь и исчезающая в этом пламени Юнна.

Что-то хрустнуло в его ладони, и меж пальцев его сжатого кулака потекла прозрачная слизь. Борис, очнувшись, посмотрел на руку. Он только что раздавил яйцо, предназначавшееся для завтрака. Эта неприятность и последующее мытье ладони на некоторое время отвлекли его. Однако вскоре его мысли снова унесло в его далекий сон, и в голове воцарилась мешанина времен. Он думал и о солнечной катастрофе, и о "Буране".

Надо ли стремиться туда - в космос? Знают ли люди о том, что их там ждет?

Неожиданно в голове вихрем пронеслись воспоминания о приснившейся сегодняшней ночью первобытной пещере, и эти воспоминания каким-то странным образом соприкоснулись с мыслями о его снах о далеком будущем. Вместе с этим в тело будто вплеснули изрядную порцию страха. Что-то сильно напугало его в этой связке.

Что за наваждение - этот сегодняшний сон?

Борис встряхнулся. Он поспешил уйти от этих непрошенных воспоминаний. Каким-то шестым чувством он вдруг почувствовал, что невероятно близко подобрался к

разгадке вопроса, который сегодня с самого пробуждения буквально застрял в его голове, и что эта разгадка как-то связывает эти совершенно разные сновидения и что она жутко неприятна, даже хуже, чем неприятна.

"Буран"... "Буран"... - произнес он про себя, не без усилия прогоняя из головы видения каменной пещеры. - "Что можно написать о "Буране"? Что написать...? Впрочем, знают ли люди...?"

Однако, нет, не надо себя обманывать! Борис взял новое яйцо, но тут же быстро положил его обратно.

Этот невидимый барьер, о который он все эти дни бился, пытаясь придумать что-нибудь для статьи о "Буране", никак не связан с пережитой им однажды солнечной историей. Год назад он точно также мучился над статьей о третьем "Мире". Тогда никакой солнечной истории в его жизни еще не было.

Ровно год назад, венчая верхушку лета 1999-го года, "Мир-3" вышел на орбиту Марса, и Борис точно так же выдавливал из себя статью об этом событии. Ее тоже надо было наполнять героическим пафосом. Надо было восхищаться достижениями науки, работой конструкторов и техников, мастерством рабочих рук. Надо было писать возвышенные строчки об энтузиазме и подвиге. Надо было с непритворной искренностью писать о восторге, который сам никогда ни на йоту не испытывал. И в те минуты, когда весь мир прилипал к экранам телевизоров, он запирался дома, прячась от идущих по всем каналам телевидения и радио репортажей...

Впрочем, не шла у него не только космическая тематика. Ему вспомнилась его командировка в Косово весной 2000-го года. Там проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Он буквально вымучивал свои репортажи из Югославии. Надо было давать наполненные оптимизмом и радостью зарисовки о состоявшейся на рубеже тысячелетий встрече молодых людей с разных концов планеты. Но для него это была притворная радость. Непонятно почему, но больше всего его угнетало именно то, что там действительно царила атмосфера ни с чем не сравнимой приподнятости. Все, с кем он разговаривал, действительно горели оптимизмом и верой во все, во что только можно было верить. В глазах его собеседников горел огонь, и он сам должен был изображать такой же огонь в своих глазах. Из Югославии он улетал в наимрачнейшем настроении. Глядя через иллюминатор самолета на Белград, он вдруг поймал себя на том, что прикидывает, как бы выглядел город после бомбежек. Его мозг независимо от него уже описывал картины города после пролета над ним бомбардировщиков. Тогда он сделал маленькое открытие о самом себе: по натуре он больше разрушитель, чем созидатель. И почему-то это открытие было принято им совершенно спокойно.

Ведь начинал же он когда-то с хроники преступлений. Вот где он работал с упоением. Каждый сюжет, каждый репортаж словно подпитывали его энергией, принося самое настоящее наслаждение от работы. Но, увы, год за годом преступник все мельчал и мельчал. Хроника становилась все неинтереснее и неинтереснее. В конце концов он начал привирать, сгущать краски и даже придумывать разные жуткие подробности. На этом однажды он и был пойман.

Один из читателей обвинил газету в пропаганде садизма. Было проведено расследование, и его сняли с преступлений, направив "на перевоспитание" на космическую тематику, как когда-то направили "на перевоспитание" на Солнце Бэрба...

Это не его стезя, не его мир. Он закрыл глаза и замер, словно вслушиваясь в далекие звуки. Ему надо было родиться в другом мире, где не было бы "Буранов" и "Миров", где люди не думали бы ни о них и ни о чем-либо подобном, где царили бы иные пристрастия, иные приоритеты.

Бэрб... Бэрб... почему ему вдруг вспомнился Бэрб?

- Бай-бабай...! - то ли выругался, то ли просто выдавил из себя Борис.

Он наклонился вперед, обхватив голову руками.

Он понял, откуда сегодня в его подсознании поднимался страх.

Ему сегодня приснился сон, который в далеком будущем будет преследовать Бэрба. Этот сон он неоднократно видел, будучи Бэрбом в том самом далеком будущем. И не просто видел, а каждый раз во время сновидения испытывал адскую боль. Ему теперь ясно вспомнилось это.

Странно приходят воспоминания о будущем - какими-то случайными обрывками. Если бы сегодня такой сон не приснился, то, может быть, Борис никогда и не вспомнил бы, что порой мучило Бэрба долгими ночами.

Один и тот же сон о далеком каменном веке снился Бэрбу неоднократно. Каждый раз он повторялся в мельчайших подробностях. Говорят, что одинаковый, повторяющийся сон - верный признак какой-то болезни, и Бэрб несколько раз проверился у врачей, но те ничего у него не находили. И не обращал бы он внимания на этот сон, если бы не приходилось переносить во время этого сна самую реальную и очень сильную боль. Она изматывала его ночью и, несмотря на то, что после пробуждения сразу исчезала, ставя медиков в тупик, она продолжала невидимо давить в течение дня. Она будто продолжала присутствовать, только в какой-то другой форме, обволакивая сознание и превращая самый солнечный день в тяжелые сумерки. Что это за боль - Бэрб не мог понять. Она нависла проклятием над его жизнью...

Неужели то же самое теперь будет с ним - с Борисом?

"Бай!" - снова прокрутилось в его голове. И с этим словом гнетущее ощущение неожиданно усилилось. Одновременно где-то в глубине души начал нарастать новый страх. В душе похолодело еще от одного совпадения.

Борису стало вспоминаться, как еще студентом он начал вынашивать в голове одну полулегенду-полупритчу. В молодости он занимался сочинительством. Какие-нибудь подмеченные эпизоды из жизни или его собственные размышления могли стать затравкой для небольшой зарисовки, эссе или короткого рассказа. Так получилось, что однажды ему вспомнилась страшилка из далекого детства о злом бабае, которого он ни разу не видел изображенным в каких-либо рисунках и о котором ни разу не читал в каких-либо сказках и сказаниях. Он вдруг уловил

зыбкую связь между этой страшилкой, английским значением слова "бай", которое переводилось как время сна, и колыбельным напевом "бай-бай".

Запавшая в голову идея постепенно начала обретать форму небольшой легенды. В ней слово "бай" стало дошедшим до нас из глубокой-преглубокой старины остатком прапраязыка - одним из самых первых слов, которые появлялись у древнего человека. Им первобытные люди обозначали нечто неведомое и страшное. Борис, правда, где-то читал, что страшилка о бабае появилась на Руси во времена татарского ига, и что под этим именем был вполне конкретный персонаж из татарского ханства, но в эту версию он слабо верил. В том далеком, почти позабытом детстве, когда бабушка страшила его бабаем, ему слышался в ее голосе мистический окрас. Так могут говорить только о сверхъестественных существах, страшных и всесильных, вроде вездесущих духов. И, с другой стороны, именно недоверие к этой "татарской" версии раззадорило Бориса сочинить историю о бае, как о самом первом духе, которого придумали люди, о поверье, которое зародилось у древнего человека вместе с появлением у него самых-самых первых слов.

"Что такое "Бай"? - набрасывал в черновиках Борис. - Поначалу это был произвольный вскрик человека - вскрик особый, который вызывался ужасом - ужасом перед чем-то непонятным, неведомым и неясным. В нем были страх, оцепенение и безысходность. Это не было криком ужаса от встречи с обычным зверем, поскольку, если от обычного зверя можно было найти защиту, но от *этого чего-то* - нет. С веками с ним происходило то же, что и со

всеми другими первочеловеческими вскриками, превращающимися в слова. "Ба-ай!" - непроизвольно вскрикивали одни люди, когда в черной ночи им мерещилось это страшное существо. "Бай!" - вторили им другие, встревоженные испугом первых. Так непроизвольный возглас из крика превращался в слово. Он переставал быть просто вскриком, им уже называли. Им называли неведомого Духа - Духа черной ночи. Бай был самым первым сверхъестественным существом, который был придуман человеком - прапрадедушкой всех кощеев, домовых, леших".

Но тогда Борис так и не досочинил эту легенду. Не выходила у него одна самая важная, на его взгляд, связка - как с этим злым духом могла быть увязана сладкая колыбельная "бай-бай"? У него была глубокая внутренняя уверенность в том, что эта связка должна существовать и что без нее образ Бая не будет целостным и законченным. Однако все его попытки найти эту связь оказались безуспешными. Побившись в них, Борис забросил свою идею и вскоре совсем даже забыл о ней.

И вот она таким странным, невероятно странным образом, всплыла в его памяти. Бай вдруг увиделся ему точь-в-точь таким, каким он когда-то им самим придумывался - тем самым духом, который создавался в сознании людей, только-только выходящих из животного мира.

Совпадение ли это, или в этом скрыто что-то другое?

С этим вопросом Бориса вдруг почувствовал, что к нему подкатывает дыхание парализующего ужаса, будто он опять нечаянно касался какой-то жуткой тайны.

"Нет-нет! Надо пойти в библиотеку, - погнал эти мысли Борис, - Надо отвлечься? Надо пойти... Надо бы пойти..."

Однако он не тронулся с места. Его теперь все больше и больше начал занимать Бэрб.

VII

Плутон обращается вокруг Солнца за 247 земных лет, поэтому никому из землян не довелось наблюдать на нем смену времен года. Впрочем, и эти времена имеют только календарный характер. Солнечный диск, в сорок раз меньший в диаметре, чем на Земле, не в состоянии внести различия в плутонианскую зиму и плутонианское лето. Все разнообразие, каким он может наполнить жизнь поселенцев, связано только со сменой дня и ночи. Но и эта смена длится дольше, чем на Земле - 6 земных суток, да и день на Плутоне по земным меркам с трудом походит на день. Солнце на Плутоне напоминает очень большую и яркую звезду. Его свет не затмевает свет других звезд, хотя и не теряется в их россыпи. От других звезд Солнце отличается только тем, что оно всё же освещает. Оно царит на небосводе, напоминая всему окружающему, что именно оно является хозяином планеты. На людей, впервые прибывших с Земли и не привыкших видеть, чтобы какая-либо звезда могла рассеивать тьму, это производит потрясающее впечатление. Когда Солнце появляется из-за горизонта, ночь постепенно заменяется серебряными дневными сумерками. Полупрозрачные минералы, повсюду выходящие на поверхность, аккумулируют в себе скудные лучи Солнца, наполняясь чуть заметным матовым свечением. Многочисленные сколы на их поверхностях дополняют это свечение крохотными блестками. Ребристые

пики высоких остроконечных гор оказываются сплошь усыпанными такими серебристыми огоньками и в плутонианских полусумерках на фоне черного небосвода кажутся подсвеченными изнутри. Затененные же поверхности темнеют повсюду обширными свинцовыми пространствами. Слабых серебряных отсветов не хватает, чтобы растворить в них черноту.

- А все-таки не достает здесь Солнца, - проговорил Дар.

Бэрб пожал плечами, оглянувшись на сияющую у горизонта небольшую яркую точку.

- Я не в том смысле. - Дар перехватил его взгляд. - Слишком маленькое оно, не чувствуется в нем Солнца. А без него планета не кажется планетой. Мы словно на большом небесном теле, свободно блуждающем по вселенной.

Они вышли из павильона и отправились на прогулку по окрестностям. Легкими летящими прыжками они двигались по неровной поверхности. Вдали, почти у самого горизонта, серебрились пирамидальные вершины. Пирамиды Плутона - еще нераскрытая загадка этой планеты. Эти природные образования имеют удивительно правильные формы и внешне они даже похожи на земные египетские пирамиды. Даже высоты их примерно одинаковы. Одинаков и их возраст. Первые поселенцы на Плутоне даже сочинили изящную романтическую гипотезу-легенду, согласно которой их построили инопланетяне из другой звездной системы, когда-то проследовавшие мимо солнечной системы. Будто инопланетяне сделали здесь, на самой крайней планете,

остановку и скопировали земные пирамиды, оставив их в качестве сюрприза потомкам древних египтян как знак о самих себе.

- А тебе не приходила в голову мысль, что на Плутоне как бы уже другой мир? - спросил Дар. - Даже символический металл другой: там - золото, здесь - свинец. Там - тепло, здесь - холод. И спутник не светится, как Луна на Земле.

Они остановились и посмотрели наверх. Прямо над их головами, на яркой россыпи Млечного пути чернел большой круг. Это был Харон - планета-спутник Плутона. Сам Харон был всего лишь в пять раз меньше Плутона и в двадцать раз ближе, чем Луна к Земле, поэтому его непривычно большое черное пятно на небосводе производило угнетающее впечатление.

- Поверишь ли, - сказал Дар, глядя на Харон, - мне однажды подумалось, что это не естественный спутник. Его, так же как и пирамиды, оставили здесь пришельцы.

Бэрб с удивлением посмотрел на Харон.

"Странная мысль, - подумал он, - но что-то в ней есть. Этот спутник иногда и в самом деле кажется необычным".

- Как хочется побыстрее на Солнце, - сказал Дар. - Завидую тебе, ты уже через неделю отправишься туда.

У Бэрба шевельнулся в груди тяжелый комок. Неясное чувство преследовало его в последние дни. Он словно видел на Даре какую-то недобрую печать. Это ощущение всплывало каждый раз, когда Дар заговаривал о Солнце и Юнне.

- Зачем тебе спешить? - сказал он Дару. - Там опасно. Я бы тоже не поехал. Мне здесь больше нравится.

- Ты просто не бывал на Солнце, - мечтательно протянул Дар. - Там Юнна.

Бэрб сник.

- Ты просто не поэт! - воскликнул Дар. Он не заметил перемену в Бэрбе. - Там такая необузданность! Такая страсть!

Бэрб помрачнел. Не поэт он... Но будь он поэтом, воспевал бы иное: здешний вселенский сумрак, холодный свинец Плутона, даже эту тень Харона... Это его, Бэрба, мир. Нигде больше он не чувствовал себя так же естественно и спокойно.

- А что здесь? - продолжал Дар. - Мрачный Харон?!..

"Не только Харон! - подумал Бэрб. - Здесь простор. В этом ты прав: здесь ощущаешь себя будто на вольно блуждающем небесном теле. Солнце далеко, и, кажется, надо только посильнее оттолкнуться от поверхности планеты, и ты в свободном межгалактическом пространстве. Ничто тебя никуда не притягивает, ничто не связывает. Ты абсолютно свободен".

Бэрбу вспомнились его мальчишеские фантазии - вырваться в черный космос, превратиться в серебристую россыпь и начать стремительно расти, превращаясь в огромное-преогромное существо, поглощая неизмеримые просторы, вбирая в себя громадные звездные скопления, простирая руки на бесконечные расстояния...

Ведь в космонавтику его тоже привела романтика. Но это была совсем другая романтика - романтика далекого холодного космического величия. В его мечтаниях еще не было присущего теперь неясного сумрака. Будучи студентом, он грезил далекими галактиками, пылевидными туманностями, квазарами, пульсарами, черными дырами.

Дар сравнил Плутон, - подумалось Бэрбу, - со свободно блуждающим космическим телом, а ведь Солнце само является такой свободно блуждающей звездой.

Когда-то миллиарды лет назад вспыхнул сверхновой звездой быстро вращающийся галактический исполин. Он извергнул из себя материю в виде гигантских лучей. Вращение материнского исполина привело к тому, что выброшенные лучи вещества образовали рукава гигантской спирали, сформировалась большая галактика. Но не все звезды новой галактики родом из чрева звезды-прародительницы. Немалая часть из них подхватывается галактикой из космоса. Таковым явилось и Солнце. Оно движется не синхронно с вращающимися спиральными рукавами галактики, а путешествует свободно, пересекая эти рукава. Как-то Бэрб, изучая историю Млечного пути, проследил по его карте путь Солнца. Вот здесь оно малым карликом вошло в галактический диск под небольшим углом к нему. Здесь оно подхватило пылевое облако. Прошив плоскость галактического диска и выйдя в свободное пространство с его другой стороны, оно было притянuto полем диска и направилося назад к его плоскости. Вот здесь оно обросло дополнительной оболочкой, превратившись из тусклого карлика в светящуюся звезду. Снова прошив диск и выйдя в

свободное пространство, оно опять было притяннуто назад. Так оно с тех пор и движется - волнистой змейкой, пересекая плоскость галактики то с одной, то с другой ее стороны. Всякий раз, когда Солнце заходит в рукав галактики, из-за повышенной плотности окружающего гравитационного поля в нем притормаживается грависветовое излучение, и звезда немного остывает. Когда же она оказывается опять в свободном пространстве, свечение усиливается. Синхронно с этим на Земле наступают то похолодания, то потепления...

- Слушай! - вдруг перебил мысли Бэрба Дар. - Я по поводу этого Харона прочту тебе свой собственный перевод одной средневековой баллады.

- Средневековой!? - удивился Бэрб. - По поводу Харона!?

- Да, средневековой! - улыбнувшись, ответил Дар. - Нет, конечно, не прямо о Хароне там написано, но мне думается, что такое вполне мог бы написать какой-нибудь плутонянин "под луною" Харона.

"Плутонянин" - Бэрб покосился на Дара и взглянул вверх. Черный круг все так же мрачно смотрел на них. Дар немного отступил назад, широко расставил ноги и поднял глаза к этому черному кругу на небосводе. В его взгляде сверкнул вызов.

Извечный бой, жестокий бой

На поле битвы мирозданья,

Сомкнувшись в схватке роковой,

Ведут могучие созданья.

*Тепло и Холод, Жизнь и Небыль,
Добро и Зло, Рассвет и Тьма
Сошлись однажды в битве давней,
И нет ей в вечности конца.*

*Но бестелесных исполинов
Пусты движения в руках,
Удары резкие бессильны
В бесплотных, призрачных боях.*

*И потому малые твари
За них сражения вершат.
За них на поле страшной брани
Простые смертные стоят.*

*Страсть, кровь, потери и страданья
Кипят на крохотных полях.
Где битвы - мелкие метанья,
Победы - жалкая возня.*

*Но нет у грозных великанов
Ни рук других, других сердец.
Они бессильны долгой битве
Иначе подвести конец.*

*И в малых, крохотных батальях
Пылают смертные сердца,
То бьются в схватке вековой
Добро и Зло, Рассвет и Тьма.*

*Мой друг! Не доверяй наветам
О жизни мелкой суете,
О тщете благих устремлений,*

О преходящей маете.

*И в самых маленьких успехах –
Добра и Света твердый ход.
Твой малый путь по жизни этой –
Ступенькой новой Правды восход.*

*А позовет тебя рог боя
За Справедливость встать в ряды,
Знай: то Титаны неземные
Скрестили копья борьбы.*

*Там, в малых, крохотных батальях
Горят великие сердца!
То бьются в схватке вековой
Добро и Зло, Рассвет и Тьма.*

Дар остановился, продолжая смотреть на Харон, а Бэрб вдруг почувствовал приступ сильной боли, той самой, которая приходила к нему во снах. Но на этот раз боль неведомым образом исходила от черного диска на небосводе. Тот будто навалился на него всей своей тяжестью, дохнув чернотой, точно такой же, как во сне из каменного века. На миг Бэрбу почудился обращенный на него из этой черноты знакомый по снам пристальный взгляд. Невидимый Дух ночи опять схватил его своими клыками.

Но продолжалось это секунды. И прежде чем Дар оторвал свой взгляд от неба и взглянул на Бэрба, боль успела пройти.

Дар посмотрел на Бэрба, и его лицо вытянулось в изумлении.

- Ну, нельзя же быть таким хмурым постоянно! - вдруг резко вскрикнул он. - Бэрб, встряхнись когда-нибудь! Ведь в твоей жизни все складывается прекрасно!

Он взял Бэрба за плечи.

- Скажи себе, Бэрб: "В моей жизни все прекрасно!"

Он потрянул его.

- Скажи! - повторил он. - "Все очень здорово!"

Бэрб отвел взгляд в сторону и попытался улыбнуться. Он боялся поднять глаза наверх.

Нет, не все в жизни складывается здорово...

Вот и сейчас, когда Борис вспоминал этот эпизод, ему подумалось, что не все в жизни складывается здорово. Даже для Дара... Он, Бэрб, ведь, знал, чем для Дара все закончится...

В памяти всплыла самая мрачная и гнетущая его все эти дни картина.

...Солнце. По лайкуне объявлена тревога. В солнечных недрах обнаружен поднимающийся гигадомен. Его размеры неимоверно велики. Готовится экспедиция. Все знают, что это может быть опасно, но пока не представляют масштабы опасности. К Бэрбу подошла Юнна.

- Бэрб! - сказала она. - Транспортник Дара скоро опустится на солнечную поверхность. Дар еще в анабиозе и не знает, что здесь произошло. Ты выйдешь к нему навстречу, но не говори ему пока ничего. Я знаю его. Он ринется туда, в недра, к нам. Он молод и горяч, бросится спасать меня и может помешать.

Бэрб отрицательно повел головой.

- Не возражай мне, Бэрб! - опередила его Юнна. - Такого шанса мне больше не предоставится.

- Юнна! Я не могу так!

- Бэрб! - голос Юнны стал настойчив. - Ты сейчас поедешь его встречать, и очень прошу: не говори ничего!

- Юнна! Там может быть очень опас...

Юнна приложила палец к его губам и долгим взглядом своих потрясающих золотистых глаз посмотрела ему в глаза. Бэрб оцепенел. Он прочитал в ее взгляде, что слишком легко произносит это слово "опасно", до него вдруг дошло, насколько это опасно.

- Бэрб! - тихо сказала она. - В этом Гиге вся моя жизнь. Мы не можем спуститься к ядру, а тут оно само поднимается к нам. Поезжай, прошу тебя, задержи Дара. Я уже оставила ему послание.

Бэрб несколько минут стоял, не двигаясь. Не сводя с него глаз, Юнна отошла к квоцу.

Вскоре городок опустел. К Бэрбу подкатил цибель.

Уже в кресле штурмана Бэрб почувствовал, как в нем опять шевельнулось недоброе предчувствие, которое посещало его, когда еще на Плутоне Дар говорил о своей предстоящей встрече с Юнной. Бэрб положил руку на рукоятку. Юнна уходила практически на погибель. Он не может отпустить ее. Ему надо ехать не за Даром, а за ней. Но ему вдруг вспомнился Дар, и он представил его рядом с Юнной.

Стон вырвался из его груди.

Они окажутся вместе.

Он дернул рукоятку, и цибель двинулся... наверх.

"Куда же я? - лихорадочно запрыгали мысли. - Вниз надо, вниз!"

Но руки больше не двигались. Цибель все быстрее и быстрее удалялся от Юнны.

Бэрба охватила паника. В голове смешались самые разные мысли. Он видел на себе долгий взгляд Юнны, видел Дара, видел опять Юнну, снова Дара, видел первое ее видеоизображение на Плутоне и слышал голос Дара.

"Это *моя* Юнна", - звучали в ушах слова Дара.

- Наверх! Наверх! - проговорил себе Бэрб и испугался собственных слов. - Наверх! - торопливо перебивая свои мысли, заговорил он себе. - Там скажу Дару все, и мы с ним вместе поедem к Юнне... Скорее наверх!...

...Он ничего не смог сказать Дару... Он ничего не смог сказать Дару...

VIII

Борис сел к компьютеру. Но, опустившись на стул, он некоторое время просидел в полной неподвижности. Рука так и не поднялась нажать кнопку выключателя. Наконец он встал и тяжелым шагом прошелся по комнате.

Нет, не идет у него статья.

Он протянул руку к телефону и поднял трубку.

"...Ничего не смог сказать Дару..." - затухающим эхом прозвучало в его голове.

Борис набрал номер.

- Александр Сергеевич! - сказал он тихо в трубку. - Снимите с меня обзор... Не получается... Заболел?.. Не знаю!... Может быть... Наверное.

Он еще некоторое время промолчал, слушая собеседника на другом конце линии. Затем, тихо сказав "До свидания" и "Спасибо", положил трубку.

Главный посоветовал ему взять отпуск и предложил путевку на Иссык-Куль.

"В горы, к солнцу?... Нет, не надо!... - Борис сел за стол, обхватив голову руками. Из него вдруг будто выплеснулась злость. - В тайгу, куда-нибудь, в глушь, подальше от всех..."

Он опять сел к компьютеру и остановил взгляд на темном мониторе.

Там на Солнце в его комнате было видеофото Юнны, которое он никому никогда не показывал. Он включал его, оставаясь в одиночестве. Он ничего при этом не делал. Просто сидел и смотрел. Нет, он не пытался думать о ней, не фантазировал, не купался в грезах. Просто смотрел... Перед ним была девушка, которая была ему недоступна...

Здесь на Земле, он часто просиживал перед темным монитором, вспоминая те свои часовые сидения перед видео Юнны. Вот и теперь он снова застыл перед экраном.

...Он ничего не смог сказать Дару...

Знают ли люди, что ждет их там? Готовы ли они к этому?

Однако, он ведь не просто промолчал тогда, он ведь не просто так промолчал, ничего не сказав Дару!

Борис напрягся. Ему вдруг пришло в голову, что он не все помнит из этого эпизода, что в его памяти есть какой-то пробел. Он еще раз попытался вспомнить встречу с Даром в подробностях и обнаружил, что что-то ускользает в его

воспоминаниях. Он ведь не мог просто так промолчать! В те минуты на Солнце что-то произошло.

Но что?!

По телу пробежала мелкая дрожь.

Борис встряхнулся.

Ну зачем я себя накручиваю? - он попытался успокоить себя.

И причем здесь "Буран"? - подумалось ему после того, как его мысли пришли в некоторое равновесие. - Почему о нем-то ничего не пишется? Почему я решил, что это не моя стезя? Я же писал не только негативные статьи.

Да, были у него и другого рода работы. Были!

Борис понемногу взял себя в руки.

Хотя, по правде сказать, и его позитивные материалы получались далеко не однозначными. Так, однажды он подключился к дискуссии о нравственности в науке. Было много публикаций о возможности обращения во зло лучших ее достижений. Борис написал статью, в которой высказал мысль, что проблема заключается в общем взрослении человечества. Весь род человеческий, как и отдельный индивид, проходит этапы взросления. Например, атомная бомбардировка, которая произошла в 1945-м году, была бы невозможной, появись атомное оружие в 2000-м. И, наоборот, в восемнадцатом, например, веке двумя бомбежками дело бы не завершилось. Человечество меняется, как меняется, взрослея, каждый отдельный человек. И поэтому не надо торопить прогресс.

Люди прежде должны пройти этапы освобождения от темных пятен в их душах. В каждом человеке в течение всей его жизни идет процесс очищения от мелочных чувств и мыслишек, начиная от эгоизма, зависти, амбициозности и кончая самой обычной трусостью. Надо терпеливо ждать. Малое проявление этих изъянов при ускоренном научном прогрессе может привести к ужасным последствиям. Это все равно, что малых детей посадить за штурвал большого лайнера, или хуже того: дать им в руки оружие.

Его статью не поняли. Редактор не принял ее к публикации. Борис же не проявил настойчивости. Это было как раз тогда, когда разбиралось его дело о приписках в хронике преступлений, и он пребывал в состоянии растерянности и смятения. Этот провал еще больше подавил его, а затем произошло то, что окончательно его доконало. Он увидел тот самый сон об истории далекого Бэрба. Борис увидел в той солнечной истории именно то, о чем он писал в своей статье. Эгоизм и трусость одного единственного маленького человека привели к большой трагедии.

Борис резко встал и прошелся по комнате.

Да, он (в смысле - Бэрб) смалодушничал! Да, из-за него погибли люди! Но разве он сам поехал на Солнце!? Что за идиотская страсть к перевоспитанию!? Что за маниакальная озабоченность очищением чужих душ? Почему ни там, ни здесь к нему не прислушиваются!? Почему он сегодня мучается из-за поступка, которого могло бы не быть!? Почему никто не слышит его предупреждений!? Ну куда они лезут со своими "Буранами" и "Мирами"? Нельзя рваться туда! Нельзя!!!

Мелкая дрожь стала перерастать в чувство непонятной озлобленности. Ему вдруг подумалось, что это неспроста. Неспроста ему сегодня приснился его страшный сон. Сегодня с ним должно будет случиться что-то очень дурное, непременно должно будет случиться. Сегодня он готов был настучать всем по башке - настучать, если не сказать хуже, и за то, что не опубликовали его статью, и за то, что отправили на Солнце Бэрба.

Ему вспомнилась книга из библиотеки, появляющаяся там из ничего, и следом в памяти всплыл эпизод из нее, в котором неведомый толстяк в малиновом пиджаке говорил Артему, что хватит строить голубые города. Легкие мурашки пробежали по спине Бориса. Он уловил какую-то туманную связь между этими словами из книги и своими мыслями о том, что мир, где он живет, это не его мир, что ему надо было родиться в другом мире, где бы не было "Буранов" и "Миров", где люди бы не думали ни о них и ни о чем-либо подобном, где бы царили иные пристрастия, иные приоритеты. Да уж, действительно, лучше бы он родился в каком-нибудь таком мире.

Мысли Бориса потекли по новому руслу.

Но ведь тогда, в начале девяностых, все это было. Иные пристрастия, иные приоритеты. Все двинулось в ту сторону. Ведь именно тогда стала востребована его тяга к выбросу негатива. Ведь именно тогда началась было совсем другая - свободная, никакими запретами не покоцанная жизнь. Ведь именно тогда он развернулся, от души поливая желчью недавнее стадное прошлое общества.

Перед глазами возник образ бритоголового автоматчика. Да, появились и эти автоматчики, но это неизбежное зло. Впрочем, сейчас бы ему самому в руки автомат!

Однако что-то не дало тогда этой жизни развернуться. Что-то остановило раскошегарившиеся страсти. Быстро, очень быстро все вернулось в прежнюю колею... Страна опять превратилась в долбанную гигантскую стройку, один за другим поперли в космос корабли, откуда-то опять вывалился этот безудержный всеобщий энтузиазм, стадный коллективизм, слащавое человеколюбие... Всё, всё это вдруг вернулось... а его, Бориса, не сумевшего вовремя сориентироваться, разоблачили в приписках в криминальной хронике... Сейчас бы ему в руки автомат!

Борис продолжал ходить по комнате, обхватив себя руками.

Озлобленность быстро перерастала в неодолимое желание что-нибудь разрушить, разбить. Неужели так проявляют себя последствия кошмарного сна? Н-да, теперь он ясно представляет, каково же было Бэрбу.

Борис резко сел на стул перед компьютером, крепко сжав руками крышку стола.

Что с ним происходит? Он же никогда не позволял себе так ругаться?! Что это выплеснулось из него?

Неожиданно Борис вздрогнул. Ему вдруг показалось, что он увидел сквозь черноту экрана чье-то лицо. Это было очень некрасивое, с большими рыжими конопушками лицо девушки.

Борис всмотрелся в темноту. Нет, экран был совершенно пуст. Мимолетное видение, скорее всего, возникло в его голове.

Книга! Ему опять вспомнилась книга, вспомнились строчки о неизвестной рыжей девушке, которую через такое же темное отражение увидел Артем.

Борис пристально взгляделся в пустой экран.

Это знак!

Борис резко поднялся.

В библиотеку, скорее в библиотеку! Надо прочесть, постараться прочесть эту книгу.

Он, не помня себя, вылетел из квартиры и побежал по городу к главной библиотеке Грозного.

"Надо прочесть! Надо прочесть! - стучала в голове мысль. Перед глазами стоял образ некрасивой рыжей девчушки. - Почему она вдруг вспомнилась? Надо постараться прочесть!"

В библиотеке, едва переводя дыхание, он сел за столик и замер в ожидании. Он не замечал, что все вокруг удивленно на него смотрят, что напуганная его странным поведением библиотекарьша быстро куда-то исчезла. Он сидел и ждал. Он не знал, как ему поступать иначе. Другого способа вновь получить таинственную книгу у него не было.

Через некоторое время к нему подошел какой-то человек в строгом костюме и галстуке и начал что-то расспрашивать.

Борис не отвечал. Он, не поднимая головы, смотрел на стол, боясь, что, если оторвет взгляд от стола, то там ничего не появится.

Вскоре около него стояли уже несколько человек. Ему продолжали задавать вопросы.

Наконец, к столику подошел еще один посетитель библиотеки и сказал: "Оставьте человека в покое! Видите, на нем лица нет!"

Стоявшие около столика заспорили меж собой.

И в это время в воздухе начал прорисовываться силуэт обложки. Лицо Бориса засветилось радостью. Однако никто на это не обратил внимания, люди продолжали спорить. Спустя некоторое время на спорящих зашикали читатели соседних столиков, которым те мешали работать, и вскоре разговоры стали стихать. Когда от столика Бориса последним отходил человек в строгом костюме, Борис уже погрузился в чтение.

Но никто не видел, что он читал. Его руки держали пустой воздух... Тоненькая книжица, будто вестник из другого мира, была доступна только ему...

...Буквально проглотив первые страницы, Борис вдруг с удивлением заметил, что дальнейшее содержание изменилось. Точнее, изменился угол зрения, под которым описывались те же самые события.

IX

"...Что-то щемяще знакомое заставило меня вздрогнуть.

Молодой человек, стоящий рядом с боссом, безбоязненно поиграл огоньком зажигалки. Я стоял поодаль, среди других сотрудников нашей фирмы, но я четко увидел, как уворачивался язычок пламени от его пальцев. Мне тут же вспомнилась летняя ночь на берегу маленькой речушки, костер, человек, играющий его огоньками.

Дар! Неужели это он?!

Этот человек, действительно, чем-то похож на моего незнакомца, с которым я последний раз расстался в метро - он тоже играл с пламенем и делал это с точно такой же задумчивой улыбкой.

Дар!!!

Я чуть было не вскрикнул, но мгновенно осекся. Страшное действие происходит здесь. Нас привезли на казнь. Об этом нам объявили по дороге сюда, сказав, что один из наших новых сотрудников собирался настучать на фирму.

Поначалу не верилось. На дворе девяносто первый год, мы живем не в военное время и не в феодальном государстве. Мы поначалу восприняли сказанное нам в автобусе, как какую-то несуразицу, но автоматы в руках охранников быстро нас отрезвили. Они всерьез намерены его расстрелять. Дикая, дичайшая ситуация.

Я скосил глаза на присутствующих. Поворачивать голову было страшно. Страшно было сделать любое движение,

которое могло быть понято, как несогласие. Любого из нас, кто посмел бы выразить это несогласие, ждал бы точно такой же финал. Все стояли как окаменевшие, не поворачивая голов и не отводя своих взглядов от обреченного коллеги. Когда мы выходили из автобуса, приговоренный с надеждой цеплялся за наши взгляды, но мы ничем не могли ему ответить. Мы бессильны ему помочь.

Босс! Что это за новое явление народу - босссс? Как простой торгаш, полный ноль без палочки, вдруг стал боссом? Он пришел, заманил нас шелестом больших зарплат, а теперь обставил автоматчиками. Мы его невольники!

Мы - невольники! Еще недавно я сам говорил, что мы великий народ. А теперь мы, "великий народ", стоим и боимся повернуть шеи, чтобы взглянуть друг на друга. Сдулось наше величие?

Но что сделаю я? Выйду, скажу и... и получу пулю! Вот если бы все, здесь стоящие, сделали такой шаг или хотя бы несколько из нас. Всех расстрелять не посмели бы. Рано или поздно массовый расстрел стал бы известен, и, думаю, босс это понимает. Но, выходит, для того, чтобы он перестал нами править, нужно хотя бы одному из нас так же подставиться под пули... Однако, высока цена...

...Босс, как-то неестественно попятившись, забрался в машину. Моего незнакомца оттолкнули на край дороги и...

Какое-то неведомое состояние шока охватило меня. Я словно раздвоился. Я стоял и будто парализованный молчал, с ужасом ожидая стрельбы. В этот же миг мне

вдруг почудилось, что я закричал, что автоматчики от неожиданности вздрогнули и оглянулись на нас...

Но ощущение раздвоенности, охватив меня на какой-то миг, быстро улетучилось. Животный, предательский, подленький страх вдруг поднялся из моего нутра, сковав мои челюсти и не давая вырваться изо рта ни одному вздоху. Ну что же мы молчим, они же сейчас начнут стрелять! Стоит хоть кому-то крикнуть и сделать шаг вперед, и ничего не случится!

- Д...!!

Хлещущий автоматный треск остановил мой так и не вырвавшийся из глотки крик.

Да-а-ар!!!

Хлещущий автоматный треск остановил мой...

Ну что же я?!!

Хлещущий... останов... из глотки крик.

Всего доли мгновения не хватило, чтобы крикнуть! Голос, словно на полпути, комком застрял в горле.

Незнакомец, согнувшись от боли, упал лицом вниз. Дорожная пыль вокруг его тела начала темнеть от растекающейся крови. Автоматчики, раздосадованные тем, что все так быстро кончилось, еще несколько раз прополосовали очередями лежащее тело. Парнишка больше не двигался...

Назад мы ехали словно каменные. Мы боялись смотреть друг другу в глаза. В любом взгляде могло встретиться только одно - трусость и предательство. Что-то мерзкое свело язык. Будто едкая жижа подлости, выплеснувшаяся из неведомых мне самому глубин моего нутра, теперь разливалась по телу. Сдобренная предательским страхом она будто вспенилась, устремившись во все клетки и поработая мое существо со всеми его потрохами. Мы возвращались назад совсем другими людьми.

Людьми ли...? Час назад мы воображали себя людьми... Может, мы ими и были, но этот час превратил нас в мерзкие ничтожества. Он будто полосонул нашу жизнь, разбив ее на две абсолютно непохожие части. Мы стали вдруг совершенно другими людьми.

Автоматчики, ехавшие с нами в автобусе, громко над чем-то хохотали. Некоторых из них, как и самого босса, я знал раньше. В советские времена (наверное, о них теперь можно говорить только в прошедшем времени) эти типы совершенно ничего собой не представляли. Это абсолютно плоские люди. Теперь они хозяева, они решают, кому из нас жить, а кому нет...

Я вспомнил, как они решетили очередями лежащее тело. Дар! Мне не хватило мгновения, чтобы спасти тебя. Если бы я знал заранее...! Я же не думал, что до этого дойдет.

- А я ведь знал Артема... - раздался за спиной тихий голос.

Кто-то на сидении сзади меня заговорил вполголоса. Мы все продолжали сидеть неподвижно. Человек заговорил со своим соседом, но и как бы сам с собой.

- Ему нельзя было сюда устраиваться, - прозвучало далее.
- Это можно было предвидеть. Он еще пацаном был очень наивен. Свято верил в клятвы. У него дома до сих пор хранится горн, который ему вручили в пионерах...

- А что наша фирма? - продолжил голос после некоторого молчания. - Все ведь знают, что на нее есть за что донести куда следует. У них на руках не первая кровь. Но молчим... Бешеными окладами купились. Смолчи Артемка - жив бы остался. Вот тебе и "Взвейтесь кострами!"... Какой дурак порекомендовал ему сюда устроиться?!.. Эх, Артемка-Артемка!...

Значит, Дара здесь, в нашем времени, звали Артемом. Я сидел, не двигаясь, и не мог даже повернуть голову в сторону говорившего. Невидимая тяжесть словно придавила меня, не давая шевельнуть ни одной мышцей.

- В новом времени, говорят, живем, - снова заговорил человек за спиной. - Оно не для таких... В последние дни он бредил Солнцем... Представляешь, он рассказывал...

Все! Тут мой разум словно помутился. Меня затрясло. Я не мог слушать дальнейшее...

Автобус увозил нас от места страшной казни. Сзади стеною клубилась пыль. Колдобины на дороге ожесточенно встряхивали быстродвигающуюся машину, выбивая из нас все внутренности. Казалось, с дорогой что-то сделалось, она стала ужасно неровной. Словно мы ехали совсем не по тому пути, что был утром. Невидимое колесо Истории продолжало катиться своей прямой дорогой, а мы, будто его тень, тряслись на обочине, все дальше и дальше удаляясь от его выверенной колеи...

Мы - тень! Мы, все здесь сидящие - и молчащие, и говорящие - тень! И автобус наш - тень! Этот час полосонул не только нас, но и саму Историю, отбросив от нее тень - убегающую в сторону, ужасную, мерзкую, грязную тень...

Но почему же в какой-то миг мне показалось, что я крикнул? Я ведь хорошо помню это мгновение, отчетливо помню, как вздрогнули от моего крика автоматчики... Такое не могло померещиться: все было будто наяву... будто все это было в том другом, удаляющемся от нас мире..."

Вот оно! - Борис оторвался от чтения. - Тень!.. Тень от колеса Истории.

Он откинул книгу на стол, и она постепенно стала исчезать.

Тень! Реальная, самостоятельная, "убегающая в сторону" тень... с самой настоящей жизнью, людьми, событиями... Вот откуда появляется эта книга.

Борис резко встал и, не дожидаясь исчезновения книги, направился к выходу.

По улице он шел, ничего не замечая.

Тень! Тень! Тень! - пульсировала в голове мысль. - Вот откуда все эти странные звуки! Вот откуда все видения другого мира, странные звуки взрывов и стрельбы! Эхо другого, параллельного мира. Неведомым путем его отголоски пробиваются к нему, овладевают его сновидениями и слышатся наяву.

Дар! Там исчез Дар!

Ощущения и даже целые видения из другого мира...

Из эпилога к Книге второй

Однако, дорогой читатель, здесь я должен прерваться и сделать одно необходимое в такой ситуации отступление. Без него дальнейшее повествование может оказаться затруднительным для чтения. Дело в том, что далеко не каждому читателю покажется возможным (даже по меркам фантастики) то открытие, которое сейчас сделал Борис. И поэтому стоит отдельно рассказать об одной встрече, на которой эта "нереальная" идея и была выкристаллизована.

Я дописывал эту повесть летом 2001 года. Жена и дети в это время отдыхали в солнечной Грузии. Младшая дочь была там в пионерлагере, и жена со старшим сыном выехали туда, чтобы быть рядом с ней. Они отдыхали там дикарями, поскольку мы не смогли купить путевки ни в один из кавказских санаториев. Увы, летом на юг съезжается отдыхать почти весь Союз.

Практически закончив работу над своим произведением, я отправил черновой вариант одному своему знакомому, у которого консультировался по научным вопросам. Он жил в том самом Грозном, где жил и один из моих героев, и поэтому я связался с ним по электронной почте. Не дожидаясь ответа на свое письмо, я уже через день выехал к нему, совместив эту поездку с одной из своих командировок.

Грозный, как всегда, порадовал меня уютом и опрятностью. Его красивые здания и ухоженные улицы, утопающие в море цветов, дышали спокойствием и благодушием. Удивительно, но здешние жители сразу узнавали во мне приезжего, приветливо улыбаясь и охотно откликаясь на просьбу показать дорогу.

Поскольку я приехал без предупреждения, я нашел своего знакомого за работой в библиотеке, где он корпел над хроникой.

Мы с приятелем очень давно не виделись, и наш бурный разговор коснулся самых разных тем. После череды воспоминаний о наших последних встречах мы перешли, наконец, к моей повести.

- Ты вновь в своем репертуаре, - сказал Руслан (так звали моего приятеля), - по ходу повести коснулся многих интересных тем, но ни одну не развил. По каждой из них можно написать самостоятельное произведение. У тебя и живые существа на Солнце, и пирамиды на Плутоне, и мифическое существо Ба-Бай... Это же надо такое выдумать - прапрадедушка всех леших, домовых, кощеев!

- А эта тень Колеса Истории, - продолжал мой приятель. - Она у тебя обозначена лишь штрихами - криминальная казнь и звуки войны, которые доносятся до уха только одного человека. Я до самой последней страницы надеялся прочесть, что это за теневой мир, но увы! Может, ты мне разъяснишь, что это за война идет у тебя там, в параллельном мире?

Я начал было говорить, что взрывы и развалины - это аллегория, что на самом деле не предполагалось писать о войне, что это своеобразное дополнение к образу Бориса - это его видения, которые характеризовали внутреннее состояние героя, но Руслан остановил меня.

- Погоди-погоди! - сказал он. - Это все не то! Если ты сам не хочешь развивать эту тему, дай мне попробовать! Я украду ее у тебя. У меня просто руки зачесались написать антиутопию.

- Представь себе, - вдруг разгорячившись, заговорил он, - что в определенный момент истории происходит расщепление Времени. История отбрасывает в сторону параллельную ветвь, в которой собираются наихудшие человеческие пороки. Для того, чтобы нормально развиваться, однажды ей понадобится очиститься от накопившегося зла. Девяносто первый год и можно выбрать для этой развилки. От нормального течения истории отделилась тупиковая ветвь, у которой нет будущего. Оказавшиеся в ней персонажи познают Агонию - гигантскую Агонию ветви Времени, растворяющейся в Небытии.

- Это, кстати, - продолжал Руслан, - хорошо вписывается в твою сюжетную линию. Дар попав в ту тупиковую параллель, не может не погибнуть там практически сразу же. Его образ несовместим с тем миром, для которого становится нереальной его далекая солнечная история. Ведь сама эта история - как бы образ светлого будущего. Образ Солнца очень хорошо его передает - это и свет, и чистота, и мощь. В той же тупиковой ветви, о которой ты смутно упомянул, властвует другое, и там просто нет будущего. Никакого будущего!

Он поднял глаза на потолок библиотеки.

- Красивый зал, - переменял он вдруг тему. - Я часто здесь работаю. Я ведь на четверть чеченец. Здесь моя малая Родина. Там в горах, в аулах у меня много родственников. Как-нибудь свожу тебя туда.

Он на минуту задумался.

- Да, ты прав, - сказал он. - Война в том мире не может быть войной в обычном понимании этого слова. Но это не просто аллегория, это должна быть все-таки война, но неясная, странная война.

- Да не нужна в этой повести война, - сказал я с досадой. - Откуда она возьмется? Кто ж на нас в конце двадцатого века нападет?

- Кто нападет? - приятель пожал плечами. - Никому нападать не придется! В том и будет заключаться странность войны, что она возникнет из ничего. Как ты не поймешь?! Это же Агония, а Агония с большой буквы не может протекать без войны. Никто не сможет понять, из-за

чего и с кем она ведется. Она будет везде и всюду, явно и неявно. Даже для явной войны повод в антиутопии не должен быть каким-то слишком серьезным. Ну, если хочешь, можно придумать и его. Можно найти какое-нибудь обоснование и стрельбе, и бомбежкам, и самым настоящим военным действиям, но по законам жанра антиутопии, чем абсурднее будет это обоснование, тем лучше. Например, предположим, - он на мгновение замолчал, выдумывая варианты, - предположим, что чеченцы вдруг решат отделиться от Чечено-Ингушетии, а затем и вовсе выйти из Союза, а Кремль в ответ начнет все здесь бомбить!

И он вдруг засмеялся. В любой другой ситуации смех по поводу бомбежек был бы неуместен, но его выдумка об отделении от Союза целой республики получилась настолько нелепой, что от улыбки не удержался и я.

- А, представляешь, - проговорил он, продолжая смеяться, - в это же самое время американцы, например, будут бомбить Белград! Бомбить только оттого, что им покажется, что Косово - это уже не Югославия.

И он просто залился смехом. Я тоже не выдержал.

- Нет, - сказал я через минуту, - ты явно перебрал в своих выдумках. Прямо-таки, не мир, а сплошные фашистские режимы у тебя получились. Ты же сам на четверть чеченец, какую часть от себя отделять будешь? А Югославию зачем задел? В Косово такой грандиозный фестиваль студентов прошел! На рубеже веков! Это было так символично! Такая благодатная тема для работников пера! А ты - бомбежки!

- И с американцами, - добавил я, - ты зря так загнул. Обидятся они на твой роман. О себе сочиняй, что угодно, но не трогай иностранцев. Нарвешься на международный скандал.

- Пожалуй, ты прав, - еще улыбаясь, сказал приятель. - Что-то занесло меня в моих фантазиях. Агония Агонией, но фантастика не должна далеко уходить от реальной жизни, иначе она становится нечитабельной. В возможность таких войн никто не поверит. Не в то время живем. Надуманный получится сюжет.

- Ну ладно, ладно! - я не заметил, как мы поменялись ролями, обсуждая не мою повесть, а его залетные фантазии. - Даже, если не будет войны, как ты будешь описывать скопище зла? В том параллельном мире мы ведь тоже с тобой окажемся. Не именно мы, а наши параллельные двойники. Неужели "параллельный я" буду спокойно переносить все, что вокруг начнет твориться? Я же знаю себя. Я же воспитан в этом мире, по крайней мере, до твоей развилки 1991-го года. И не только я. Возможно ли торжество зла, когда тот мир населяют точно такие же "мы", неужели "мы" ему не воспротивимся?

- Там будем не только мы с тобой. Там будут и "другие". Зло вырвется наружу. Преступники воцарятся в обществе, захватят в нем власть. Они выстроят целую систему пробуждения в людях самых низменных и гадких инстинктов, целую систему навязывания пороков. Это будет взрывное буйство пороков: убийства, подлость, предательства, когда все лучшее в людях либо спит, либо парализовано. Это будет Зло без тормозов и не где-то в средних веках, а рядом, в исполнении тех же самых лиц,

которые в нормальном мире ведут себя совершенно иначе. Зло сумеет так организовать, что ни ты, ни я и никто другой не смогут в том мире что-либо сделать. И даже, может быть, кто-то из "нас" не выдержит и перекинется к "ним".

- Ну уж дудки!

- А что ты сделаешь? Пойдешь с гранатой на амбразуру? А где эта амбразура? Была бы она реально, в каком-то конкретном месте - было бы проще всего! Но Зло воцарится во всем - даже в законах и символах.

- Ты даже не представляешь себе, - продолжил он, нахмурившись, - как оно изобретательно. Оно воплотится в красивых, привлекательных вещах. Оно станет неразличимым, оно примет обличие добра и даже справедливости. С ним все свыкнутся, исчезнет иммунитет против него, и, более того, именно оно будет казаться естественным. На фоне его блеска наш более спокойный и не такой праздно-разгульный мир будет видаться отмершим и архаичным. Самая большая трагедия этой антиутопии будет в исчезновении защитной реакции против зла. Оно станет фатально непобедимым.

- Ну, ладно! - сказал он после некоторого раздумья. - Допустим, по сюжету твоему "я" предоставится возможность застрелить оказавшегося у власти бандита. Но что это даст? - он взглянул на меня. - На следующих выборах люди выберут другого. Зло ведь будет и в газетах, и в умах.

- Выборах?! - удивился я. - В мире насилия?!

- Но это же антиутопия!

- Нет, все-таки это слишком неправдоподобно, - сказал я.

Мой приятель усмехнулся.

- Ты почему так серьезно? - спросил он. - Это же фантазии.

- Нехорошие какие-то у тебя фантазии. Накаркаешь ведь!

- Тебе ведь, - добавил я, - о живых людях писать придется. О реальной трагедии. Сможешь ли? Будут гибнуть "параллельные мы", матери терять детей, дети родителей...

- Ну вот! - с наигранной обидой сказал Руслан. - Кажется, не я первый написал о тени Истории.

- А кстати, - спросил я (мне все-таки захотелось выстроить логику его антиутопии), - будут ли твои герои понимать, что живут в историческом тупике?

- Что? - не расслышав, спросил Руслан.

- Не будут ли твои герои под дурманом всеобщего зла, которое будет "и в газетах, и в умах", историческим тупиком называть наш мир? Зло же примет обличие добра и справедливости. Рассудить нас будет некому! Бог всевышний, если он существует, выносит свой вердикт уже в загробном мире, когда изменить ничего не возможно. Что станет индикатором тупика?

- Индикатором? - Руслан вдруг нахмурился, на какое-то время задумавшись.

- Еще в начале девяностых, - сказал он, - какой-то умник назвал нас страной непуганых идиотов. Тогда модно было самоуничижение, и он, видимо, хотел потоптать в грязи

своих соотечественников. Однако, он сам, похоже, не понял, какую высочайшую оценку он поставил своему обществу. Нет, слово "идиоты" пусть останется на его совести, но вот насчет "непуганых" сказано предельно точно. Нет лучшего показателя благополучия, чем непуганый народ. Если мы станем пуганными, если начнем ставить в квартирах железные двери, а на окнах решетки - это и станет индикатором того, что именно мы зашли в исторический тупик. И пусть кто-нибудь попробует убедить меня в обратном!

- Но ты оставишь параллельным "нам" хоть какой-нибудь шанс вернуться в нормальную жизнь?

- Шанс? - мой приятель вдруг стал очень серьезен, он надолго задумался. Видно было, как напряженно заработали его мысли.

- Спасибо за подсказку насчет шанса, - сказал, наконец, он. - С тобой продуктивно получается общаться. Хотя они и в тени Истории, но и у них должен быть просвет в сплошной тьме. Шанс - это хорошая идея. Шанс должен быть. Это придаст хоть какой-то смысл их существованию. Но он будет одним из миллиардов. Если параллельные "мы" его не отыщут, они сгинут в Небытие.

Он на какое-то время задумался.

- Ты даже не представляешь себе, - продолжил он, - как здорово ты придумал! Быть в тупиковой ветви и иметь шанс! Ну, теперь я точно сяду за эту повесть. Описывать Агонию и оставлять героям шанс - это не просто ново, это потрясающе!

- Я пока не знаю, каков он будет, - говорил он, рассуждая вслух, - но вижу точно одно: люди смогут найти дорогу к этому шансу, лишь осознав свои пороки. Нет, не просто осознав, - он двинул рукой по столу, - а одолев их, сумеет превозмочь возведенную из этих пороков систему. Ведь отправной точкой и детонатором расщепления времени станут именно пороки. А если пороки будут отторгнуты, они лишатся своих носителей - наших душ.

- Тогда исчезнет, - продолжал он задумчиво, - разница между ветвями расщепленного времени. Они вновь сольются, и люди, попавшие в параллельный мир, вернутся в нормальную колею истории. Представляешь себе: однажды утром параллельные "мы" проснутся и... - Руслан долгим взглядом посмотрел в окно на убегающие вдаль улицы Грозного, - вновь увидят цветущие, не разрушенные города, простые, открытые лица людей, не знающие вакханалии зла и насилия...

- Встретятся с близкими, - дополнил я, - которых там потеряли...

"Непараллельные" мы замолчали. Я оглянулся по сторонам и вдруг начал испытывать жутковатое чувство. Я поймал себя на том, что сам против своей воли думал о мифической агонизирующей параллели на полном серьезе. Будто она и впрямь где-то рядом существовала, будто и впрямь где-то рядом, в цветущем Грозном, дымились развалины, будто где-то рядом шла стрельба, последний "Мир" покоился на дне океана, люди умирали от вернувшихся из прошлого болезней, оплеванные старики загибались в нищете, а беспризорники рылись в отходах...

- А мы сами не можем оказаться там? - спросил я. - Наш мир тоже не идеален. Не ждет ли нас самих еще одно расщепление и попадание в новую тупиковую параллель?

Приятель быстро взглянул на меня. Я понял, что он тоже думал об этом.

- Если всерьез, то это было бы страшно! - ответил он. - Хотя в твоей повести есть намек и на это.

- Но этого не может случиться, - сказал он, еще немного подумав, - потому что этого случиться не может...

А я, действительно, не смог в своей повести удержаться от намека. Хотя сделал это не нарочно.

Х

Тень! Тень! Тень! - пульсировала в голове мысль. - Вот откуда все эти странные звуки! Вот откуда все видения другого мира, странные звуки взрывов и стрельбы! Эхо другого, параллельного мира. Неведомым путем его отголоски пробиваются к нему, овладевают его сновидениями и слышатся наяву.

Дар! Там исчез Дар!

Ощущения и даже целые видения из другого мира...

Борис присел на оказавшуюся рядом скамейку.

Все! Дальше ум отказывался что-либо понимать.

В голове больше не было никаких мыслей. Он уже ни о чем не думал. Он просто сидел и невидящим взглядом смотрел в землю.

Мимо него проходили люди, бегали дети, где-то рядом грохотала техника, но Борис ничего не видел и не слышал. В странное состояние он был погружен. Он словно отсутствовал в этом мире. Да и не только в этом. Его словно не было нигде - ни его самого, ни его мыслей, ни его ощущений.

...День уже катился к концу, когда Борис, наконец, поднял голову. Он оглянулся, осматриваясь.

Он сидел на скамейке недалеко от своего дома. Не было желания что-либо вспомнить, он просто осматривался. Он будто вернулся из какого-то черного и холодного небытия, вернулся абсолютно пустым. Он осматривал знакомый ему мир каким-то новым, странным взглядом, будто вновь изучая его.

Микрорайон, в котором он поселился, был новостройкой и еще не успел нормально обустроиться. Лишь недавно (как обычно, с немалым опозданием) отсюда убрали строительный мусор. Однако сразу же была сооружена детская площадка. В центре двора был установлен домик, напоминающий избушку на курьих ножках. Борис посмотрел на играющих детей. Они играли в какие-то странные игры. Борису тут же вспомнилось, что в его детстве на площадке перед его домом стоял деревянный макет ракеты. И игры были другими... и еще более странными.

Борис перевел взгляд дальше. Там, на заборах, уже висели агитплакаты. Как странны ему сейчас стали эти полотна! Он не принимал и не понимал их никогда, но как нелепо ему вдруг увиделось запечатленное на них помешательство на строительстве светлого будущего! Борис никогда не понимал, почему идеалом справедливого общества должно стать всеобщее равенство? С какой стати всё должно быть доступным всем? Почему такие же равные права на общественные блага, как и он, Борис, должен иметь кто-то - непонятно кто? Он не понимал, почему он, Борис, должен работать на кого-то - непонятно кого?

Все это уже давно и часто им обдумывалось, но теперь все это увиделось совершенно, крайне, абсурдно нелепым. Самым нелепым и даже мерзким было то, что он, Борис, тоже был причастен ко всем этим плакатам, он тоже должен был превозносить все эти невыносимые для него ценности.

Да, это было мерзко и отвратительно. Он ведь хорошо, он отлично понимал значение всех этих плакатов, газетных публикаций и телепередач. Он понимал, что пока всё кругом зовет строить светлое будущее, все будут строить светлое будущее, но заговори завтра по телящику о трудовом энтузиазме как о проявлении тупой стадности, и все моментально отрекутся от него. Люди начнут стыдиться его, начнут плевать на то, перед чем преклонялись, и назовут свое перевернувшееся мнение прозрением. Уж он-то хорошо знал эту сторону человеческой натуры. Кому-кому, а ему было ясно, что стоит только заговорить отовсюду об этом, стоит только дорваться до телевидения, и сознание людей перевернется. Люди только думают, что их сознание - это их сознание. На самом деле, все, что сидит

в башке у каждого, - не более чем дрянной суррогат общественного мнения. (Борис снова почувствовал, как в нем вскипает злость). Сделай великой национальной мечтой не светлое будущее, а личный достаток, и все кинутся наживать. А пока людям навязывается, программируется "доброта, человечность и коллективность", все будут тупо ходить на субботники. Даже его, Бориса, его самого, вопреки его убеждениям, сделали винтиком этой системы. Даже ему, Борису, даже ему самому вменили "сеять доброе и вечное". Однако, довольно!!!

Нараставшая с утра беспричинная злоба вдруг выкристаллизовалась в твердое, хотя до конца еще не ясное намерение.

Есть и другой мир - мир, где торжествует совсем иные ценности. Пусть тот мир кажется выдуманным, пусть он параллелен, но он существует. Он всегда ощущал его, он слышал его звуки, *реально* слышал эхо его войны.

Борис еще раз холодным взглядом пробежал по окружающим его домам.

Все! Сегодня он созрел совершить что-нибудь жуткое, очень жуткое. Будь у него возможность взорвать весь мир, он сделал бы именно это.

Если до сих пор он был винтиком системы, сеющей добро, то теперь - все! Он - гренадер другой армии. Черный Дух, приснившийся ему во сне, уже прочно утвердился в нем.

Борис встал и пошел домой.

Ему вспомнилась баллада, прочтенная Даром. Там бестелесные гиганты Добра и Зла вели свои бои руками смертных тварей. Теперь он - одна из таких тварей, бесповоротно вставшая на одну из сторон.

Пусть он разрушитель! Пусть его сторона именуется Злом, но он должен положить конец миру, который ему невыносим. Он - боец! И у него есть свое оружие! Сегодня он вынет его из ножен.

Борис еще раз оглянулся на дворик, и ему представилось (словно наяву увиделось), как этот маленький дворик Грозного уютят танки...

Он - Зло!

Подъезд, показавшийся после солнечной улицы очень темным, напомнил Борису его сон. Будто в темноте лестничного пролета ему вдруг увиделся знакомый жуткий взгляд. От этого воспоминания в нем колыхнулся холодок мистического страха. Однако это не испугало его. Напротив, он ощутил от него какое-то странное дубящее наслаждение. Это было новым чувством.

"Наверное, так на наркомана действует наркотик, - подумал Борис, - после первого приема рвота, а затем - кайф, кайф и только кайф!"

Ну, ничего! Это даже очень хорошо! Это самое подходящее подкрепление перед решающей схваткой. А схватка будет! Она уже очень близка. Борис чувствовал, что до нее остались буквально секунды - ровно столько, сколько ему потребуется, чтобы подняться по ступенькам и

войти в свою квартиру. Там у него в компьютере, в его черновых записях - бомба. Нет, это нечто - гораздо сильнее бомбы... Он поднимет все, что писал "в стол". Его оружие - самое сокрушительное, его оружие - то, что детонирует эти самые бомбы, то, что движет целыми армиями, то, что однажды темной ненастной ночью породило самого Черного Духа... Его оружие - Слово.

XI

Поднявшись на лестничную площадку, Борис вдруг остропело остановился у двери своей квартиры.

Она была открыта.

С Бориса словно слетела какая-то пелена. Его мгновенно вернуло в реальность. Вся мистика, все мысли о книге, о снах, о схватке добра и зла моментально выветрились из головы. Он думал только об открытой двери. В первую секунду его охватило смятение, но он тут же вспомнил, что, выбегая из квартиры, он просто не закрыл ее. Значит, все это время, пока он был в библиотеке и сидел на скамейке, она оставалась распахнутой.

Борис осторожно взялся за дверную ручку. За время его отсутствия здесь могло произойти все что угодно. Мысли о схватке снова вернулись к нему. Ему вдруг пришла в голову мысль, нет, даже не мысль, а какая-то подспудная уверенность в том, что здесь побывал его неведомый противник. Если он, Борис, по недосмотру оставил свою крепость открытой, то в нее не мог не войти его враг, самый лютый враг.

Борис заглянул в коридор. Верхняя одежда и обувь в прихожей были на месте. Тихо ступая по полу, он прошел дальше. Дверь в комнату была тоже открыта. Он заглянул в нее.

То, что он увидел в комнате, заставило его остолбенеть.

Комната была прибрана. Его холостяцкая комната сверкала чистотой и порядком. Вещи, обычно разбросанные где попало, были аккуратно развешаны на плечиках в шкафу, либо уложены в ящички. Он увидел их там через приоткрытую дверцу шкафа. Мусор, всегда лежавший повсюду, исчез. Пол был вымыт. Только теперь Борис обратил внимание, что и в коридоре пол был чист, а у дверей была аккуратно сложена влажная тряпочка.

Борис подошел к столу. Тот тоже был чист. Стерта пыль со всех предметов. Борис обернулся к телевизору. Его экран блестел непривычной чистотой.

Раньше на нем был толстый слой пыли. С некоторых пор Борис перестал его включать. Ему уже давно опротивели сплошные фильмы и передачи о героике, любви и труде. На пыльном экране он нарисовал черта. Теперь не было и его.

Борис оглянулся.

Кто бы это мог быть? В квартире явно похозяйничала женская рука.

Может, это была соседка - старая чеченка, которая иногда, встречая Бориса на лестничной площадке, заговаривала с ним, коря его за то, что он живет один и никак не может обзавестись семьей. Может быть, это была какая-то другая

женщина, которая, увидев открытую дверь, заглянула сюда, и у нее затосковали руки по уходу за одиноким мужчиной...

Борис вернулся в коридор, чтобы закрыть входную дверь, и на минуту остановился перед ней. Его поразила еще одна мысль: неизвестная женщина, уходя, оставила дверь так же открытой, совершенно не опасаясь, что кто-то может войти сюда с дурными намерениями.

Борис коснулся рукой двери, и вдруг сильная боль пронзила его грудь. Это была та самая боль, которая преследовала его и Бэрба в кошмарах. Свет померк в его глазах. Чистота в комнате вдруг стала ему ненавистной, а с темного экрана телевизора на него взглянуло страшное лохматое чудовище.

"Зачем?! - простонал Борис. - Зачем надо было убираться в комнате? Не надо трогать мою жизнь?!"

Спустя минуту боль прошла, но Борис продолжал стоять, навалившись на стену.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что он чувствовал бы себя гораздо легче и комфортнее, если бы его квартиру обокрали.

Нет! Не в том мире он живет! Ну почему он не попал в ту параллель, туда, где стреляют, где убивают, где грабят, обманывают, где нет этого приторного человеколюбия?! Где эта параллель? Где эта тень истории? Бежит где-то рядом и приходит к нему в виде галлюцинаций. Ему надо жить там, надо обманывать, хитрить, наживаться, топить конкурентов, упиваться картинами насилия, наслаждаться душераздирающими сценами...

Борис сполз по стенке на пол.

Ему вспомнилось, что всего несколько минут назад он шел сюда с затвердевшей душой, что он был одержим мыслью совершить сегодня что-нибудь злое и страшное, что он ощущал себя воином Зла. Но теперь он был полностью смят, ничего этого в нем не было. Точнее говоря, все это было будто разбито и повержено. Будто сидевший в нем солдат только что был сражен каким-то противником - тем самым противником, который ему померещился на лестнице. Он шел сюда, чтобы вступить в схватку, но получил неожиданный сокрушительный удар.

"Ну надо же! И кто этот противник?"

Он побит, он повержен. Он понял, что уже не в состоянии совершить хотя бы мизерную долю того зла, на которое был настроен всего несколько минут назад.

"Кто? Кто этот воин Добра?!"

Борис невидящим взглядом посмотрел в проем незакрытой входной двери.

"Неужели неизвестная женщина и есть тот самый воин! Неужели это она его так сразила?!"

Горло першило от невыносимой горечи. Боли в груди не ощущалось, но она продолжала давить на спутавшиеся мысли.

"Как же так?!"

Он готов был взорвать целый мир, он, как воин Зла, шел на большую битву, но поражен... и как? Где это эпохальное сражение? Он готов был вознести к небесам смертоносный

меч, чтобы низвергнуть его вниз со страшной силой, а получил сокрушительный удар... и чем? Каким-то непонятным, совершенно несимметричным оружием. Что за оружие у противника, поразившее его в какое-то незащищенное уязвимое место?

Знает ли эта женщина, ведает ли она, *что* она только что сотворила? У нее просто затосковала душа по уходу за одиноким мужчиной, но она и понятия не имеет, какую битву благодаря своему глубокому древнему женскому инстинкту она выиграла...

...Пальцы вдруг ощутили длинные спутанные волосы. Глаза защипало, словно от едкого дыма. На миг он увидел себя маленьким мальчиком из кошмарного сна о прошлом, цепляющимся за волосы матери и пытающимся найти у нее защиту от невыносимой боли. Его душу уносил Черный Бай. Он уволакивал его в страшную тьму.

С большим трудом Борис оторвался от неведомого наваждения и с таким же невероятным усилием перевел взгляд на свои руки. Они были пусты. Они были пусты, но явственно ощущали стягивающие их волосы...

И вдруг ему послышался голос поющей женщины, той самой женщины из далекой каменной пещеры.

"Бай-Бай!"

"Бай-Бай!" - взывала к страшному духу женщина, покачивая на руках своего ребенка. Она просила духа не забирать ее дитя. Она не знала, чем она прогневала Бая - того самого Бая, который каждую ночь уносил души людей.

Каждую ночь он забирал души людей, и каждое утро возвращал их обратно. Но не всегда души людей возвращались, и тогда человек больше не просыпался. И поэтому каждая мать, усыпляя на ночь ребенка, пела Баю зазывные песни. "Бай!... Бай!" - тянули женщины. "Бай-Бай!" - тянули они, чтобы дух, прельщаясь на их пение, не отходил с душой ребенка далеко от пещеры...

Однако сейчас это было не зазывное, не сладкое пение. Это было пение отчаяния "Ба-а-ай-Ба-ай!".

Это было последнее, что пришло Борису в голову перед тем, как он повалился в пляшущий огненный хаос. Долгий тягучий плач женщины потянул его через длинную вереницу лет, но не назад, а вперед. Его снова вынесло в далекую солнечную историю. Он снова после своего непростого разговора с Юнной двигался на встречу с Даром...

Еще один отрывок из эпилога

- Ну, хватит, расслабься, - сказал мне Руслан. - Чего ты так нахмурился. Ведь все идет к лучшему. Даже в твоей повести.

Я невольно улыбнулся, стряхивая с себя грустные мысли. Мы оба посмотрели в окно. Там стояли залитые солнцем дома Грозного.

- Был я недавно в новом микрорайоне, - сказал Руслан, - видел тот дворик с избушкой на курьих ножках. Ты когда успел там побывать?

- Первый раз об этом дворике слышу, - искренне изумился я.

- Ну-ну! Рассказывай! - не поверил мне Руслан.

- Да не вру я!

Руслан удивленно посмотрел на меня.

- Тоже во сне приснилось? - усмехнувшись, спросил он.

Я рассмеялся.

- Впрочем, - сказал он через некоторое время, - такое не удивительно. Сейчас избушки на куриных ножках ставят повсюду. Это ты точно подметил. Раньше ставили на детских площадках фанерные ракеты, сейчас возвращаются к старым сказкам.

- Так нетрудно стать и Нострадамусом, - продолжил Руслан. - Пиши любые фантазии - все равно все сбудется.

Мы на некоторое время замолчали.

- В одном я не могу согласиться с твоим Борисом, - снова заговорил Руслан, - в том, что атомные бомбардировки невозможны были бы в 2000 году. Даже тогда, в сорок пятом, не будь наша страна так всесильна, разбросали бы они эти бомбы направо и налево. Да и сегодня, будь мы послабее, хозяйничали бы они уже где-нибудь в Ираке или Афганистане. Дело не в том, что человечество стало взрослее, а в том, что однажды появилась наша соцсистема.

- Ну, в этом и проявилось взросление человечества.

Руслан пожал плечами и промолчал.

- А вот Расскажи мне, - спросил он через некоторое время, - что там за белое пятно в эпизоде встречи Бэрба с Даром.

Я смешался. Это был как раз тот эпизод, который я не отослал ему в своих черновых записях. К тому времени я еще не готов был его представить. Это был, возможно, самый сложный отрывок из повести. Я долго мучился над ним. Не хотелось, да и не получалось описать поступок Бэрба очень упрощенно. Тем более, что я понимал, что по логике повествования для Бэрба не могла пройти бесследно и история Бориса. Оба эти героя очень крепко связаны меж собой. Более того, история Бориса по-своему могла повлиять и на исход этого самого драматичного эпизода из жизни Бэрба и даже на исход всей солнечной истории в целом.

- Белое пятно...? - переспросил я. - Ну что ж, перескажу тебе этот эпизод на словах.

Я так долго вымучивал этот отрывок, что мог пересказать его слово в слово по памяти...

ХII

Прорезая пляшущий огненный хаос, Бэрб неся в цибеле на встречу с Даром.

Еще несколько минут назад в голове Бэрба билась мысль - поскорее добраться до Дара, чтобы успеть предупредить его, но по мере приближения к месту встречи им стали овладевать совсем другие мысли.

Если он предупредит Дара об опасности, нависшей над Юнной, Дар бросится к ней на помощь. Дар единственный, кто может спасти Юнну... Спасти, чтобы... завладеть ею.

Откуда-то из далекой глубины его существа поднялся комок едкой горечи.

Он ведь знал, он боялся этого. Все эти дни он жил в гнетущем ожидании: скоро прибудет Дар, который заберет Юнну. Нет, Юнна не принадлежала Бэрбу, но, пока не было Дара, она не принадлежала никому. Теперь же Бэрб теряет ее. Ему невыносимо будет увидеть ее с Даром. Он знал, он боялся этого, и с каждым днем, приближающим прилет Дара, гнетущее состояние все усиливалось и усиливалось в нем. Он все с большим и большим трудом представлял, как сможет перенести их встречу. И, наконец, в самый последний день он почувствовал, что дошел до точки. Он вдруг почувствовал, что готов на самую крайность, чтобы не дать им встретиться.

У него перед глазами все еще стоял взгляд Юнны, и звучали ее слова о том, что не надо ничего говорить Дару.

Но если он ничего не скажет Дару, Юнна может погибнуть!

Вот и случится, - как-то отвлеченно подумалось Бэрбу, - та самая крайность, которая помешает их встрече...

И тут Бэрба словно обухом по голове ударило. На некоторое время он застыл в неподвижности.

Неясное чувство, словно от обращенного на него жуткого взгляда, большим комком подкатило к горлу и сдавило дыхание.

Неужели он действительно так подумал!?

Едкая горечь, точившая его изнутри, вдруг обрела запах дыма. Точнее говоря, на него вдруг будтодохнуло дымом.

Бэрб вздрогнул. Это был тот самый запах дыма, который приходил к нему в кошмарных снах. Вместе с этим запахом он будто снова ощутил на себе жуткий взгляд. Он словно начал погружаться в свой страшный сон, одновременно оставаясь наяву.

На душе у Бэрба похолодело. Такого с ним еще ни разу не было: сновидение обволакивало его не спящий разум, ему уже виделся выглядывающий из темноты этого сна Черный Дух, и этот дух сейчас вкладывал в его руки страшное оружие. Это было оружие вершителя судеб... Ведь от него теперь зависела жизнь Дара и Юнны. И этим оружием оказывалась та самая крайность - *единственная* возможность предотвратить их встречу.

Откуда-то изнутри подкатили ощущения подступающей к нему страшной ночной боли.

Нет! Нет! Нет!

Бэрб начал лихорадочно подбирать слова, какие он скажет Дару при встрече...

Цибель прорвался сквозь разбушевавшиеся слои и попал в зону относительного затишья. Здесь Солнце было спокойно. Но это обманчивое, тревожное спокойствие. Затишье - неизменный спутник предстоящих солнечных вспышек. Поднимающийся Гиг разрушал стройные конвективные потоки, и свечение солнечного вещества ослаблялось. Из космоса такие зоны видны как темные пятна, но самому Бэрбу затишшие окрестности виделись как надвинувшиеся сумерки. Ему трудно было понять, то ли

действительно потемнело все вокруг, то ли непонятный "сон наяву" окутал его своим полупрозрачным мраком.

Нет! Нет! Нет! - повторял он себе, и вдруг его, как громом, поразила другая мысль - мысль о том, что он ничего не сможет сказать Дару. Ничего! Темные сумерки сжимали его душу, и у него уже не хватало воли бороться с омертвляющей хваткой Черного Духа. А мысль о предстоящей встрече Дара и Юнны отбирала у него последние остатки сил. У него не хватит сил свести Дара и Юнну. Он безвольно отправит их на погибель!!!

Бэрб почувствовал, что нарастающая боль переросла в какое-то необычное дубящее оцепенение. Будто его члены оказались стиснуты в невидимые латы.

Такое с ним случалось иногда на Плутоне. Там однажды после очередного кошмарного сна он почувствовал, что ему стали в наслаждение жуткие страхи, он почувствовал, что настолько привык к ночным мучениям, что совсем их не ощущает, вернее, не ощущает именно как мучения, что они ему стали приятны. Тогда к нему пришли мысли о том, что в прежние века он мог бы быть воином - воином, не знающим боли и страха. Теперь он снова ощутил себя воином. В голове пронесся шум. Мышцы словно отвердели.

Цибель вылетел на поверхность и, покрутившись вокруг оси, повернулся к далекой искрящейся точке.

Бэрб посмотрел на нее и непроизвольно вздрогнул. Там был Дар. Там был человек, который приехал, чтобы получить Юнну.

Бэрбу вдруг померещилась картина, которую он когда-то будто уже видел. Ему увиделось, как Дар несется сквозь огненную бурю к Юнне, как он, Бэрб, сам устремляется к залитой лиловым свечением точке и как оба они... опаздывают.

Бэрб медленно направился к Дару. Померещившаяся картина немного смутила его.

Дар протянул ему руку для пожатия и широко улыбнулся.

Бэрб с трудом выдавил из себя ответную улыбку.

Но стоп! Почему... почему к нему вообще приходят какие-то колебания? Он - воин! Воин Черного Духа, он не должен колебаться!

Дар второй рукой хлопнул Бэрба по плечу.

В голове у Бэрба все смешалось. Опять захотелось улыбнуться, но над душой снова возник устремленный на него жуткий взгляд. Этот взгляд вдохнул в него новую порцию желчи. По телу пробежала дрожь.

Да! Он отправит! Он отправит на погибель Дара и...

И тут будто что-то скрутило его изнутри. Он едва нашел в себе силы устоять на месте. Он вдруг понял, что вносило смятение в его ум.

Он отправит на погибель Дара и... Юнну.

Юнну!!!

Дар продолжал смотреть на него, дружелюбно улыбаясь.

В голове у Бэрба опять всплыла картина, на которой то появлялась, то исчезала в бушующих плазменных вихрях далекая фигурка Дара, и еще дальше - едва видимая искрящаяся лиловая точка...

Но почему?! - мысли Бэрба снова смешались. - Но почему должна погибнуть Юнна?...

Стоп! Откуда у него такие мысли!? Откуда смятения!? Почему в нем разворачивается непонятная борьба? Почему он бьется над вопросами, которые раньше никогда бы не возникли?! Почему перед его глазами постоянно возникает какая-то картинк...

Солнце! - вдруг что-то будто озарило Бэрба. - Это Солнце! Это оно вносит смятения в его душу.

Бэрбу вдруг вспомнилось, что здесь, на Солнце, он утратил ощущение наслаждения от болей, ему опять стал ведом страх, который совсем затупился на Плутоне. Солнце опять обнажило его затупившиеся чувства. Он опять стал ощущать боль как боль, страх как страх, ложь как ложь, он опять стал бояться ночных кошмаров. Солнце постепенно растапливало броню, в которую его глухо заковало на Плутоне. Он потерял прежнюю уверенность. Конечно, Солнце... Солнце в этом виновато.

И Юнна!

Бэрбу вспомнились его долгие сидения перед видео Юнны. Вспомнилось глубокое ноющее чувство, которое сопровождало его в эти часы.

Но почему должна погибнуть именно Юнна?! - тут же вскипело в нем.

Бэрб посмотрел на Дара.

Если сейчас он все скажет Дару, то может спасти ее.

Жуткая горечь быстро нарастала, выжигая все внутри.

В нем, действительно, будто разворачивалась жестокая битва. С одной стороны в нем бился закованный в латы Черного Духа темный воин, с другой стороны - какой-то неясный, непонятный, абсолютно невидимый противник.

Бэрб постарался собраться.

Надо мобилизоваться. Надо уйти от этих мысл... Он воин, он отправля... Дара...

Однако собраться никак не получалось. В его голове все рвалось и металось. Бэрб почувствовал, что неведомое сражение внутри него стремительно раскручивается, он ощутил, как резко возрастает его размах. Ему вдруг вспомнилась баллада, которую однажды прочитал Дар. Вспомнились бестелесные гиганты, которые ведут свою вековую битву. Будто это они развернули в нем свое сражение.

Перед глазами опять всплыла далекая лиловая точка, и Бэрб вдруг понял, почему это видение постоянно приходит ему в голову. У него в голове прокручивается событие, которое должно будет случиться!

Да, должно будет случиться! - будто дохнуло на него из обволакивающей темноты. - Цепочка событий уже выстроена.

Выстроена!!!

И он в этой цепочке - лишь послушный воин. Он должен будет выполнить ту роль, которая в этом сценарии отведена ему. Прав Дар: бестелесные гиганты вершат свою битву руками малых земных тварей. И он - одна из них. Он воин Зла. Его роль, его оружие, его миссия в этой борьбе будет заключаться в том, - прорывалось в его сознание из мрака окутавшего его полусна, - что он должен будет... должен будет... предать!!!

Предать!!!

Новое открытие ошеломило Бэрба. На некоторое время он потерял способность соображать. Мысль о предопределенности событий вознесла уровень разыгравшегося в нем сражения на невообразимую высоту, однако мысль о предательстве резко приземлила его роль в этой битве.

Но неужели он предаст?!! - закричало в голове у Бэрба, едва он пришел в себя. Где-то высоко над головой незримые титаны вели свои баталии. Их орудиями были судьба, предопределенность, неотвратимость, а его Бэрба - маленького солдата этой битвы - обожгло его оружие - предательство.

Но разве это предательство? - его мысли опять отбросило в другую сторону. - Это - возмездие! Он воин... Он - карающий меч Зла...

Ну почему?! Почему к нему приходят такие вопросы? Там, на Плутоне, к нему не приходили бы никакие

колебания. Ну почему здесь вопросы о предательстве так невыносимо болезненны?

Солнце! Это опять Солнце! Это оно обнажает душу! Сдирает все защитные панцири. Здесь не только боль ощущается как боль, а ложь - как ложь, но и предательство - как предательство. Он не может спрятаться от гнетущих вопросов даже под прикрытием своей миссии. Здесь нестерпимы любые пороки. Они вызывают невыносимо болезненную, жгучую реакцию. Знали бы люди, которые направляли его на Солнце на перевоспитание, *каким* будет это перевоспитание!

Но он - воин! Он - Зло!!! Он должен это сделать! Пусть будет больно! Должно быть больно! Должно быть как можно больнее!

Борьба внутри него продолжала развиваться с бешеной силой. Бэрб почувствовал, что приближается ее кульминация.

Что-то похожее - похожее на такую же приближающуюся кульминацию - однажды уже происходило с ним. Вернее, не с ним, совсем даже не с ним...

В его разыгравшееся наяву сновидение ворвался еще один эпизод. Ему вдруг будто вспомнилась прочитанная им когда-то книга о далеком прошлом. Откуда в нем взялось это странное воспоминание, Бэрб понять не мог. Там описывалась криминальная казнь. В толпе, которую привезли на показательный расстрел, стоял человек. Он смотрел на обреченного молодого парнишку и порывался что-то крикнуть. Он понимал, что его крик может остановить казнь, но ценою этого могла стать его

собственная жизнь. В конце концов, он собрался с духом, чтобы крикнуть, но не успел. Выстрелы прозвучали на мгновение раньше. Всего лишь на малое мгновение. Не вырвавшийся наружу крик так и застрял в его горле.

Вот и сейчас Бэрб вдруг ощутил нечто подобное. Он точно так же теперь стоял перед кульминацией... Но стоп! Разве он тоже хочет крикнуть что-то Дару? Дар стоит перед ним и улыбается, он не знает, что над ним уже занесен карающий меч. И разве он, Бэрб, хочет предупредить Дара?! Он воин!

Но почему?! Почему ему вспомнилась та казнь? Почему?!! Тот человек, который стоял в толпе зрителей, так же метался. Ему нужно было произнести только первый звук. Этот звук занял бы всего один миг - миг, который опередил бы трагедию. И сейчас, чтобы предупредить Дара, тоже нужно хотя бы выдохнуть из себя звук, тоже нужен всего лишь миг. Если он этот миг упустит, то слова также застрянут в его горле, и события потекут по злой воле неведомого чудовища.

Бэрб почувствовал, что этот самый решающий миг уже наступает, и обнаружил, что его глаза потянуло в сторону. Они уже избегали встречи со взглядом Дара.

Вот она - кульминация! Сейчас Дар тоже отведет от него свой взгляд, и всё!!! Обратного хода не будет!!!

Вот оно - предательство!!! Его жуткий смрад вдруг хлынул из каких-то неведомых глубин его существа. Он стал заполнять все его клеточки, парализуя силы и волю. Бэрб почувствовал, что бьющиеся на недостигаемой высоте гиганты полностью смяли его, они довершат свою битву без

него. Он выполнит свою крохотную роль в этом сражении помимо своей воли. Его воля никем в расчет не принимается. - Но неужели... Неужели он предаст?!!!

Ну почему к н... приходя... такие мыс...? Разве это предаст...? Он - вои...! Он долж... это сделать! Он должен со всем этим покончить! Это уже предначертан...!

В голове опять всплыла картина, как, прокляв себя за жутчайшую подлость, он несется к искрящейся лиловой точке, как стремится во что бы то ни стало успеть, и как эта точка вдруг и-с-ч-е-з-а-е-т.

Все вокруг затряслось и закричало. "Нужен только звук! - заколотилось в нем. - Неужели он предаст!!! - Юнну!!! Нельзя колебаться! Нельзя колеба... Но он - вои..."

- Дар! - голос, вырвавшийся из уст Бэрба, резко оборвал беснующуюся какофонию в его голове, отшвырнув его во тьму.

Дар, продолжая счастливо улыбаться, остановил на нем вопросительный взгляд.

Бэрб был в абсолютной пустоте.

Дар, продолжая счастливо улыбаться, остановил на нем вопросительный взгляд.

Бьющиеся высоко над головой титаны застыли с вознесенными мечами, обратив свои изумленные взоры вниз, на Бэрба.

Дар, продолжая счастливо улыбаться, остановил на нем вопросительный взгляд.

Бэрб не ощущал никаких звуков, движений, мыслей. Лишь одно только имя висело в его голове.

- Ю-н-н-а! - медленно, с большим трудом протянул он.

Улыбка вмиг слетела с лица Дара. Он резко побледнел. По его глазам стало видно, что он мучительно что-то вспоминает. Бэрбу было абсолютно понятно, что за "воспоминания" возникают в голове Дара. Он видит сейчас ту же самую искрящуюся лиловую точку. Он видит, как она исчезает...

Оборвавшийся было хаос в душе Бэрба снова резко обрушился на него.

- Бери цибель! - проговорил Бэрб. - Ты еще успеешь.

Его грудь начала скручивать невыносимая боль.

- Садись скорее! - закричал вдруг Дар, кинувшись к цибелю.

Бэрб отрицательно мотнул головой.

- Не задерживайся! - с трудом сдерживая стон, сказал он.
- Опоздаешь!

Менее всего он сейчас хотел оказаться рядом с Даром в одном цибеле. Еще тяжелее ему будет увидеть, как Дар вызволяет Юнну из солнечных глубин...

Дверца захлопнулась за Даром, и цибель, подняв клубы золотистого тумана, рванул в недра.

Все!.. Дар знает, куда мчать машину. Он спасет Юнну. Он скоро будет рядом с ней. Цибель быстрее и мощнее квоца.

Бэрб от сдавившей его боли присел на корточки.

Вот и все!!!

Вот и все! Он переломил!

Он не просто перешагнул через себя, он только что перечеркнул предначертанное. Он изменил движение Времени. Он вернул огромное-преогромное колесо Истории на его прямую колею.

Вот и все!

Но, боже мой! Каких же страшных болей это стоит!!!

Неведомый злой дух, сорвавшись со своей высоты вниз, в невероятном бешенстве рвал его внутренности.

"Ну зачем я это сделал?! - процедил сквозь зубы Бэрб. - Зачем?!..."

Если бы он сейчас оказался колдуном, он превратил бы Юнну в страшную рыжую уродину.

Бэрб вскрикнул. Что за мысли к нему приходят!?

Как он мог?! Как он мог так тронуть Юнну?!

Нет, так больше нельзя!

Он включил размещенные на ранце "персонки" и провалился в солнечные недра.

Клыки невидимого чудовища, сжавшие его внутренности, завязли в них. Теперь не Дух держал Бэрба, а наоборот, Бэрб поволок за собой этот огромный черный сгусток Боли в солнечные глубины.

Быстрее к домену!!! Спать там все!!!

Да! Да! Спать! Спать это чудовище!!!

Бэрб почувствовал, как забилося, заметалось в его грудной клетке неведомое существо.

- Не-е-ет!!! - взревел Бэрб. - Не уйдешь!!!

Он сжался в твердый комок, удерживая в себе попавшее в плен чудовище.

Я покончу с тобой!!! На мне все закончится! Не прав Дар! Не может этот бой длиться целую вечность! На мне все закончится! На мне! На мне! Ты не будешь больше рвать и ломать!

Не будешь! Не будешь! Не будешь!

Вокруг гремела и бушевала раскаленная солнечная плазма. Навстречу Бэрбу неслись обрывки трубчатников,

лакушек, поднимались волны огромных золотистых вихрей, об него разбивались поднимающиеся в большом количестве квуоли, а он тянул и тянул вниз.

Страшный жуткий вой загremел в его ушах. Это завопил в ужасе его пленник. Вой заставил Бэрба сжаться еще сильнее. Боль стала невероятной. Бэрб почувствовал, что теряет сознание.

Не будешь! Не бу...! Не б...!

Тольк... бы дотя...нуть!

И уже, не чувствуя себя, не видя ничего вокруг, он жал и жал на акселератор. Одно он только продолжал ощущать: как сгущается, тяжелеет и тяжелеет гравитационное поле.

Т...ко бы дотя...

Яркая вспышка разорвала его сознание. В один миг он почувствовал, как разбился на миллиарды мельчайших частиц, как подхваченные солнечным ветром и волной от невероятного взрыва понеслись они назад, в далекую, огромную и бескрайнюю Вечность. Он стал стремительно разрастаться, становясь большим-пребольшим, охватывая собой большие звездные скопления, поглощая огромные неведомые миры, поглощая неизмеримую Бесконечность... Мальчик Бэрик ахнул от изумления - в него вливался огромный-преогромный, бесконечный звездный мир, он протянул свои маленькие ручонки навстречу далеким-предалеким галактикам, пульсарам, квазарам, черным дырам...

Бэрб не просто был разбит солнечным излучением, как разбивается любой несолнечный предмет, лишившийся

грависиловой защиты. Произошел мощный взрыв. Этот взрыв еще долго будет будоражить ученые умы своей загадкой. Вместе с Бэрбом в поле гигадомена попало нечто такое, что вызвало разрыв его гравилиний.

От гигантского взрыва произошло локальное возмущение грави-временного поля, и в обе стороны Времени побежала волна. И в будущее, и в прошлое побежал временной солнечный пульс. Раз в одиннадцать лет спокойное Солнце начало вскипать, выплескивая в космос сгустки энергии. На планетах стали происходить природные катаклизмы. Солнечный пульс столетия за столетиями с периодичностью один раз в одиннадцать лет стал вычищать из будущего и прошлого мрак...

ХІІІ

...Маленький мальчик открыл глаза. Боль неожиданно отпустила его. Он посмотрел на мать. Женщина уже не пела. Она еще продолжала покачивать его, смотря в темноту опустевшими глазами. Он протянул к ее щекам ручонку и тронул ее. Женщина вздрогнула. Она взглянула на сына, и лицо ее застыло в недоумении.

Мальчик посмотрел в проем пещеры. Чернота, зашедшая было в пещеру, отодвинулась назад. Страшный взгляд неведомых глаз исчез.

...За несколько минут до этого на далеком Солнце материализовался добежавший из будущего грави-временной импульс. Гигантское светило вспыхнуло и выбросило в космос сгусток излучения. Тот понесся в просторы, тесня темноту...

Мальчик радостно загулил.

Зачем она его качает? Ведь он совершенно не хочет спать.

Мать чуть заметно улыбнулась сквозь застывшие слезы, а затем, вдруг засмеявшись, ответила ему мягким воркованием. Ветер за стенами стих. Установилась спокойная ночная тишина, которая не успела сразу заполниться звуками спрятавшихся насекомых...

- Ба-ай - ба-ай! - запела дрожащим от радости голосом молодая женщина. Ее песня потянулась, заполняя собой притихший ночной воздух, все дальше и дальше уплывая от каменных стен пещеры.

- Ба-ай - ба-ай! - полилась в тихой ночи вековая материнская песня.

Окончание эпилога

- А все таки, ты здорово придумал, - сказал Руслан, мечтательно глядя в окно, - рассказать о будущем, написав о Солнце. Образ Солнца - это и свет, и чистота, и мощь.

- Здесь чисты и высоки достоинства, - продолжил он через некоторое время, - здесь ясно видны, а потому и непереносимы пороки: боль ощущается как боль, ложь - как ложь, предательство - как предательство. Ведь мы сегодня только гадаем, куда в том обществе денутся извечные человеческие недостатки, а этими фразами очень многое об этом сказано! Главное - пороки в нем будут ощущаться предельно ясно и остро, а потому станут практически невозможными.

- Недавно увидел, - неожиданно сменил он тему, - в своем доме в одной квартире открытые двери и вспомнил твоего Бориса.

- Нет, конечно, там не Борис, - улыбнувшись, сказал Руслан. - Мальчишка у них - большой шалопай. Носится туда-сюда. Родители не успевают за ним двери закрывать. Вот уж где непуганый народ живет. В нашем родном Грозном.

Руслан опять на некоторое время задумался.

- И вот тебе ответ на твой вопрос, - сказал он через некоторое время, - не окажемся ли мы в тупиковой параллели. Ход Истории неодолим. Этого не может случиться... потому что этого случиться не может... Такое возможно только в фантастике.

И мы опять заговорили о фантастике...

В реальности же наш разговор, проходивший летом 2001 года, велся год спустя после исторической посадки "Бурана-2" на Луну. Тот прилунился в кратере, который еще в пятидесятых годах получил звучное русское название. С места посадки в космос тогда полетели доклады на пятнадцати языках республик великой сверхдержавы.

А еще за день до запуска "Бурана" в одной из провинциальных газет была опубликована заметка со следующим содержанием:

"...Я вижу, как это будет происходить. Командир корабля и два космонавта-исследователя спустятся по трапу на лунную поверхность. Немного постояв в раздумье, командир скажет: "Ну что ж, пошли..."

В ЦУПе пробежит оживление. Все, конечно же, вспомнят знаменитое "Поехали". Но теперь будет сказано "пошли". Да, именно "пошли"! Какой бы всемогущей ни была бы техника, человек всегда останется человеком. Он всегда покорял и будет покорять неизведанное, ступая на него своими ногами.

И космонавты пойдут. Они начнут отмерять вселенную шагами..."

Слова "отмерять вселенную шагами", которые написал под псевдонимом "Бэрб" неизвестный журналист, стали крылатыми. Они вошли в историю, как знак XXI века. Самое удивительное, что командир "Бурана", не читавший этой заметки, действительно, сойдя на лунную поверхность, сказал "Пошли".

Это происходило в 2000 году. А спустя еще несколько столетий...

...Прорезая солнечные недра, парень и девушка, взявшись за руки, стремительно неслись к поверхности светила...

Дар крепко держал Юнну за руку. Он успел вытащить ее из опасной зоны. Он выхватил ее из окружения квуолей и с силой потянул наверх. Все произошло так же, как семь лет назад, когда Дар тянул Юнну из космического пространства к спасительному Солнцу. Юнна в первый

момент отчаянно сопротивлялась, но затем расслабилась и покорилась силе своего рыцаря. Теперь они быстро удалялись от поднимающегося из глубин гигантского домена. Он спас ее. Он больше никогда ее не потеряет.

Кругом рвались и метались огненные клочья ослепительно яркой плазмы. Поверхность Солнца зарябила разыгравшимися штормами. Огромные золотистые океаны вздыбливались, выплескивая из своих глубин гигантские сгустки пламени. Повсюду уже началось брожение зарождающихся протуберанцев. Среди их первых язычков невысоко над солнечной поверхностью висел корабль. Он ожидал поднимающихся из глубин людей. Иногда вздымающиеся языки молодых протуберанцев поглощали его. Тогда он скрывался и не был виден. Крохотной микроскопической песчинкой пропадал он в гигантском море ярко-желтого огня. Мимо него в космос, растопляя вселенский вакуум, уносились триллионы тонн клокующей плазмы.

Солнце, раскаленная громадина Солнце, бушевало...

Конец Книги второй

P.S. Недавно мне пришло от Руслана письмо.

"...Я оставил попытки написать антиутопию, - сообщал он. - Я думал, что сделаю авторское открытие, найдя для своих героев Шанс, но, внимательно перечитав твою повесть, обнаружил этот Шанс там.

Вспомни эпизод, в котором Бэрб вышел на встречу с Даром, и в нем разгорелась борьба, говорить или не

говорить Дару об опасности, нависшей над Юнной. Эту ситуацию колесо Истории прошло дважды. Первый раз Бэрб ничего не сказал Дару, а во второй раз сумел. Чем отличаются эти случаи? - Во второй раз Бэрбу в самый решающий момент вспомнился эпизод из книги о казни Артема. История, совершив петлю, подошла к этому случаю с одним-единственным крохотным изменением - с книгой никому неизвестного автора. И, выходит, что Дара спас Артем. А ведь он, казалось бы, так ничего для этого и не успел сделать. Он просто остался самим собой. Он просто не изменил своим принципам. Это и есть тот самый Шанс. И ничего больше придумывать не надо. Артем совершил поступок в соответствии со своей совестью, писатель, присутствовавший на казни и не сумевший ничего сделать в нужное мгновение, затем все честно рассказал в своей книге, а спустя столетия Бэрб, переломив себя, сказал всего два слова - и все это спасло людей. Шанс - это наши маленькие победы над собой. Они суммируются и, рано или поздно, правят Историю.

Ну, будь здоров!

Руслан".

Книга третья.

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

И завершится тот небывало душный день невиданной грозой...

И сольются две гигантские расщепленные ветви Времени...

Часть первая

I

По ухабистой дороге вдоль широкого хлебного поля на большой скорости двигался автобус. Водитель будто не видел ям и кочек, и автобус неимоверно трясло. Ехавшие в нем пассажиры не обращали на тряску никакого внимания. Трое молодых парней на передних сидениях громко разговаривали меж собой, перемежая разговор гыкающим хохотом. Остальные пассажиры, как резиновые куклы, безвольно тряслись на ухабах и молчали.

Два пассажира на заднем сидении тоже сидели молча. Один из них - прыщеватый, худой и длинный - с угрюмой безучастностью смотрел в окно. Другой - низенький и плотный с широким рыжим лицом и близко посаженными маленькими глазами - глядел невидящим взглядом прямо перед собой. Они будто не замечали друг друга даже тогда, когда от тряски их тела сталкивались.

Низенький человек глядел вперед, почти не моргая. Глаза его немного поблескивали от влаги.

- А я ведь знал Артема... - вдруг тихо сказал он.

Сосед никак не прореагировал на его слова, продолжая смотреть в окно.

- Ему нельзя было сюда устраиваться, - проговорил низенький человек.

Он тоже не поворачивал головы, разговаривая будто сам с собой.

- Это можно было предвидеть. Он еще пацаном был очень наивен. Свято верил в клятвы. У него дома до сих пор хранится горн, который ему вручили в пионерах...

Автобус сильно потрянуло, прервав говорившего.

- А что наша фирма? - вполголоса продолжил низенький человек после недолгого молчания, - Все ведь знают, что на нее есть за что донести куда следует. У них на руках не первая кровь. Но молчим... Бешеными окладами купились. Смолчи Артемка - жив бы остался. Вот тебе и "Взвейтесь кострами!"...

У говорившего еще сильнее заблестели глаза.

- Какой дурак порекомендовал ему сюда устроиться?!... Эх, Артемка-Артемка!...

Автобус двигался с большой скоростью, словно убегал от чего-то. Его заносило на поворотах, и иной раз в таких случаях он наезжал на колосящийся хлеб, оставляя на поле рваную колею.

- В новом времени, говорят, живем, - продолжил после недолгой паузы низенький человек, - оно не для таких...

Говоривший повернулся к соседу, но тот не двигался.

- В последние дни он бредил Солнцем... Представляешь, он рассказывал, что однажды побывал там. Так все гладко говорил, что, поверишь ли, я, в конце концов, стал сомневаться, а не правду ли он рассказывает. Я, понимаешь ли, слушал с открытым ртом. Во, как сильно он рассказывал!...

- Дядя Миша, говорил он, ты только слушай! Верь или не верь, но слушай. Мне, говорил, надо все это кому-то рассказывать. Это не должно, говорил, пропасть во мне...

Низенький человек горько усмехнулся.

- Чудной! - сказал он после небольшой паузы и вновь надолго замолчал.

- Спасал какого-то Дара. Говорил, что сможет это сделать, если как можно больше людей узнает о его истории. Каждый человек, говорил, все равно что большая кладовая. Там многое что лежит - важное и главное, но если этим не пользуешься, все это забывается и пропадает. Надо много рассказывать друг другу обо всем, что лежит в этой кладовой.

- Я как-то, - вдруг оживился говоривший, - нашел дома в кладовке одни свои старые чертежи. Было у меня когда-то одно ращпредложение. Если бы я случайно на них не наткнулся, они так бы и затерялись там, и я о них никогда бы уже не вспомнил. Вот тогда мне и подумалось об Артемке, как он говорил: "Надо больше рассказывать...", надо чаще заглядывать в свою кладовую... рассказывать и расска...

Говоривший неожиданно осекся - долговязый сосед смотрел в его сторону неприязненным взглядом.

- Да-да, я понимаю... - торопливо проговорил низенький человек, - Да-да...

Он замолчал.

Меж ними зависла тяжелая пауза. Долговязый снова отвернулся к окну.

- Да-да, - тихо сказал низенький человек, - если бы Артемка в этот раз промолчал... жив бы остался...

...По ухабистой дороге вдоль широкого хлебного поля на большой скорости двигался автобус. Водитель будто не видел ям и кочек, и автобус неимоверно трясло....

II

...Прошло десять лет.

Дядя Миша сидел дома и чинил старую туфлю. Туфля уже была много раз латана-перелатана. Видно было, что она пережила не одну туфлиную жизнь, но заботами дяди Миши ее конец все отодвигался и отодвигался.

Дядя Миша старательно протягивал сквозь тугую кожу толстую нить и так прокалывал шилом новые дырки, чтобы оставались места для последующих чинок.

Старый радиоприемник на стене играл горячую десятку хитов недели. Дядя Миша тихим басом подпевал ему.

"За четыре моря, за четыре солнца..." - доносилось из динамика.

"За четыре моря, за четыре солнца..." - потихоньку бубнил дядя Миша.

Дело двигалось к концу, и дядя Миша с удовлетворением докалывал последние дырки.

"За четыре моря..." - пробубнил он вслед за приемником, осматривая на вытянутой руке готовую туфлю.

- На пенсию бы тебе пора, - сказал он туфле, - но потрудишься еще! Нет тебе замены.

Давно он не покупал себе обновки. Старые вещи надолго задержались в его гардеробе.

Полюбовавшись на свою работу, дядя Миша отнес туфлю в коридор и вернулся в комнату.

- Ну вот! - сказал он сам себе. - Есть в чем завтра на работу выйти.

Работой дядя Миша называл уличную торговлю фруктами. Целыми днями за копейки он простаивал на улице за самодельным прилавком. Но идти больше было некуда.

Фирма, в которой он когда-то работал и сотрудников которой когда-то вывозили на показательную казнь Артема, давно прекратила свое существование. Спустя полгода после казни босс и его охранники погибли в какой-то разборке. Милиция тогда опечатала офис, и многие сотрудники даже лишились некоторых личных вещей. Исключительно все были устроены на фирме "в черную", и поэтому люди попросту побоялись заявлять о себе.

Несколько месяцев дядя Миша искал работу, где-то перебивался, но все это были временные приработки. Наконец он нашел какого-то заезжего торговца, который и поставил его за этот прилавок.

Целыми днями в любую погоду дядя Миша простаивал на оживленном перекрестке, продавая завезенные откуда-то фрукты. За долгие месяцы он успел выучить всех прохожих, проходящих через перекресток. В основном это

были одни и те же люди, и глаз безошибочно угадывал новых людей. Как-то дядя Миша попробовал в таких случаях хитрить, немного завышая новичкам цены. Вообще-то, он не сам до этого додумался - сбил его с толку один прежний сослуживец. Дядя Миша по простоте своей стариковской поддался, однако, после первой же такой продажи ощутил столь мерзкое чувство, что тут же прекратил все попытки устроить "свой маленький бизнес".

Некоторые из постоянных прохожих - те, кто утрами спешил мимо этого перекрестка на работу, а вечерами возвращался домой, узнавали его и иной раз на бегу кивали ему. Дядя Миша живо откликался, но и не огорчался, когда кто-либо из них по какой-либо причине забывал поздороваться.

"Люди здесь проходят занятые, - думал дядя Миша. - У них важный бизнес, мало ли кто встречается им на перекрестке. Всех не заметишь, когда голова занята серьезными мыслями".

А однажды один из новых прохожих особо заинтересовал дядю Мишу. Ничего необычного в этом прохожем не было, но дядю Мишу привлекла его схожесть с Артемкой.

В первый миг у дяди Миши даже екнуло сердце, когда он бросил на нового прохожего короткий взгляд. Человек шел очень быстро и в тот момент, когда дядя Миша вновь посмотрел на него, уже скрылся в толпе.

Дядя Миша даже приподнялся от удивления на цыпочки, но через минуту он снова был занят своим делом, изумляясь про себя удивительной схожести нового незнакомца с почти позабытым парнишкой. Однако сердце его при этом

учащенно забилося. Тяжелые воспоминания словно подняли в его душе мутную тину.

Вот и сейчас, когда дядя Миша отнес в коридор починенную туфлю и вспомнил о работе, у него всплыл в памяти этот незнакомец. Сердце неприятно защемило. Ему вспомнилось чувство безысходности, когда он стоял среди сотрудников фирмы на краю хлебного поля и ничем не мог помочь Артемке. Вспомнилось, как парнишка, согнувшись от боли, падал лицом вниз.

"Эх, Артемка-Артемка! - снова думалось ему. - Самая малость требовалась, чтобы остаться живым, - прогнуться и промолчать..."

С этими нелегкими мыслями дядя Миша улегся в тот вечер спать.

III

Наутро, стоя у прилавка, дядя Миша уже не вспоминал об Артемке, привычно поглядывая на озабоченные лица прохожих и угадывая возможных покупателей. Все шло как обычно. Несколько человек, проходя мимо, кивнули ему, один из прохожих покрутился у его прилавка, пощупав пару персиков. Две женщины случайно остановились у прилавка поговорить и долгое время загораживали собой товар. Дважды, окидывая взглядом фрукты, прошел мимо прилавка местный участковый. День дяди Миши начинался словно по многократно проигранному сценарию.

Но вдруг сердце дяди Миши екнуло от неожиданности. Человек, похожий на Артемку, снова появился среди

прохожих. Дядя Миша на этот раз уже не отводил от него взгляда. Буквально впившись в незнакомца глазами, дядя Миша пристально изучал его. И чем дольше он это делал, тем сильнее и сильнее все в нем холодело. Он обнаруживал все больше и больше сходства незнакомца с Артемкой.

На этот раз незнакомец шел медленно, осматриваясь по сторонам. Неожиданно его взгляд встретился со взглядом дяди Миши и... остановился на нем.

Артемка!!! - в душе у дяди Миши все окаменело.

Незнакомец замедлил ход. Мягкая радостная улыбка засветилась на его лице. Он задумчиво, но каким-то отсутствующим взглядом посмотрел на дядю Мишу и вдруг, развернувшись, пошел прочь.

Дядя Миша остолбенел от неожиданности.

Это был точно Артемка! Незнакомец ведь явно узнал его.

Дядя Миша двинулся было вслед за уходящим незнакомцем, но ноги вдруг будто одеревенели. Дядя Миша с ужасом обнаружил, что с трудом шевелит мышцами своего тела.

Почти минуту он простоял на месте, и только тогда, когда Артемка окончательно затерялся в толпе, дядю Мишу словно отпустило. Не помня себя, он бросился вдогонку за уходящим Артемкой, но того уже нигде не было. Дядя Миша добежал до следующего перекрестка. Артемка исчез. Дядя Миша еще немного покрутился на месте и, сникнув, поплелся назад.

Но это же невозможно! Артемка погиб на его глазах. Его тело случайно обнаружили деревенские мальчишки. Об этом тогда написали все местные газеты. А через полгода, когда после гибели босса следствие восстановило полную картину произошедшего, пресса вспомнила об этом вновь. Фотография Артемки попала на первые полосы газет.

Артемка погиб, в этом не было никакого сомнения. Чудо ошибки и исцеления просто исключено. Тогда кто же этот незнакомец?

"Артемка-Артемка-Артемка... - крутилось в голове у дяди Миши, - Нет-нет! - отвечал он сам себе, - Этого не может быть!"

Вечером дядя Миша рассказал обо всем соседу.

Дядя Миша занимал комнату в двухкомнатной квартире. Во второй комнате жила семья - мужчина, женщина и их взрослеющий сын.

Когда-то у дяди Миши была своя квартира, но после того, как он долгое время побыл безработным и у него кончились последние копейки, он продал квартиру и купил эту комнату. Таким образом он приобрел не только комнату, но и соседа, с которым практически каждый вечер сживал на кухне за бутылкой пива.

Сосед выслушал его и, пожав плечами, спросил:

- Ты пил накануне?

Дядя Миша слегка оторопел.

- Только пиво! - сказал он недовольно. - Ты на что, Никола, намекаешь!?

- Не намекаю, а констатирую, - сосед его, также растерявший все в своей жизни, когда-то был младшим научным сотрудником. Сейчас по внешнему виду соседа трудно было предположить такое, и лишь замысловатый язык, которым тот выражался, мог выдать его ученое прошлое.

- У тебя же налицо характерные признаки алкоголизма, - сказал сосед. - Пивного алкоголизма, - уточнил он.

- Да я ж не пью...

- Ну-ну! Свежо предание...

- Да только пиво!

- Но систематически. Для появления чертиков этого достаточно.

- Да пошел ты! - выругался дядя Миша.

- Уже пришел! - отреагировал сосед. - Я, думаешь, сам не алкоголик?... Тоже алкаш!

Сосед криво усмехнулся. Дядя Миша удивленно посмотрел на него.

- Алкаш-алкаш! - нахмурившись, кивнул сосед. - Уж я-то симптомы знаю.

- Ты что говоришь: Артемка мне привиделся, что ли? - спросил дядя Миша.

Сосед усмехнулся и промолчал.

- Но он же признал меня!

- Вот именно то, что он узнал тебя, и означает, что он тебе привиделся. Дальше узнавать тебя начнут... эти самые...

- Кто?

- Ну эти...! Как их?... Чертики!

- Да пошел ты! - вновь выругался дядя Миша.

Он встал и, махнув рукой, направился в свою комнату.

"Алкоголизм! - недовольно думал дядя Миша. - Какой такой алкоголизм?!"

На следующий день дядя Миша был неспокоен. Он не просто окидывал обычным взглядом прохожих, а высматривал. Против своей воли он выискивал в толпе незнакомца, похожего на Артемку.

День был непривычно жарким, однако протекал он, как обычно. Как обычно, дяде Мише кивали, как обычно, подходили и щупали товар, как обычно, сустились у прилавка. Постепенно дядя Миша успокоился и стал прикидывать ожидаемую сумму дневной выручки. Но вдруг он вскрикнул от неожиданности. Прямо перед ним стоял Артемка и смотрел ему в глаза.

Ящики с фруктами повалились на землю. Вместе с ними упал назад и дядя Миша.

Сидя на земле, он с испугом смотрел на незнакомца.

Нет, это ему не чудится. Артемка смотрел на него, явно удивляясь его реакции.

- Дядя Миша! - вдруг тихо, но внятно проговорил Артемка.

Его голос еще больше напугал дядю Мишу. Он произвольно пополз назад.

- Дядя Миша! - изумленно проговорил незнакомец. - Неужели вы не узнали меня? Это же я, Артем!

Мир поплыл перед глазами дяди Миши, и он повалился в темноту...

IV

Когда дядя Миша открыл глаза, он обнаружил себя в кровати в своей комнате. Рядом сидели сосед с соседкой.

Соседка убрала с его лба влажное полотенце.

Сосед усмехнулся.

- Придется тебе день отлежаться, - сказал он. - Голодный обморок.

Соседка мягко улыбнулась.

- Что ж вы ничего не рассказывали? - спросила она. - Я вот суп вам наварила.

- Дай-дай ему горяченького! - проговорил ее муж. - Он, оказывается, только пивом все эти дни и питался.

Дядя Миша приподнялся на локти. Тело ощущало слабость. В голове вихрем пролетели последние мгновения перед обмороком.

- А где...? - спросил он. - Ар...

У него перехватило дыхание.

Сосед снова усмехнулся.

- Твой приятель, - сказал он, - еще круче меня оказался. Мне до всякого доводилось напиваться, но чтобы говорить, что вы мне сейчас снится, - такого со мной не бывало.

Артем хмуро брел по улице.

Точнее говоря, он нигде не брел. Ему снилось, что он идет по улице. По очень странной улице. Она была как будто очень знакома и... совсем не узнаваема. Вообще, странные сны ему стали сниться в последнее время. Вот уже дважды ему снился дядя Миша. Первый раз это было вчера. Ему приснился дядя Миша, торгующий фруктами. В первый момент Артем даже испытал приятное теплое чувство. Ведь дядя Миша уже давно сильно болен и очень редко встает с постели. Однако, как такое часто случается во сне, через некоторое время ему увиделось, что никаких фруктов нет, как нет и дяди Миши. Перед ним был просто перекресток. Сегодня дядя Миша приснился вновь. Он опять стоял за прилавком с фруктами. На этот раз Артем постарался не терять его из виду, он подошел к нему, но тут начались странные вещи. Дядя Миша отчего-то сильно его испугался. Он упал, потеряв сознание. Вокруг него случилась суматоха, забегали люди, появилась Скорая помощь. И произошла абсурдная вещь: врач Скорой отказался везти дядю Мишу в больницу. "За бесплатно, -

сказал он, - я вам только голодный обморок запишу". В общем, приснилась какая-то ахинея!

Странный, очень странный сон. Каждую ночь он возобновлялся, подобно долгому многосерийному фильму. Погрузившись в этот сон, из него не удавалось выйти. Могли меняться люди, картины, но он постоянно видел себя в каком-то странном городе. Точнее сказать, он видел свой родной город, который был каким-то необычным и почти неузнаваемым. Станным было и то, что все в этом сне выглядело очень реальным - и улица, и люди, и даже невыносимая жара. Все было настолько ясным и четким, что в некоторые моменты к Артему даже приходили сомнения - сон ли он видит.

Сегодня ему опять снился жаркий день и практически пустые улицы. Он брел по пустым тротуарам среди пустых домов. Из головы все еще не выходил эпизод с потерявшим сознание дядей Мишей. Это была еще одна странная особенность сна. У него могли всплывать в памяти разные картины и даже эпизоды, при этом общая канва сновидения не терялась, чего никогда не бывает в обычном сне. Артем шел, а у него перед глазами стоял перепуганный взгляд дяди Миши и падающие ящики с фруктами.

Вдруг что-то остановило Артема на месте. Он отвлекся от своих мыслей и увидел лежащие поперек тротуара бревна. Тут же была груда ветвей с зелеными листьями. Они лежали в полном беспорядке, преграждая ему дорогу. В нос ударил запах свежераспиленного дерева.

Перед ним лежало то, что еще несколько минут назад было большим тополем. Рядом стояло еще одно такое же

дерево. Похоже, что оно тоже было обречено - на нем в разных местах были сделаны надпилы. Вокруг никого не было. Жаркая улица была совершенно пуста.

Артему стало жалко дерева. Он погладил шершавый ствол стоящего тополя и вздрогнул от неожиданности. Бугристая кора очень явственно ощутилась его ладонью. В его сознании снова колыхнулись сомнения, сон ли ему снится. И тут одна мысль пришла ему в голову.

"Сейчас я проверю, - подумал он, - сон я вижу или явь. Если это сон, то пусть дерево исчезнет! Зачем ему гибнуть под пилой?"

Вслед за его мыслями толстый ствол дерева начал медленно растворяться в воздухе, его листочки стали полупрозрачными, и лучи солнца начали пробиваться на асфальт.

Рука Артема, лежащая на коре дерева, мягко провалилась в пустоту. Он улыбнулся. Ему понравилось играть своим воображением. Еще несколько мгновений, и тополь полностью растворился.

Артем отступил на шаг назад, глядя на пустое место.

"Вот так! Все-таки я сплю".

Он еще недолго постоял на месте.

"Надо бы идти домой просыпаться. Жарко тут".

"А куда домой!? - тут же усмехнулся своим мыслям Артем. - Знать бы отсюда дорогу туда".

И он, повернувшись, пошел в неопределенном направлении...

Спустя несколько минут у распиленного дерева озадаченно стояли несколько человек в робах. В руках у одного из них была бензопила. Они подрядились спилить два тополя. Один спилить успели и отлучились на несколько минут в магазинчик, находящийся поблизости. Когда вернулись, другого дерева не было... - просто не было! Не осталось даже следа. Будто и не стояло оно здесь. На его месте росла пожухшая на горячем солнце трава.

Один из работников присел на корточки и пощупал землю, откуда несколько минут назад рос большой тополь.

- Бред какой-то, бригадир, - сказал он. - А здесь точно было дерево?

Тот, кого называли бригадиром, неопределенно мотнул головой.

Остальные тупо смотрели на примятую траву.

Из магазинчика вышел толстяк.

- Ну что встали?! - крикнул он издалека. - Оба тополя спилили? Загружайте в машину бревна, убирайте мусор и идите получайте деньги.

Бригадир перевел на него пустой взгляд.

- За два тополя? - протянул он.

- А за сколько? Не за три же! Тут только два было.

- Два? - бригадир снова посмотрел на траву.

- Мужики! - говорил он через час своей бригаде, когда они направлялись за расчетом. - Запомните, мы спилили два тополя! Два! Ясно? Два тополя!

- А как же? - начал было возражать один из них.

- А никак! - оборвал бригадир. - Кто будет говорить, что пилил только один тополь, тому заплачу, как за один. Бригада же получит за два тополя. Ясно?! С остальным пусть сам хозяин разбирается, сколько у него их тут росло.

- Но ведь был же тополь и исчез... будто не было. Это же бред какой-то... колдовство!

- Забудь! Деньги получим и сваливаем. Бред - не бред - это уже нас не касается, мы свою часть договора выполнили: двух тополей нет. И, вообще, лучше приткнись! Нынче, кто больше задает вопросов, тот меньше имеет.

И бригада замолкла.

Боязливо оглядываясь и втянув головы в плечи, шабашники, будто крадучись, просеменили в магазинчик. Так они и вошли в него, один за другим, озираясь по сторонам. Спустя некоторое время из двери магазина выглянул бригадир. Он с опаской посмотрел на то место, где стояли тополя, и бочком вышел на улицу. Так, не отрывая взгляда от места своей работы, он засеменил, почти пятась, в противоположную сторону. Точно так же следом вышли другие члены его бригады. Все они поспешили скрыться за ближайшим поворотом улицы.

Если бы кто-нибудь увидел их в эти минуты, он подумал бы, что эти люди совершили какое-то преступление. Но смотреть на них в эту минуту было некому. Стояла невыносимая жара, и улица была совершенно пуста.

К вечеру в городе разразилась сильная гроза. Немногие очевидцы наблюдали странное явление - в небе полыхнула молния лилового цвета...

V

Поздно вечером к дяде Мише в комнату заглянул сосед.

Он нетвердым шагом подошел к столу и, оглядываясь на дремлющего дядю Мишу, протянул руку к пустой тарелке.

Дядя Миша открыл глаза.

- Вот, - проговорил сосед, - пришел забрать. Как ты?

Дядя Миша хотел было ему ответить, но смог лишь чуть-чуть приоткрыть рот. Тело было непослушно.

- Ох ты! - тихо воскликнул сосед. - Да ты совсем плох!

Он снял с его лба полотенце и, намочив его в стоящем рядом тазике, снова накрыл им лоб.

- Здорово ж тебя свалило! - проговорил сосед. - И, главное, лечить не на что. Здоровье в наше время перестало быть бесплатным.

Он присел на табуретку рядом с кроватью.

- Питаться тебе получше надо, - сказал сосед. - Витамины нужны. Истошил ты себя.

- Ну погоди! - продолжил он после некоторого молчания.
- Придумаем что-нибудь. Завтра с утра сбегая кое-куда.

Сосед снова замолчал.

Некоторое время он просидел рядом с кроватью, о чем-то задумавшись.

- Ты почему один? - спросил он, наконец. - Женат был когда-нибудь?

Дядя Миша снова смог только приоткрыть рот.

- Молчи-молчи! - сказал сосед. - Извини, запамятовал. Говорил ты уже... говорил.

- Однако, вот ведь, казалось бы, - сказал он после недолгого молчания, - семейное дело. Оно, как бы, хлопотное. Одному, как бы, и вольготнее... а вот такого казуса не приключилось бы. Жена бы голодного обморока не допустила. Взять вот тебя. Разве она позволила бы тебе одним только пивом питаться? Тем же деньгам она своим женским умом лучшее применение бы нашла. Мужик ведь в еде ничего не понимает.

- Ты посмотри, - продолжил сосед, - сколько баб одиноких! Они ж как без мужиков томятся. Вот ведь какая интересная природа у них. Они без семьи не чувствуют себя полноценными. Мужiku этого не понять. Каждой нужен очаг, каждой, чтобы выйти в свет, нужна свита из детей и мужа. Это у них вроде наших рангов и чинов. Иная только для того, чтобы такой ранг иметь, готова на своих плечах тащить и очаг, и мужа, будь он даже самым последним негодяем. Они будто застыли в том времени, когда на земле матриархат был. И они эти законы матриархата до сих пор

блюдут. Времена меняются, а их матриархат как был, так и живет. Он не замечает никакого общественного прогресса. И в этом есть свой глубокий смысл. Семья - ячейка. Это не пустые слова, а сохранить эту ячейку сможет только баба. А для этого баба должна считать семью своей, должна видеть в ней свою цитадель, должна видеть в ней смысл своего бабьего жития. Мы только думаем, что семья у нас развивается, стала другой. Но как бы мы ее ни классифицируем... в общем, как бы мы ее ни называли, чтобы общество не развалилось, семья в бабьих глазах должна всегда оставаться матриархальной. Бабы меж собой должны выстраивать свои матриархальные ранги и чины, должны козырять друг перед другом своими свитами. Они испокон веков живут своей собственной, бабьей цивилизацией. У нас на Земле их, как бы, две - эти цивилизации. Одна мужская - с государствами, политикой, войнами, другая - женская - с их допотопным домашним очагом и свитами. Мы живем во времени и истории, они времени и истории не ведают. Они будто не из нашей Вселенной, будто из иной Материи, которая просто не измеряется временем. У них и строй мысли другой - прямо как у каких-то инопланетян. Ты вникни как-нибудь в их разговоры. Для мужика - это пустота, но в них глубокая житейская и только бабам понятная философия. Глупыми (на наш мужской взгляд) бабьими сплетнями скрепляются наши домашние очаги. Мы - мужики - вкладываем себя в прогресс, науку, общество, а они - бабы - в то, чтобы сберечь нашу человеческую породу. Они оберегают нас самих от нас же самих - от нашего прогресса. Они словно ниспосланы нашей Вселенной, чтоб уберечь ее...

Сосед замолк и долгим взглядом посмотрел в окно.

- Или, может... это мы, - сказал он, - не из нашей Вселенной?

На улице сгушались сумерки.

- В общем, резьюми... рез.миру... то есть, подведя итог всему вышесказанному, - резюмировал сосед, - скажу одно, когда поправишься, найди себе какую-нибудь одинокую бабенку.

Дядя Миша повернулся к окну. На небе собирались тучи. Временами они слабо подсвечивались редкими далекими всполохами надвигающейся грозы. В голове пронеслись воспоминания о жене и дочери, о... потемневших от времени могилках - одной большой, другой маленькой...

Глаза подернулись влажной пеленой.

Темнота медленно растворилась, и мягкие сновидения заполонили сознание. Сквозь их нестройный ряд вдруг будто пробился знакомый голос. Будто где-то рядом, прямо за дверью, в коридоре, прозвучал легкий голосок дочери. Хотя нет, все это будто происходило не здесь, а в той - его прежней - квартире...

Да! Он, в самом деле, сейчас был там, и это его дочурка смеялась своим звонким колокольчиком. Мама собирала ее в пионерлагерь...

...За дверью, в коридоре, слышался легкий голосок дочери. Она смеялась звонким колокольчиком. Мама собирала ее в пионерлагерь. Ласковое утреннее солнце уже давно гостило в комнате.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошла почти взрослая рыжая девчушка. Ее лицо сияло радостной улыбкой.

- Папочка! - воскликнула она. - Просыпайся скорее! Я не могу уехать в лагерь, не попрощавшись с тобой.

Дядя Миша повернул голову в кровати и, не поднимая ее от подушки, удивленно пробежался глазами по стенам своей прежней комнаты. Так же удивленно он перевел свой взгляд на дочь.

- Юля! - тихо произнес он.

Слова застряли в его горле. Он не мог больше говорить.

Неужели все, что он видел, было всего лишь сном? Перед глазами проплыли темная комната, сосед и две могилки - одна большая, другая маленькая.

- Папочка! - снова воскликнула дочь, вмиг оказавшись рядом. - До сви-да-ни-я!

И она поцеловала лежащего отца в щеку.

- Юля! - снова сказал дядя Миша, приложив пальцы, почему-то грубые и непослушные, к тому месту на щеке, которое только что поцеловала девочка. - Неужели все это было сном?

- Ты о чем? - с сияющей улыбкой на лице спросила дочь.

Дядя Миша смешался.

- Да так! - сказал он. - Ни о чем.

- Ты, папочка, очень долго болел и сейчас идешь на поправку. Теперь тебе, папочка, должны сниться очень хорошие сны.

- Езжай, дочка! - сказал, немного помолчав, дядя Миша. Пальцы еще удерживали на щеке тепло губ девочки. Он смотрел на дочь, на ее лицо, которое все называли папиным, и не мог наглядеться на него. На глаза навернулись слезы.

- Ну и чудно! - прозвенел голосок дочери. - Спи дальше, а я поехала.

Она достала откуда-то цветок и поставила его в баночку, стоящую на столе рядом с кроватью.

- Вот тебе очаровашка розочка! - сказала она. - Пусть она радует тебя... И наяву, и во сне... А воду мне наливать некогда. Мне уже надо бежать. Поезд, папочка, ждать не будет. Его очень-очень ждут другие люди. Я попрошу налить воды мамочку...

Дядя Миша закрыл глаза.

Как хорошо, что *все то* было всего лишь сном!

- Сон! - тихо сказал он.

- Ты про что? - вдруг раздался хриплый мужской голос.

Дядя Миша резко открыл глаза.

Перед кроватью в темной комнате сидел сосед.

Мир обрушился на дядю Мишу.

Горький комок подкатился к горлу. Он отвел взгляд к стенке.

Сосед, пожав плечами, встал с табуретки. Взгляд его упал на стол, стоящий возле кровати. Там в пустой банке стояла роза.

"Странно! - подумал сосед. - Здесь же только что ничего не было!"

"Или было?" - спросил он, сомневаясь, сам себя.

"А если было, то откуда?" - спросил он себя уже за дверью комнаты. Однако над ответом на этот вопрос он задумываться не стал.

...Спустя некоторое время дядя Миша уже спал. В его комнату тихо вошла соседка. Она принесла старую вазочку с ранетками и помидоркой. Увидев на столе банку с розой, она отнесла ее на кухню и, наполнив водой, вернула на место.

За окном вовсю бушевала гроза. Женщина обернулась к окну и на какое-то время замерла на месте, задумчиво глядя на непрерывные дождевые потоки. Частые всполохи ярких молний то и дело разрывали сгустившуюся темноту. Одна из полыхнувших молний вдруг показалась женщине какой-то странной. Она была необычного лилового цвета...

VI

Разразившаяся над городом гроза была на редкость сильной. В этот день обильный дождь сопровождался бешеным ветром - именно бешеным, его нельзя было назвать очень сильным, он был скачущим и резким. Его порывы налетали, казалось, отовсюду. Гигантскими

пригоршнями они расшвыривали льющуюся с небес воду, и высокие деревья, словно уклоняясь от них, метались из стороны в сторону. Улицы наполнились текущими отовсюду бурлящими реками. Гонимые порывистым и беспорядочным ветром они могли резко менять направление, устремляясь то в одну, то в другую сторону, и редкие прохожие отваживались преодолевать поглотивший городские улицы хаос. На город надвигалась ночь, и его улицы были пусты.

Полыхнувшая в сумеречном хаосе лиловая молния заставила Артема непроизвольно вздрогнуть. Он всмотрелся в то место, где она сверкнула.

...Артему снилась сильная гроза. Точнее говоря, в его странный сон, который длился так долго и который никак не мог прерваться, ворвалась гроза. Теперь он будто переживал ее в беседке, запрятанной в глубине большого городского парка. Скачущий ветер, полыхающие молнии и бросаемые с небес пригоршни воды иногда напоминали ему бури на Солнце. Ему будто виделись шквальные порывы бушующей плазмы, несущиеся над головой всполохи протуберанцев. Он всматривался в них, но тут же различал, что это темные кроны деревьев напоминали мечущуюся из стороны в сторону плазму, а языками протуберанцев казались быстро движущиеся по небу низкие тучи. Да, конечно, земным бурям ой как далеко до солнечных, однако что-то неуловимое их объединяло. Может быть, это была слепота, с какой проявляла себя стихия, может, размашистость, разгул и грозность. Однако и во сне Артем оставался самим собой. А точнее сказать, самим собой и Даром одновременно. А Дар не мог просто

так, ничего не делая, наблюдать за стихией. Даже в солнечном хаосе он выискивал свой порядок. Сейчас он наверняка стал бы подсчитывать ритм, с которым появлялись молнии, или делать еще что-нибудь вроде этого. Артем грустно улыбнулся, вспомнив ту всеядную любознательность своего далекого солнечного двойника, когда вдруг обнаружил, что подспудно отслеживает появление молний. Каково же было его изумление, когда спустя некоторое время он действительно заметил в грозовом хаосе какую-то упорядоченность. Он, действительно, обнаружил какой-то странный ритм, с которым возникали вспышки. Молнии делились на те, которые били из небес в землю, и на те, которые сверкали меж облаками. Каждый удар в землю предварялся двумя-тремя межоблачными всполохами, причем, молнии появлялись примерно в одних и тех же участках неба. Сначала сверкала молния где-то высоко за облаками. Ее самое даже не было видно. Только отсветы в облаках выдавали ее. Затем, примерно в одних и тех же местах, проскакивали огненные зигзаги меж облаками. И, наконец, молнии били в землю. Причем появлялись они тоже примерно в одних и тех же местах: вначале одна из них сверкала где-то за скрывающимся в сумерках концом аллеи, а затем в землю ударял второй разряд чуть поодаль и правее от первого. После этого происходила серия вспышек за спиной у Артема - с противоположной стороны беседки. Спустя некоторое время вся эта последовательность повторялась. Будто откуда-то высоко с небес спускался на землю неведомый огненный десант. Артем даже стал предугадывать появление всполохов в разных участках неба и практически не ошибался, когда в

ожидании очередной молнии обращал свой взор в какое-нибудь определенное место...

Однако, вскоре Артем обнаружил, что с какого-то момента следит за стихией чисто машинально, а где-то в глубине души разгорается огонек неясного тревожного чувства. Где-то в глубине думалось совершенно о другом.

Ему думалось о дяде Мише. Ему вспоминалось, как тот перепугано смотрел на него, как неожиданно повалился в обморок.

В голове снова и снова прокручивалась эта сцена.

Зайти бы к дяде Мише, - подумалось Артему. Тяжелый комок давил на сердце. - Ведь дядя Миша очень болен, редко встает с постели. Вообще, к чему это все приснилось? Неспроста, наверное...

Артем встряхнулся. Он же никогда не верил в сновидения!

Впрочем, нет! - смешался тут же Артем. - Однажды он поверил в сон, очень странный и невероятный сон. И верит в него до сих пор.

Неясная тревога, тлевшая в глубине души, постепенно нарастала.

Но ведь в тот раз было совершенно не то!

Артем грустно смотрел перед собой.

А сейчас то? Сейчас с ним опять случился какой-то невероятный сон. Ему снова приснился сон, очень сильно напоминающий реальность.

Впрочем, - Артем посмотрел невидящим взглядом на метущиеся кроны деревьев, - с некоторых пор он и так живет словно в какой-то дымке, словно в новом непрекращающемся сновидении. Он будто и не живет настоящему. Не оттого ли ему приснилось сегодня, что дядя Миша смотрел на него так, как могут смотреть только на призрак?

Призрак!

Меж облаками сверкнула молния. Артем машинально перевел взгляд в конец темной аллеи. Там сейчас должна была появиться следующая.

Да, дядя Миша смотрел на него, именно как на призрак. А ведь он, Артем, и вправду, однажды уже умирал.

В голове Артема всплыли новые воспоминания. Однажды он уже умирал...

...Артем тогда стоял на краю огромного золотистого хлебного поля и смотрел прямо на солнечный диск. В те минуты он расставался с этим миром. Прямо перед ним находились люди, которые должны были подвести черту его жизни. Однако в душе не ощущалось горечи. Ему думалось о странной рукописи, найденной в его рабочем столе. Он смотрел на далекое солнце, и ему неожиданно пригрезилась далекая солнечная лайкуна, увиделись парящие в ней квоцы, увиделся золотистый солнечный мир. Ему было легко, очень легко. Мысленно он уже унесся туда - в золотистую высь, он даже не слышал, как клацнули передергиваемые затворы автоматов. По всему телу начало растекаться легкое дубящее покалывание, и вдруг...

- Дар!!! - будто откуда-то из небытия ворвался резкий крик. Будто кто-то одним коротким взмахом вспорол пространство. Все мысли и грезы Артема в тот же миг словно опрокинулись. Он вздрогнул и, оторвав взгляд от солнечного диска, удивленно перевел его на стоящих у хлебного поля людей...

...Лиловая молния, полыхнувшая совсем рядом, прервала его воспоминания. Машинально повернувшись в ее сторону, Артем всмотрелся в наступившую после вспышки темноту.

Далекий всполох подсветил горизонт, оттенив ближайшие окрестности и сделав окружающий мир причудливым и фантастическим. Неожиданно Артем почувствовал, что нарастающая в нем тревога переросла в какое-то странное возбуждение. Его мышцы начали сводить едва ощутимые судороги. Тут же он понял, что слышит накативший раскат грома, именно понял, потому что неожиданно заметил, что перестала быть слышна барабанная дробь дождя, ее заглушил этот странный гром. Все клеточки его тела словно сжались в ожидании чего-то.

И вдруг он замер: недалеко от беседки, невысоко над землей, появился светящийся золотистый шар размером с баскетбольный мяч. Ярким расплывчатым пятном он начал медленно приближаться к Артему. Это была шаровая молния. Артем почувствовал, что все его мышцы будто одеревенели. До этого он никогда не встречался на земле с такими молниями. Шар двигался как-то очень странно. Он будто не замечал бушующей вокруг грозы. Артему вспомнилось, что как-то читал рассказы очевидцев, где те описывали поведение этих молний. Одним из их признаков

было то, что светящиеся шары могли двигаться совершенно несообразно с окружающей обстановкой, например, совершенно свободно даже против сильного ветра. Но ведь точно так же непредсказуемо двигались на Солнце квуоли, они так же могли пересекать мощнейшие солнечные вихри, словно не замечая их. Эти сопоставления привели Артема в сильное волнение. Ведь и охватившие сейчас его дубящие ощущения в свою очередь были очень похожи на те, которые возникали у него (вернее, у Дара) на Солнце при выходе из грависилового анабиоза.

Артем мотнул головой. Золотистый шар остановился. Артем стал всматриваться в него и вдруг увидел на поверхности шара едва заметные золотисто-лиловые струйки. Они бегали по нему, как бегали точно такие же струйки по любому телу на Солнце. Неожиданно шар знакомо качнулся.

Артем вздрогнул - "Квуоль??!"

Послышался негромкий и, опять же, очень знакомый треск.

Артем словно окаменел.

Перед ним в воздухе висела квуоль... именно квуоль!!! Почему-то Артем нисколько не сомневался в этом.

Квуоль...здесь... на Земле!!!.

И вдруг рядом с шаром ему почудилась девушка. Это было какое-то зыбкое ускользающее видение. Ее силуэт просто угадывался, исчезая при прямом взгляде на него. Девушка будто держала этот шар на своих ладонях. Артем напрягся, всматриваясь в видение...

Юнна?!!!.

Ему в голову пришла сейчас именно Юнна.

Он резко дернулся вперед, однако тут же с изумлением обнаружил, что ни одна мышца его тела не шевельнулась. Его тело будто было чужим, продолжая оставаться на месте. Он попробовал двинуться еще раз, но у него опять ничего не получилось.

Шар медленно поплыл по воздуху прочь. Образ девушки исчез. Медленно покачиваясь, шар долго удалялся вдоль аллеи, пока, наконец, не растворился в воздухе так же плавно и незаметно, как и появился. Вслед за этим вернулся в свои очертания и окружающий мир. Аллея приросла силуэтами сумеречного парка. С мышц спало оцепенение...

Все еще находясь в мистическом полутумане, Артем медленно опустился на колени.

Это знак!

Он неотрывно смотрел вслед скрывшейся квуоли.

Нет, он не был набожным человеком, но в данную минуту он был уверен, что это именно знак - знак, ниспосланный далеким всемогущим божеством - всемогущим великим Солнцем. Этот огненный посланец явился сюда, чтобы положить конец его долгим мучениям - мучениям, связанным с безнадежными поисками человека, утерянного в неведомом призрачном мире.

Юнна!

Глядя вдоль длинной пустынной аллеи, в которой скрылась квуоль, он вспоминал Юнну! Квуоль явилась к нему, чтобы приблизить развязку...

Юнна!

Неужели спустя столько лет?

Артем смотрел невидящим взглядом в густые сумерки.

Ведь прошли уже годы... Боль со временем начала угасать. Год за годом образ Юнны вспоминался все расплывчатее и туманней. Артем уже не так часто грезил своей златовласой богиней и почти отошел от той далекой неведомой жизни, которая однажды привиделась ему во сне. Его боль затупилась, превратившись в вязкую, обволакивающую и почти не замечаемую плену.

И вот квуоль... Она словно резанула эту затянувшуюся массу.

Юнна!

Неужели это ее вестник?

И в его сон снова ворвалось Солнце. Мечущиеся от шквального ветра верхушки деревьев налились золотистым свечением и превратились в рвущиеся языки пляшущей плазмы. Несущиеся по небу тучи обернулись обрывками далеких протуберанцев. Он вновь купался в солнечных вихрях, гулял в зыбком трубчатнике, взлетал на волнах клокочущего огня... Перед глазами вновь была Юнна... Она то появлялась, то исчезала. Ее зыбкий образ прятался в налетающих плазменных туманах. Временами она будто

сидела где-то рядом с ним. Точнее говоря, она сидела тут же, в его беседке, а сама беседка была окружена не шумящими темными деревьями, а бушующей ярко-желтой плазмой. Юнна виделась ему держащей на ладони небольшой золотистый шар. Ее золотистые глаза были обращены к шару, который переливался огненными змейками. Губы девушки слегка шевелились.

Артем сделал над собой некоторое усилие и постарался удержать ее образ рядом. И вот они уже сидят вместе в беседке, он неотрывно смотрит на нее, а она продолжает неслышно беседовать с шаром и не замечает сидящего рядом Артема.

- Квуша! - вдруг шепнула Юнна.

Артем от неожиданности вздрогнул. Он удивленно перевел взгляд с девушки на шар и обратно.

Да, она будто о чем-то перешептывалась с шаром, а тот на ее чуть слышимые шепотки отвечал слабым потрескиванием.

- Квуша! Квушенька! - звучало из уст девушки.

Неожиданно девушка замерла. Она будто почувствовала рядом с собой Артема. Притих и шар. Некоторое время они просидели молча, и вдруг Артем увидел, как Юнна слегка повернула в его сторону голову.

У Артема перехватило дыхание. На него смотрели ее потрясающие, уже начинающие стираться из памяти золотистые глаза. Впрочем, нет! Они не смотрели на него. Они как-то странно смотрели мимо него. Будто его не было рядом.

- Хочешь побеседовать с ним? - тихо проговорила она.

Артем машинально оглянулся, будто ища кого-то, кому могли быть обращены ее слова. Юнна улыбнулась.

- На, попробуй?

Она протянула к нему квуоль.

Артем непроизвольно отклонился назад, застыв в неловкой позе.

Юнна снова улыбнулась.

- И напрасно! - сказала она. - С ним стоит пообщаться. Квуша - просто прелесть какой чудесный собеседник.

Шар постепенно вдруг стал меняться. Его золотистые переливы начали набирать яркость, пока он весь не стал ослепительно ярким. Однако эта яркость не вызывала боли в глазах. Она обволокла собою все пространство, заполнив его ощущением мягкой теплоты и детского восторга, словно от какого-то неожиданного открытия.

Артем полностью погрузился в этот чистый, белый свет...

К утру дождь в городе закончился. Запрятанная в глубине городского парка одинокая беседка - та самая, мимо которой этой ночью пропутешествовала шаровая молния, была пуста. Редкие капли падали с ее крыши. Солнце восходило к зениту, но высокие, густые кроны деревьев, дающие плотную тень, и сырой воздух еще долго сохраняли в парке утреннюю прохладу.

Когда-то сотворенная рукой человека одинокая беседка теперь надолго забыла эти руки. Едва уловимые изгибы ее стоек, необычная зонтичная крыша и слегка скругленные спинки сидений выказывали, что она была построена не просто как укрытие от солнца и дождя. Незвестный художник вложил в нее маленькую частичку своего необычного мироощущения. Быть может, он творил ее в те минуты, когда был охвачен легкой эйфорией от окружающей его красоты, когда была настежь раскрыта его душа, или, быть может, когда он был просто влюблен. Беседка явилась на свет нежным цветком. Но прошли годы, где-то затерялся сотворивший ее художник, редкими стали ее посетители, потемнело дерево, сквозь щели в полу пробилась трава. Люди подзабыли ее. Видимо, с ними случилось что-то такое, что перестало их тянуть сюда. Может, взяли их в свой полон неизвестные заботы, может, по-иному они стали видеть мир, может, не различали в простой беседке слабый след далеких радостных волнений, которыми когда-то жила душа забытого всеми художника. И вот из нежного цветка беседка превратилась в простое укрытие от солнца и дождя. А зачем людям простое укрытие где-то в безлюдном парке? У них есть для этого дома. Одинокой беседке стало не хватать человека. И, может, поэтому слегка ожила и потеплела она, когда в глубине парка неожиданно показался силуэт. Какой-то человек двигался вдоль аллеи, медленно приближаясь к ней.

Далекий силуэт виделся зыбким и неустойчивым, напоминая собой мираж. Вскоре можно было разглядеть, что вдоль аллеи шел мужчина. Он двигался по дорожке медленной, усталой походкой. Спустя некоторое время

мужчина подошел к беседке. Он вошел под ее крышу и медленно опустился на скамейку. Рядом с собой он поставил маленький, обмотанный синей изолентой, явно самодельный радиоприемник.

VII

Сосед дяди Миши Никола с самого утра долго бродил по городу. В руках у него был маленький радиоприемник. Эту вещь, которую он однажды собрал собственными руками, сегодня он вынес на продажу.

Увы, непростым делом оказались публичные торги. Никола никогда до этого ничего не продавал. Он подходил к прохожим и, тыча радиоприемником, что-то невнятно и многосложно говорил. После такой презентации товар так и оставался в руках незадачливого торговца.

Устав от бесплодных усилий, а больше - от собственной бестолковости, Никола направился в ближайший парк в поисках какой-нибудь скамейки. Впрочем, понимая всю комичность ситуации, сам Никола отнюдь не был расположен воспринимать ее с юмором - он вернется домой без денег, а дяде Мише нужны лекарства. Приемник он вынес на продажу именно с этой целью.

Добравшись до одинокой беседки, Никола тяжело опустился на сидение. Голова шла кругом. Никола устало закрыл глаза. В последний момент ему показалось, что на скамейке рядом с ним кто-то сидит, однако Никола не стал открывать глаза. Ему уже все было безразлично. Даже если бы он действительно обнаружил сейчас кого-либо рядом, он не стал бы этому удивляться. У него уже не было сил удивляться.

"Деньги-деньги... - закрутились в его голове беспорядочные мысли, - Как их добыть - эти деньги?"

Мир сегодня знал только один законный способ их добычи - через продажу. Торговать можно всем: этим приемником, чужими товарами, своими способностями, святыми мощами и наркотиками... Весь мир теперь жил только торговлей. Еще не так давно Никола ходил за деньгами на работу. Собственно говоря, он даже не за ними туда ходил - он просто работал, а деньги были следствием его работы. Премияльные и повышения он получал, именно наращивая обороты своей работы. Деньги именно зарабатывались. Теперь действуют другие правила, теперь деньги "выручаются от продажи". Теперь оказалось, что работа сама является предметом продажи. Еще недавно она была неотъемлемой частью его самого, естественной, само собой разумеющейся частью его жизнебытия. А теперь оказывается, что жизнебытие - само по себе, а она - сама по себе. Она в этом мире - никто, приживалка. Мир изменился, вывернувшись какой-то нелепой изнанкой.

Никола продолжал сидеть с прикрытыми глазами.

Деньги-деньги... Он никак не ожидал, что не сможет быстро продать приемник. Схема была уникальной, в пределах земного шара и его окрестностей она ловила все что угодно и откуда угодно. Но, оказалось, это не то, что нужно "потребителям". Им нужен внешний вид, так называемый дизайн, которого просто "не было в наличии". Никому не нужно прослушивать далекие станции и ловить звуки радиомаяков, всем нужна только автоматическая настройка на десятку-другую музыкальных каналов и все! А торчащие отовсюду провода и обмотанный синей

изолентой корпус радиоприемника почему-то смущали покупателей больше всего. Эх, деньги-деньги... Выходит, что не равноценен этот приемник какой-то кучке денег, которые не ловят никакие радиоволны, ничего не рассказывают, не играют и не поют...

А рядом, действительно, кто-то сидел. До Николы наконец дошло, что он в беседке не один. Соседа не было слышно, однако непонятно почему от него будто тянуло зыбким дурманом сновидений. Словно откуда-то издалека звучал неясный зазывный шум.

Какое-то время Никола просидел с закрытыми глазами и, наконец, не без некоторого усилия открыл их. Он увидел рядом с собой незнакомого человека.

Борясь с отяжелевшими веками, Никола осмотрел соседа. Лет тридцати, высокий и немного худощавый, тот неотрывным задумчивым взглядом смотрел на радиоприемник. Его лицо показалось Николе знакомым. Слух продолжал улавливать слабый зазывный шум, который неясным образом был связан с этим незнакомцем.

Никола шевельнулся, однако незнакомец никак не прореагировал на его движение, продолжая неотрывно смотреть на приемник.

- Купить хотите? - после недолгой паузы неуверенно спросил Никола.

Незнакомец от его слов едва заметно вздрогнул и перевел свой взгляд на пол.

- Купите! - натянуто проговорил Никола.

- Ни к чему мне, - ответил, не глядя на него, незнакомец.

- Да не вам...! - Никола сник, опустив голову.

- Одному человеку... надо, - сказал он после некоторого молчания, - в общем, помочь...

Незнакомец поднял глаза и посмотрел на Николу. Затем он взглянул на приемник и, пошарив в карманах, достал деньги.

Николу охватила досада - в руках у незнакомца были советские рубли.

Он, нахмурился.

- Я же серьезно! - сказал он недовольно.

Незнакомец посмотрел на него с недоумением.

- И я не шучу, - сказал он.

- У вас же старые!

- Разве? - искренне удивился незнакомец.

Никола хмыкнул. Он скосил взгляд на купюры и с изумлением увидел на них две тысячи первый год. В первый момент у него даже что-то екнуло в груди.

- Во как! - тихо воскликнул он.

Незнакомец перехватил его изумленный взгляд и недоуменно посмотрел на свои деньги.

- Да ладно! - быстро оправившись от легкого шока, сказал Никола. - Знаю! Сейчас всякое в продаже можно встретить. Только мне сейчас не до шуток.

Незнакомец, пожав плечами, положил деньги обратно в карман.

Некоторое время они просидели молча.

"Фокус" с советскими деньгами, который сейчас показал незнакомец, вызвал у Николы странное чувство. После короткого шока на него навалилось неприятное тягостное ощущение пустоты. Маленькие рублевые бумажки, которые вообще-то уже начали подзабываться, на короткий миг вызволили из глубин его памяти ощущения спокойствия и надежности. Но уже в следующее мгновение, когда ему в голову пришла мысль о фокусе, эти забытые им ощущения будто ухнули в глубокую яму, оставив после себя непонятный и необъяснимый провал.

Никола глядел пустым взглядом прямо перед собой.

Да, вокруг него была пустота, угнетающая пустота. Он будто был в какой-то непонятной клетке. В ней не было стенок, но выбраться из нее не было никакой возможности. Все сегодняшние попытки продать радиоприемник, все его предыдущие усилия как-то устроиться с работой, одолеть подступающую со всех сторон нищету были какими-то безуспешными трепыханиями, тщетными биениями о невидимые прутья этой клетки. Но и там, за невидимыми стенками клетки, не ощущалось надежности. Весь мир будто растворился в тяжелой, сумрачной дымке. И ладно бы, если бы он один так бился, но вот в ту же клетку свалился и дядя Миша. Ослабленный организм дяди Миши тоже не выдержал пустых биений, и вот теперь Николе надо биться в тесной клетке с удвоенной силой - за двоих...

Далекий зазывный шум продолжал звучать в ушах Николы. Но сейчас он звучал почему-то яснее, отчетливее и оттого как-то по-особенному щемяще.

"Надо же, как маленькие бумажки разбередили душу!..."

- Сами собирали? - вдруг, кивнув на радиоприемник, прервал его мысли сосед.

- Сам! - буркнул Никола.

- В НИИ работаете?

Никола покосился на собеседника.

- Работал.

- А сейчас?

- У жены на шее.

Незнакомец удивленно посмотрел на Николу.

- Да не приучен я к коммерции! - резко выпалил Никола. Его уже порядком допекли разговоры о трудоустройстве бывших научных работников, и он всякий раз нервно срывался, когда ему казалось, что кто-то хочет прочитать ему на эту тему очередные поучения.

Незнакомец снова удивленно взглянул на него...

- ...Да не приучен я к коммерции! - резко выпалил незнакомец.

Артем удивленно взглянул на собеседника...

Да, это был опять он - Артем. Проснувшись сегодня утром после новых солнечных сновидений, он вновь, как это случилось с ним однажды много лет назад, не сразу пришел в себя. Его вновь, как и тогда, охватило тяжелое томление, и он долго сидел на кровати, погруженный в далекие воспоминания. Затем, будто в тумане, он долго бесцельно бродил по комнате, перебирая вещи, будто в тумане собрался и вышел из дому. Он направился в парк, точнее говоря, он никуда специально не направился, ноги сами собой повели его туда. Он будто знал, что где-то в его глубине есть одинокая беседка. И хотя он ни разу до этого не был здесь, он нисколько не удивился, когда, наконец, действительно увидел ее и оказался под ее крышей. Некоторое время он сидел на скамейке, ни о чем не думая, прикрыв глаза, будто вслушиваясь во что-то. Перед глазами долго стоял плывущий по воздуху золотистый шар и девушка - зыбкая, волнующаяся, неустойчивая.

Прошло немало времени, пока он, наконец, не открыл глаза. Грезы еще какое-то время продолжали стоять в его воображении, постепенно затуманиваясь и ускользая куда-то в небытие. Приходя в себя, Артем скользнул взглядом вокруг. Рядом он увидел человека, который точно так же, как он, дремал. Артем этому нисколько не удивился, ему только вдруг показалось, что этот человек ему кого-то напоминает, будто совсем недавно он с ним где-то встречался. Артем начал перебирать в памяти, где они могли видиться, и его взгляд замер, машинально остановившись на маленьком приемнике, который стоял на скамейке рядом с его соседом...

... "Не приучен к коммерции..." - Артем удивленно смотрел на собеседника. - При чем здесь коммерция?"

Некоторое время они опять просидели молча.

"Надо же, как маленькие бумажки разбередили душу!..." - снова вернулась к Николе его прерванная мысль. Он покосился на карман соседа.

- Можно посмотреть? - наконец, с напряжением произнес он.

Незнакомец вопросительно взглянул на него.

Никола кивнул на его карман.

Незнакомец, продолжая удивленно смотреть на него, достал красную десятирублевую бумажку.

Никола взял ее из его рук и стал внимательно рассматривать. На ней все было по-настоящему. Некоторые графические изображения - совершенно забытые - неожиданно всколыхнули в его душе воспоминания молодости.

- Да, настоящая она, не сомневайтесь! - услышал он голос соседа.

Никола еще раз скользнул взглядом по цифре "2001", однако сил возразить или хотя бы усмехнуться у него не было. Пальцы, держащие купюру, слегка подрагивали.

- Где вы ее взяли? - спросил он, протягивая десятку назад,
- Хорошо сделана.

- Что значит сделана? Вы мне, что, не верите?

- Да ладно вам! - сказал Никола, отклонившись на спинку сидения.

- Я же серьезно, - продолжил он, - мне человеку помочь надо, а вы шуткуете...

- Да и вообще, - снова заговорил он через некоторое время,
- разве можно шутить такими вещами?

- О чем вы?

- О чем... - Никола нахмурился. - Все эти майки с надписью "СССР", с гербом, эти деньги. Вам это все - приколы. А это... - Никола резко замолчал. Глаза его замерли на одном месте. - Это *страна* была...

Он снова замолчал.

- Вы просто представления не имеете, - сказал он, махнув рукой, - какую страну профукали...

- Бумажки, - сказал он через некоторое время, кивнув на карман соседа. - Это же не просто бумажки...

Он замолчал, словно подыскивая нужное слово.

- Это... - снова сказал он и опять замолчал. В его глазах будто сверкнула слезинка.

Наконец, он опять махнул рукой, что означало, что нужное слово он так и не нашел.

- О какой стране вы говорите? - услышал Никола тихий вопрос соседа.

Он взглянул на соседа. У того на лице было совершенно искреннее недоумение.

- Той, что была с такими деньгами, - со слабым раздражением буркнул Никола.

- Что значит была?

Никола опять пробежался взглядом по лицу соседа.

- Может, для кого-то ничего не изменилось, а мой сосед вчера свалился в голодном обмороке. Вот для него она была...

Никола неожиданно осекся. Его сосед смотрел на него округлившимися глазами.

- ...А мой сосед вчера свалился в голодном обмороке...

Артема словно обухом по голове ударило. Он наконец вспомнил, где он видел этого человека. Он видел его во сне. Это был тот самый приятель дяди Миши, который хлопотал сначала о Скорой помощи, а затем о том, чтобы доставить того домой. Но это же было во сне!...

Его вдруг осенила невероятная догадка.

- Квуоль... - пробормотал он. - Лиловая молния. Десант. Вы вчера не видели лиловую молнию?

- Какую?

- Ну, розовыми такими... с голубым... Неужели она мне не приснилась?... Молнии вчера... как десант...

Незнакомец досадливо крикнул, оглянувшись на выход из беседки, поднялся и, ссутулившись, направился к выходу.

- Пойдите! - неожиданно для самого себя Артем остановил его.

Незнакомец недоуменно оглянулся. На Артема опять смотрели потускневшие глаза незадачливого продавца радиоприемника. Что-то в этом взгляде кольнуло Артема. И тут ему вспомнилось, что этот взгляд он видел у этого человека в сегодняшнем сне, когда тот суеился около лежавшего дяди Миши. Артему запомнились эти потускневшие глаза. Артема тогда озадачила тупая молчаливая реакция этого человека на отказ врача Скорой увезти дядю Мишу. А еще больше Артема поразила стоявшая в глазах незнакомца совершенно непонятная боль - боль какой-то неодолимой безысходности.

"Надо помочь одному человеку" - вспомнились Артему слова этого незнакомца, сказанные им уже здесь, в беседке.

- Кому вы хотите помочь? - непроизвольно вырвалось у Артема. - Дяде Мише?!!!!

Все это - вихрь воспоминаний и брошенная фраза - пронеслось и прозвучало так быстро, что Артем даже не успел сообразить, что заставило его задать такой абсурдный вопрос.

Незнакомец в ответ пристально посмотрел ему в глаза. Более убедительного и более утвердительного ответа, чем этот взгляд, получить было невозможно.

- Но ведь это же был сон! - оторопело прошептал Артем.

Незнакомец, стрельнув в него нахмуренным взглядом, решительно выпрямился.

- Ну постойте! - еще раз крикнул Артем, останавливая двинувшегося было вперед незнакомца. - Это же был сон, в самом деле, сон! А вы в НИИ работаете, до сих пор работаете! - неожиданно для самого себя добавил он.

Незнакомец вздрогнул и снова удивленно посмотрел на него...

- ...Вы в НИИ работаете, до сих пор работаете! - сказал незнакомец.

Никола вздрогнул.

Незнакомец смотрел на него каким-то странным взглядом.

Когда этот человек сказал о лиловой молнии, Никола, наконец, вспомнил его. Это был тот самый приятель дяди Миши, который вчера бормотал, что все вокруг - это его сон. Теперь он снова услышал от него эти слова.

- Работал!... - как-то само собой вырвалось у Николы.

- Ра-бо-та-е-те...

Незнакомец сказал это по-детски просто и в то же время с такой очевидностью, что Никола растерялся еще сильнее. В нем колыхнулась какая-то странная неуверенность. Точнее сказать, какая-то двоякая уверенность, а еще точнее - какое-то странное двоякое самоощущение. С одной стороны, он был тем человеком, который сегодня продавал

радиоприемник, потому что у него не было денег, чтобы помочь дяде Мише, а с другой стороны, он был тем, кто и в самом деле никогда не прекращал свою работу в НИИ. Никола вдруг ощутил себя словно спящим. Ему, действительно, вдруг пришла в голову нелепая мысль, что, может, он и в самом деле никогда не прекращал свою работу, а все остальное, что случилось в его жизни, он сам же себе и надумал.

Нет, ну это же какой-то бред! Он словно на пару с этим незнакомцем был погружен в этот совместный бред, будто он тоже смотрел с ним сон - какой-то диковинный коллективный сон.

Он снова сел. Нет, не просто сел, а повалился на скамейку.

Откуда такие несуслазные мысли и ощущения!?

Голова пошла кругом. Ему почему-то вспомнились советские рубли, которые несколько минут назад доставал незнакомец, и от этого воспоминания по его спине пробежал холодок. Словно эти рубли безоговорочно подкрепляли слова незнакомца. Словно, и вправду, ничего никогда не менялось, и все всегда оставалось так, как всегда и было...

Далекий зазывный шум продолжал стоять в его ушах.

"Неужели, и вправду, ничего не менялось?!" - опять подумалось Николе. Однако тут же на него накатила какая-то новая волна, которая опрокинула его мысли.

"Но это... это же... такое невозможно!"

В голове воцарилась полная неразбериха. Мысли начали скакать как бешеные. Ни на одной из них невозможно было задержаться.

Никола погрузился в сильное шоковое состояние. Такого с ним никогда не случалось. Набегавшие мысли и образы рвались и исчезали, не давая возможности что-то проанализировать и понять. Причем, эпизоды, извлекаемые из его памяти, иногда были очень неожиданными. Иногда он и впрямь видел себя в рабочем халате за установкой. Иногда перед его глазами проскакивал монитор какого-то компьютера, за которым он будто бы сидел... Никола лихорадочно пытался зацепиться хоть за какое-нибудь объяснение происходящему, но это ему никак не удавалось.

"Но если я такой, значит, дурак, а лаборатория, значит, работает, то почему я здесь?" - вдруг совершенно неожиданная, но все-таки хоть какая-то связанная мысль пришла к нему в голову. И тут же ему пришел неожиданный ответ: "Я здесь потому, что я вышел прогуляться сюда на обеденный перерыв!"

Никола ухватился за эту мысль. Ему надо было цепляться хоть за какое-нибудь логичное суждение, чтобы просто выкарабкаться из охватившего его хаоса.

"Да-да, там, значит, обеденный перерыв. А обеденный перерыв, значит, заканчивается. А раз он заканчивается, то, значит, надо быть там!"

Он поднялся, как бы закрепляя вернувшуюся способность рассуждать.

"А если, значит, надо быть там, то, значит, надо туда идти!"

И он нетвердым шагом вышел из беседки и пошел к выходу из парка.

"Надо, значит, быть там, - говорил он сам себе по дороге, - обед ведь заканчивается, лаборатория ведь работает..."

Он шел все быстрее и быстрее. Где-то в глубине души в нем боролись изумление самим собой и боязнь каких-либо категоричных утверждений. Он боялся в дилемме "работает - не работает" однозначно принять какую-либо сторону. Сейчас он шел к институту просто потому (повторял он себе), просто потому, что там заканчивается обеденный перерыв. Лаборатория может работать или не работать, но обеденный перерыв там все равно есть, а раз он есть, то он должен заканчиваться, а раз он заканчивается, то надо скорее идти туда...

...Артем еще долго неподвижно сидел, глядя вслед удаляющемуся незнакомцу. Какое-то время тот ему виделся неестественно зыбким, будто испаряющимся миражом. Наконец, незнакомец исчез за поворотом аллеи.

Артему вспомнилось, как этот человек странно посмотрел на него, когда он, Артем, стоя около врача Скорой помощи, проговорил что-то о сне. Тогда он не придавал его взгляду никакого значения, но теперь ему подумалось о том, что слишком естественной для сна была реакция незнакомца на его слова. Он посмотрел на Артема, как на сумасшедшего. А как иначе мог бы посмотреть на тебя человек, скажи ты

такие слова в реальной жизни!? И вот теперь этот человек будто является к нему из сна наяву и пытается продать радиоприемник, чтобы на эти деньги помочь дяде Мише. Какому дяде Мише!? Ведь тот лежит у себя дома, уже долго не вставая с постели! Дядя Миша просто не мог быть вчера на перекрестке и тем более торговать какими-то фруктами!

Артем почувствовал себя участником некоего фантастического представления.

И тут ему опять вспомнилась явившаяся во сне квуоль, и невероятная догадка снова пришла к нему в голову. Однако эта догадка была настолько невероятной, что все вдруг смешалось в его голове. Несколько секунд Артем сидел, оторопело глядя прямо перед собой.

"Нет! - сказал он, придя в себя. - Не может такого быть!"

Он стал отгонять от себя пришедшую к нему нелепейшую мысль.

"Нет! Не надо!... Не сейчас!... Потом... потом все обдумаю. Сейчас не могу".

Он мотнул головой и откинулся на спинку сидения. Бросив взгляд в конец аллеи, он увидел там зыбкий силуэт.

Легкий холодок пробежал по его спине. Ему почему-то вспомнилась увиденная сегодня во сне Юнна с квуолью в руках.

Силуэт приближался. Вскоре уже была видна девочка, приближающаяся к беседке легкой, танцующей походкой...

VIII

Никола почти бегом пробежал половину города и только у порога лаборатории остановился, переводя дух. Нетренированному организму потребовалось отдышаться. Он навалился на косяк приоткрытой двери лаборатории. Неожиданно в нос ударила знакомая смесь ее особых, неповторимых запахов - рабочих запахов. Никола вздрогнул. Нахлынувшее волнение перебило одышку.

"Неужели и вправду работает?" - шевельнулась у него неуверенная мысль. В памяти проплыли воспоминания о том, как когда-то давно лабораторию расформировывали.

"Нет, видимо, я сплю", --- подумалось Николе.

Такие сны приходили к нему неоднократно. Много раз он видел себя входящим в эти двери.

На Николу накатила щемящая волна грусти.

"Ну да! Конечно же, сплю!... Подольше бы не просыпаться!... Хотя бы в этот раз".

Он заглянул в открытую дверь. В помещении суетились люди в небрежно накинутых белых халатах. "Это практиканты, - вдруг как-то само собой подумалось Николе. - У них сейчас курсовые". Никола удивился тому, откуда у него взялась такая мысль, однако эта мысль все же вызвала у него какую-то необъяснимую, неясную радость.

Один из студентов обернулся к Николе. Никола машинально кивнул ему.

Вслед за первым студентом на Николу стали оборачиваться другие. И вдруг Никола обнаружил, что лица людей были какими-то очень знакомыми, настолько

знакомыми, будто он видел их совсем-совсем недавно, не далее как до обеда. Слабый холодок пробежал у него по спине, когда он увидел, что "знакомо-незнакомые" люди оборачиваются на него с узнающими взглядами. У Николы перехватило дыхание.

Студенты смотрели на него явно выжидающе, и их ожидание почему-то было понятно Николе. Его глаза обернулись к стенду. Николе вспомнилось (ему вдруг вспомнилось!), что сегодня утром здесь не могли запустить ионную пушку, и он (он - Никола!) обещал помочь практикантам.

Никола оторопел. Откуда у него такие странные воспоминания? И тут он увидел, что у одного из студентов из нагрудного кармашка халата выглядывает рубль - точно такой же, какой он видел у незнакомца в парке - советский... две тысячи первого года... Внутри все словно оборвалось. Перед глазами встал незнакомец и недоуменный взгляд, с каким тот возвращал свои деньги в карман.

"Так неужели и вправду ничего не менялось?"

Непроходящая слабая дрожь вызывала какое-то неведомое дубящее ощущение.

"Нет! - испуганно погнал от себя эти невероятные мысли Никола. - Я сплю!"

Он выпрямился. Слабая дрожь не проходила.

"Однако, все-таки, что стряслось с их пушкой?" - опять как-то само собой подумалось Николе. Он покосился на выглядывающий из кармана студента рубль и вдруг обнаружил, что его рука тянется в сторону. Там была

вешалка. Никола совсем не думал о ней, его рука сама, машинально потянулась за рабочим халатом.

В этот же миг он смешался: откуда он решил, что там все еще висит его халат? Ведь лаборатория давным-давно закрыта. Это замешательство длилось доли мгновения - одновременно с произвольным движением руки, но когда Никола почувствовал в руке знакомую лощенную антистатическую ткань, его окатила горячая волна. Ноги вновь начали подкашиваться. Руки сами собой стали натягивать халат на плечи, и через минуту он уже шел нетвердым шагом к пультам.

У пульта он неожиданно застыл в неподвижности. Пальцы сами собой потянулись к клавиатуре, но на полпути повисли в воздухе.

Перед ним будто в ожидании застыл пульт вакуумной установки. Сейчас он, Никола, должен будет запустить его. К горлу подкатил комок.

Как долго он уже не бывал в такой ситуации! Как долго его руки уже не выполняли такой работы! Что у него все эти дни было? Чего касались руки? Да ничего! Перед ним все это время была пустота, а руки касались только метлы да лопаты. В первые месяцы после закрытия лаборатории Никола еще долго жил ее незавершенными разработками. Да что там месяцы! Еще несколько лет после этого он продумывал схемы экспериментов, которые не были доведены до конца, проводил расчеты. Он до самой последней возможности ходил в библиотеку, до тех пор, пока даже мизерная плата за ее посещение не стала для него непосильной. Его толстая рабочая тетрадь была вся

исписана многочисленными формулами. Но это все было в пустоту, все это не могло уже найти своего применения. И вот он снова стоит перед установкой.

Слегка подрагивающие пальцы легли на клавиатуру. От первого прикосновения он непроизвольно вздрогнул. Голова пошла кругом. В мыслях воцарился полный сумбур. Однако глаза целенаправленно пробежали по монитору. Мозг как-то сам собой зафиксировал значение вакуума. Никола, щелкнул компьютерной мышкой. Установка слабо зашумела.

Мышка!...

Никола удивленно посмотрел на компьютерную мышку. Он ведь никогда в жизни не держал ее в руках!!! Их лаборатория одной из первых попала под каток перемен. У них тогда стояли еще старые компьютеры.

Однако ладонь уверенно сжимала мышку, будто проделывала это уже не в первый раз.

Окружающий мир помутнел. Никола забыл и о компьютере, и о показаниях на мониторе, и о неисправной ионной пушке. Все его мышцы словно задеревенели.

Он будто не сон сейчас видел, а попал в какой-то непонятный мир. Если говорить точнее, он будто опять попал в свою лабораторию, которая никогда не закрывалась. А если говорить еще точнее (в голове был полнейший хаос), если говорить еще точнее, то он - это он

и есть, никуда он не попал и никуда он не девался, он всегда тут работал, всегда вот так щелкал мышкой и, вообще, ничего никогда не менялось...

Глаза машинально следили за всплывающими на мониторе диаграммами, мозг что-то обмысливал, делал какие-то выводы, но эти выводы появлялись будто сами по себе, причем где-то очень и очень далеко. Он попытался понять, откуда в нем могут всплывать эти непонятные расчеты, но царивший в голове сумбур мешал ему это сделать.

- Нет, - сказал он спустя некоторое время, - не могу.

Оторвав онемевшую руку от мышки, Никола, медленно выпрямившись, отошел к окну.

Кто-то спросил его о самочувствии. Никола машинально кивнул, сам не понимая, что может означать его кивок.

Ему что-то посоветовали, - видимо, сходить в медпункт. Никола опять кивнул в ответ, но остался стоять на месте.

Может, никакой это не сон! Может, и вправду, никуда это все не уходило! Может, и вправду...

Никола пробежал невидящим взглядом по стенам лаборатории.

Неужели, и вправду...

Ну почему он решил, что давно уже не работал за этой установкой, ну почему метла...?

Его глаза покрылись пощипывающей пеленой.

"Нет! - вдруг, будто возражая кому-то, резко вскинулся Никола. - Не сон это!"

Не сон! Ну, почему он решил, что все это сон?! Да, были сны! Он много-много раз в этих снах видел себя здесь, но то были, действительно, сны, но *это* не сон!...

На глаза вдруг попался обмотанный синей изолентой радиоприемник, который он машинально сунул в карман халата. Мысли снова спутались.

Ему вспомнился дядя Миша, вспомнилось, как он, Никола, пытался сегодня продать этот приемник.

"Ну и что же! - подавляя охватившее его замешательство, сказал сам себе Никола. - Вот как раз этот приемник и снится! А все остальное - не сон!"

"Нет, постой! - Никола потер висок. - Ведь не может одновременно что-то сниться, а что-то не сниться!"

К нему снова кто-то подошел. И чей-то очень знакомый голос опять предложил ему обратиться в медпункт.

От этого голоса Никола снова вздрогнул. Он взглянул на человека, который в первый момент показался ему размытым и зыбким. Никола понял, что это из-за влаги на глазах, но не успел он их протереть, как уже в следующее мгновение Никола ясно видел подошедшего. Слезы вдруг сами моментально высохли. Он узнал этого человека.

Глядя в глаза стоящему перед ним человеку, Никола мотнул головой.

- Не надо никуда... - пробормотал он.

Человек внимательно посмотрел на него, затем пожал одним плечом, что могло бы означать "Ну смотри...! А то могу помочь..." и, повернувшись, пошел к стоящему у стены столу.

Никола неотрывно смотрел ему вслед, на его прямую спину и откинутые назад плечи.

"Сон!" - пронеслось в голове Николы.

Ему теперь твердо подумалось о сне, потому что этого человека здесь быть не могло... След этого человека уже несколько лет как потерялся.

Это был один из сотрудников лаборатории, с которым Никола почти дружил. Правда, давно дружил... очень давно - еще до "перестройки".

Никола продолжал смотреть в спину своего "бывшего" знакомого, и ему вспомнился один из последних разговоров с ним.

"Ну что ты цепляешься за свою науку? - говорил ему этот человек после закрытия лаборатории. - Не пристроишься ты в ней опять. Брось! Меняй жизнь! Смотри, как круто все развернулось! Я сам в последнее время будто прозрел. Многое передумал. Ну скажи, только честно скажи, разве нормально все у нас было? Я тоже по юности, по глупости пошел в универ, думал, буду в науке, буду открытия делать. А что получил? Да, что-то где-то открыл, десяток-другой черкнул статей. Но одно дело мечтами витать в науке, представлять себя большим ученым, а другое дело пахать в ней. Ведь это совсем не сахар, когда твоя премия зависит от того, свершишь ты открытие или нет. Тут жилы из мозгов

тянуть надо. Из мозгов!!! А когда не идет ничего? Когда тянуть нечего? Когда осциллограф, как последняя сволочь, дает не те синусоиды? Ну, что приходилось делать, чтобы оправдать впустую проведенное время? Ведь это только в книгах говорят, что в науке отрицательный результат - это тоже результат. Премию здесь платят только за положительные результаты. Вот и замажешь где-нибудь на графике невыгодную точку или выбросишь в корзину снимок с кривой, которая никак не встраивается в твою теорию. Да-да! Признайся, неужели и ты так не делал? Но теперь на все это можно плюнуть! Можно работать только на самого себя. Да, я ушел из науки, я теперь торгую, но я стал свободен! Я многое переосмыслил, многое перевзвесил. Я только теперь понял, что такое свобода. Я теперь могу купить то, что раньше видел только в кино, могу съездить туда, где раньше оказаться было невыносимо. А главное - я не привязан к этой драной работе, могу ходить или не ходить на нее, в какой-нибудь день могу махнуть на все и объявить себе отпуск..."

Никола продолжал смотреть на своего коллегу.

"Жилы из мозгов". Однажды этот человек перестал их тянуть. Он стал свободным коммерсантом и... пропал где-то за границей в одной чартерной поездке. Его долго искали...

Некоторое время Никола неотрывно смотрел на своего приятеля. Ощущение жуткой ирреальности прокатилось в его душе. Этот человек снова перед ним - цел и невредим, будто и не пропадал никогда. Сейчас он сидел за своим столом, откинувшись назад, свесив одну руку за спинку стула.

Никола смотрел на него, и что-то не давало ему отвести взгляд в сторону. Наконец, он понял, что это было. Едва уловимое щемящее чувство снова колыхнулось в его душе. В памяти всплыло то давно забытое ощущение бесшабашности, которое так красноречиво передавалось этой позой, этой свесившейся рукой и созерцательно приподнятой головой. По его позе отнюдь не ощущалось, что он чувствует себя несвободным. Надо же, а ведь он совсем забыл это чувство: не думать поминутно о том, что можно потерять работу, не вставать утрями с мыслью, где сегодня раздобыть денег, а вот так сидеть на этой работе и меланхолично смотреть в окно. Другой свободы - той, о которой говорил ему его приятель, он в своей новой жизни так и не испытал. Да и настоящая ли та свобода? Можешь ли ты быть свободным, когда за спиной нет надежного тыла, когда ты сам должен постоянно думать об этом тыле, что бы ты ни говорил о своей независимости от работы. Не больше ли в этих словах напускной бравлады?

А ведь он, Никола, действительно, совсем-совсем забыл это ощущение, даже нет, не ощущение, а это состояние. Взгляд Николы застыл в одной точке.

Это было состояние какой-то безоглядной беззаботности и простоты. Нет, конечно, заботы были. Голова тоже была забита всякой суетой, всякими планами, всякими мыслями, но не было той, как потом оказалось, самой большой, самой глубокой, самой фундаментальной озабоченности тем, как прожить, как обеспечить себе кусок хлеба на проживание. Вся суета просто не шла ни в какое сравнение с состоянием загнанности, когда любой сегодняшний успех не может гарантировать тебе, что ты не провалишься завтра, что

завтра тебе опять не придется начинать заново - бегать и бегать, тянуть жилы - тянуть не только из мозгов, а из всего, что тянется.

Никола посмотрел на свесившуюся руку сидевшего перед ним его приятеля.

Это состояние беспечности часто выливалось вот в такую бесшабашность. Как же беззаботно тогда парили люди! Как не понимали того, что имели!

В слабое щемящее ощущение, которое все это время не покидало Николу, теперь добавились нотки горечи.

Нет! Ну как они могли работу называть "драной"? Если он, Никола, после стольких лет мрака сможет снова вернуться сюда, он будет пахать. Пахать и пахать! Он не будет так воровать у самого себя время! Не будет так сидеть и, ничего не делая, смотреть в окно. Но только бы вернуться сюда!

Никола почувствовал, как слегка задрожал его подбородок.

"Только бы вернуться сюда!" - подумал он, сжав зубы.

Студенты, сгрудившиеся у установки, вдруг отчего-то оживились. Никола, непроизвольно вздрогнув, заглянул за их спины на монитор, но там не было ничего особенного. Видимо, произошел резонанс, и студенты так на него среагировали.

Оживление студентов неожиданно взволновало Николу. Ну почему он решил, что все это сон? Ведь люди здесь действительно настоящие, живые! Не как во сне! Студенты

всегда так оживляются при первых резонансах. Это обычные люди, они думают, шутят, смеются. Ну какой же это сон!?

Никола опять взглянул на своего приятеля.

Почему он решил, что и этот человек ему сейчас снится? Может, наоборот, он снился ему тогда, когда он вдруг стал... (нет, не стал, а приснился, именно приснился!) коммерсантом?

Никола опустил взгляд и снова потер висок. Голова опять пошла кругом.

А все его речи о "жилах"? - Это же какой-то бред - настоящий сновиденческий бред. Ну, конечно же, обычный сновиденческий бред... ну как же ему сразу это в голову не пришло, как же он не догадался об этом еще тогда, когда они с ним об этих "жилах" разговаривали?... Надо было тогда сразу остановить своего приятеля, сразу сказать: хватит нести сновиденческий бред...

Никола мотнул головой.

Что за чушь ему сейчас подумалась!?

Нет! Ну, даже, если сейчас он спит... допустим, что сейчас он спит, ну допустим (ведь лезет же всякая ахинея в голову... как в самом настоящем сне)... то лаборатория все равно же... вот она... - самая реальная лаборатория, с установками, со стендом, с компьютерами, с мышкой... мышка же не может присниться! Вот она - совершенно реальная, ее даже можно потрогать, она не спит. То есть, нет, лаборатория не может спать или не спать, да и он, как он может, спя, видеть реальную неспящую лабораторию.

Не дух же он какой-нибудь! Если он сам спит, то она ему может только сниться. Ну да, конечно, она сейчас снится! Ну, допустим, он сейчас все-таки спит и видит себя в своей лаборатории, но это же ничего такого не означает, это только означает... это только означает, что он, действительно, спит, но спит у себя дома... Ну, конечно же! Он спит у себя дома, а лаборатория, она снится. Но если она снится, то это же не означает, что ее нет. Если что-то снится, это совсем не означает, что этого в реальности нет. Вот же, он сам видит, что лаборатория есть! Она есть, но есть не тут, не во сне, а там, в институте. Он видит ее во сне, и утром он проснется, дома проснется... и пойдет туда, в смысле, сюда - сюда, где все работает... Как все просто объясняется!

И почему он решил, что лаборатория закрыта? Вот же она! Работает!

Его глаза увлажнились. Он постарался незаметно вытереть их.

Ему вдруг вспомнились его безрезультатные поиски работы, вспомнились дни беспросветной безысходности, долгие дни тяжелой, тупой неопределенности, вспомнилась его клетка с невидимыми стенками.

"Ну, надо же! - подумалось ему. - Лаборатория все это время, оказывается, работала, а он не знал об этом. Надо было просто проснуться и прийти сюда, и все!"

В голове поплыли воспоминания о той жизни, но возникали они как воспоминания о какой-то другой, какой-то неправильной и нелепой жизни - жизни, которой он жил

просто потому, что не догадывался прийти сюда. Но теперь та жизнь останется позади.

"Теперь все это позади! Теперь-то понятно, что надо сделать, теперь надо только проснуться! Все очень просто! Очень просто!"

Он вырвется из ада, он снова будет при деле, он снова почувствует себя человеком, он снова будет смотреть на мир свободно и прямо, у него снова распрямятся плечи...

Вот только дяде Мише надо будет об этом рассказать... поделиться радостью с соседом.

Здесь все настоящее - и люди, и разговоры, и смех, и шутки. Поскорее бы рассказать дяде Мише об этом. Надо будет рассказать ему и о его чудаковатом приятеле, который в тот раз сказал, что видит всех нас во сне. Ну правильно он сказал - мы и были во сне, и он там нас увидел. Как все просто объясняется! Вот посмеются они с дядей Мишей. Надо будет рассказать дяде Мише и о том, как его приятель сказал о голубой молнии, о десан...

Вдруг словно сильный гром ударил за спиной у Николы. В один миг он забыл обо всем на свете - обо всем, кроме слов незнакомца об этой молнии и о десанте. Его пронзила какая-то странная, непонятно откуда взявшаяся, неожиданная мысль.

Никола оттолкнулся от стенки и нетвердым шагом пошел к ближайшей двери. Там была комната начальника лаборатории. У двери Никола немного задержался, постоял немного и решительно потянул за ручку.

- Иван Иванович! - заговорил он с порога, не сразу заметив, что за столом начальника сидит незнакомый человек. - Мы неправильно запрограммировали атмосферный зонд!

Человек за столом оторвал свой взгляд от компьютера.

На мгновение Николу поразила мысль: "С какой это стати он назвал незнакомого человека каким-то Иваном Ивановичем?" Но тот смотрел на Николу таким же узнающим взглядом, каким встречали его практиканты. Сомнений в том, что перед ним сидел именно начальник лаборатории, у Николы почему-то не возникло, и поэтому, словно повинувшись какой-то неведомой инерции, Никола продолжил:

- Грозовые облака заряжаются не трением, а вертикальными атмосферными течениями.

Это была невероятно новая и неожиданная мысль. Взгляд начальника сосредоточился во внимании.

- Да-да! - продолжил Никола, с изумлением прислушиваясь к своим собственным словам. Они явно опережали мысль. - Они ж не как кучевые... они формируются при сумасшедших перепадах температур. У земли пекло, а на высоте стогоградусный мороз.

Откуда-то из глубины души подкатило ощущение невероятного восторга. То, о чем сейчас скажет Никола, не говорил еще никто и никогда.

- Ну, не стогоградусный... но все равно столкновение фронтов. Тяга делается такой мощной, что достает своей воронкой ионосферу... - голос Николы задрожал от ликования, - ...ну не саму ее, а ее хвост.

Он закрутил рукой с поднятым вверх указательным пальцем, изображая воронку. Начальник привстал из-за стола.

- И всасывает этот хвост к земной поверхности, заряжая облака, - словно куда-то торопясь, заключил Никола.

Сердце в груди бешено заколотилось. В голове беспорядочно запрыгали мысли.

"Конечно же, - сквозь этот хаос обмысливал Никола свою догадку, - молнии спускают в землю заряд, который от солнца там наверху...".

Переводя дух, он окинул взглядом комнату. Глаза скользнули по настенному календарю. На нем на фоне большой красной планеты был изображен какой-то необычный космический корабль.

"Конечно же... конечно же... Десант... Они-то зондами ищут микроволны от молний, которые дырявят, как все считают, ионосферу, а все, оказывается, гораздо проще... все наоборот".

Взгляд Николы двинулся дальше. Он проскакал по корешкам книжек, стоящих на полке, на миг задержался на допотопном самописце, который, как талисман, хранил Иван Иванович, и вдруг на глаза попал висящий на небольшом шкафчике листок бумаги.

"Надо же... десант, и впрямь десант!" - продолжало пульсировать в голове.

На листке была надпись: "График отпусков работников лаборатории на 2001 год", и ниже - табличка со списком

сотрудников. Никола машинально пробежался взглядом по списку и вдруг увидел в этом списке *свою фамилию*.

Сердце будто остановилось...

На какое-то время остановилось и дыхание. И тут его мысли о двух жизнях, которые все это время роились в его голове, как в каких-то потемках, которые копошились, не осознавая своего неведения, вдруг эти мысли словно из этих потемок вырвались. Николу словно озарило.

Он же находится в другом мире!!! И это не сон, это другой мир - *именно другой мир!!!*

Округляющимися глазами он начал осматривать стены лаборатории.

Это все есть! Это никуда не девалось, никуда не уходило!

Взгляд поскакал по стенам лаборатории.

Это никуда не пропадало!

Листочки, полочки, шкафы, книги, журналы зарябили перед глазами.

Это все есть! Где-то есть!

В другой ситуации он стал бы лихорадочно соображать, как такое возможно, и если возможно, то как. Он стал бы перелопачивать в голове все свои знания о физике, о мире, о материи, о четвертом измерении, но сейчас он просто воспринимал все как данность - как какую-то немислимую, но реальную и невероятно потрясающую данность.

Открыв рот, он все оглядывался и оглядывался вокруг.

Другой мир!

Вот это да!!! Перед ним был тот самый мир - потерянный им когда-то мир!!!

Никуда, оказывается, этот мир не терялся! Никуда!!! Он просто продолжал существовать где-то в другом месте!!!

"А он-то гакает, откуда он научился мышкой...!" - почему-то пришла в голову шальная мысль.

Ему опять на глаза попала бумажка со списком сотрудников, и он остановил долгий взгляд на своей фамилии.

И вдруг слезы, предательские слезы обильным потоком подкатились к его глазам. Нет, он смог сдержать их, хотя будь он один в этой комнате, он разрыдался бы - разрыдался бы во всю силу свалившихся на него небывалых чувств. Ведь все это было потрясающим подарком для него! Это было самым невероятным подарком для него. Он снова видел перед собой мир, который когда-то безвозвратно потерял.

И все же он, как мог, прятал глаза от Иван Ивановича, ведь на них проступили-таки отдельные слезинки. Он старался незаметно вытирать глаза, делал вид, что будто что-то трет на своем лице.

И тут слабое ощущение зыбкости шевельнулось в нем, неожиданно он испугался - а вдруг он и вправду спит, как-нибудь невероятно спит, вдруг он и вправду проснется и потеряет этот с... нет, не сон, а этот мир - эти стены, этих людей.

Взгляд начал стремительно двигаться по всему, что попадало в поле зрения. Сердце бешено заколотилось. Словно боясь, что окружающий его мир в любой момент вдруг может исчезнуть, Никола стал лихорадочно поедать его глазами. Всем своим существом он стал поглощать его, словно пытаясь поскорее насытиться им. Никола оглянулся на открытую створку окна. Там была улица - так знакомая ему, совсем почти родная, залитая ярким солнцем улица, и неожиданно эта простая улица вызвала в нем неудержимую волну ликования.

Не унимающиеся слезы мешали ему смотреть. Он украдкой смахивал их и смотрел, смотрел, смотрел, впитывал, впитывал, впитывал своими набухшими глазами все окружающее. Взгляд постоянно возвращался к висящему на шкафчике листочку и напечатанной на нем его фамилии. Он по несколько раз перечитывал ее по буквам.

Так же часто он оглядывался и на окно. Там, где-то там, его дом - другой дом, чистый, светлый! Там семья, там жена - красивая, не замордованная, другая, совсем другая, не такая, какой она стала, там сын...!

Далекий зазывный шум звучал в голове, зовя и зовя его туда...

Неожиданно Николе попался на глаза его радиоприемник. Ему тут же вспомнился дядя Миша.

"Лекарства! - спохватился он. - Ему же нужны лекарства!"

Николe вспомнилось, что в холле института находится аптечный киоск.

"Надо купить ему что-нибудь!"

Рука полезла в карман в поисках мелочи.

Из кармана была извлечена красная "десятка". Никола вздрогнул.

Настоящий червонец!? В его кармане!!! - В кармане, в котором давно уже ничего не было!

Успокоившиеся было слезы снова проступили на его глазах. Сквозь их вновь накатившую пелену Никола стал рассматривать красную бумажку.

Настоящий червонец! В его кармане!!!

Но это же очень много! Невероятно много!

В его кармане!!! Но это же очень много!!!

На лекарства нужно меньше - намного меньше! Копейки!

Никола снова полез в карман.

А сколько же они здесь стоят? Найдется ли у него мелочь? Или, может, Иван Иванович разменяет?

Он взглянул на Иван Ивановича и... смутился.

Тот изумленно смотрел на него.

- Дяде Мише... соседу, купить что-нибудь надо. У него голодный обморок и...

Никола вдруг осекся. Брови Иван Ивановича поползли вверх. Никола растерялся.

Как объяснить Иван Ивановичу в этом залитом солнцем мире, кто такой дядя Миша и почему у него *голодный* обморок?!

Все!!! Сдерживать слезы больше не было сил! Он повернул голову, отводя взгляд в сторону, и...

...и обнаружил себя сидящим в беседке в парке!!!

Резким движением он повернул голову обратно. Ни Иван Ивановича, ни лаборатории не было.

Никола стремительно оглянулся по сторонам. Он сидел в парке, в беседке, рядом с ним стоял его самодельный радиоприемник. Соседнее место на скамейке, на котором сидел незнакомец, было пусто.

Словно тонна ледяной воды разом вылилась на Николу.

Он резко вскочил и еще раз лихорадочно оглянулся. Не было рядом ни Иван Иваныча, ни шкафчика со списком фамилий, ни лаборатории. Со всех сторон стояли лишь подступавшие к беседке деревья, да повсюду поблескивали не успевшие высохнуть после ночного дождя лужи...

Немного постояв на месте, Никола схватил радиоприемник и быстро зашагал прочь.

Мир смешался в его голове. Никола стремительно зашагал, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Голова была абсолютно пуста. Работали лишь мышцы энергично передвигающихся ног и пружинящего тела.

Он шагал и шагал, пересекая улицы, пробиваясь через оживленные перекрестки, сбивая с ног зазевавшихся прохожих и получая вдогонку громкие ругательства.

Он шел и шел, пока, наконец, что-то вдруг резко не остановило его. Медленно выплывая из тумана небытия, Никола поискал глазами эту неожиданную помеху и заметил, что его рука лежит на пластиковой дверной ручке и безуспешно пытается открыть какую-то дверь.

- Ну че ломишься, дядя?!

Грубый окрик вернул его к действительности.

Никола поднял глаза на дверь и еще раз дернул ее.

- Ну че?! Не ясно?! Кантуй назад!

Чья-то рука легла сзади на плечо и отбросила Николу назад.

Никола еще раз осмотрел дверь. Рядом с ней висела вывеска: "Бутик нижнего белья".

Он с изумлением осмотрелся и увидел, что стоит перед зданием института, а дверью, куда он только что ломился, была бывшая дверь проходной.

Он окинул взглядом здание.

Все оно было залеплено разными пестрыми вывесками.

Фирмы и фирмочки занимали практически все помещения бывшего института. Лишь в самом дальнем краю здания была видна табличка с названием института. Там размещались две или три лаборатории - последние остатки бывшего НИИ.

Перед глазами всплыла комната Иван Ивановича и листочек со списком фамилий.

Что это было?

Большая рука, которая только что оторвала его от дверной ручки, вновь схватила Николу за плечо и оттолкнула еще дальше от дверей.

Пятясь назад, Никола запнулся за поребрик и сел на бетонный тротуар.

Сидя на тротуаре, Никола снова осмотрел здание бывшего института.

Что же это было? Сон?!

Никола продолжал сидеть, тупо глядя на здание.

Перед глазами всплыл компьютер и лежащая под ладонью мышка.

Сон?!! Нет! Не может такое быть сном!!!

Человек, оттолкнувший его, осыпал его какими-то ругательствами, однако Никола совершенно не слышал его.

Теперь перед его глазами всплыл незнакомец из парка. Вспомнился его странный взгляд.

А вдруг это гипнотизер?

Никола напрягся.

Но что за странный гипноз!? Какой-то невероятный гипноз!

Ему вспомнились графики на мониторе компьютера.

Что же это такое?!! Разве такое возможно в гипнозе?!

Нет! Никакой это не гипноз!!!

Перед глазами всплыл красный червонец две тысячи первого года.

"Да! Гипноз!... - Никола обмяк. - Конечно же, это гипноз! И... сон!"

Гипноз! Гипноз!

"...Но если это был гипнотизер... разве можно так шутить!?"

Он вспомнил, как буквально несколько минут назад поедал глазами стены лаборатории. Когда в свое время ее закрывали, он и его товарищи прощались с ней, как, наверное, моряки прощаются с отправляемым на резку кораблем. А теперь он снова видел ее работающей...

Разве можно так шутить?!

По телу побежала дрожь. К глазам опять подкатили слезы.

Разве можно так шутить?!!

Ему вспомнилось, что всего несколько минут назад, во время этого странного полузабытия, его точно так же душили слезы.

Сон! Конечно же...

Вспомнилось, как сквозь влажную пелену слез он оглядывал стены лаборатории, вспомнился Иван Иванович. Вспомнилось, как тот привставал на месте, когда он, Никола, излагал ему идею о грозových обл...

"Ну, какой же это сон!!! - вдруг что-то словно взорвалось в нем. - Грозовые облака должны заряжаться именно потоками и именно от верхних, ионизированных слоев атмосферы! С чего такое вдруг стало бы сниться?!"

Он резко обхватил руками голову, сильно сжимая ее.

"Какой же это сон?!! Кучевые облака ведь тоже трутся, но не заряжаются же..."

"И зимой грозы - большая редкость. Не тот перепад температур, не та тяга... Такое не приснится!"

В голове пронеслась опустошающая буря.

Никола взглянул на дверь бывшей проходной, и... странные воспоминания вдруг всплыли в его голове.

Ему вдруг вспомнилось, что сегодня он уже дважды проходил через эту проходную - утром и после обеда. Никаких бутиков и фирмочек здесь не было. Он отчетливо вспомнил, как открывал дверь проходной, как зацепился рукавом за ручку, как вахтер, ругаясь с кем-то по сотовому, кивнул ему, вспомнил запахи вакуумной установки... Он явственно видел и слышал все это всего каких-то полчаса назад... Здесь был нормальный работающий институт. Здесь были нормальные люди. Сегодня у него была здесь нормальная работа. Сегодня он был здесь нормальным человеком. Нет!... (Слезы вновь подкатились к его глазам). День был не совсем нормальным. Сегодня он сделал здесь величайшее в своей жизни открытие. Ему отчетливо вспомнились все его слова о грозовых разрядах и охватившая его эйфория...

Нет, конечно, это еще не открытие, это только догадка, чтобы это стало открытием, нужны исследования, нужны эксперименты, нужны цифры, графики, кривые... Но для этого нужно провести эти самые исследования, - Никола посмотрел на бывшую проходную института и висящую над ней вывеску бутика. - Нужно провести эти исследования!

Он еще раз окинул взглядом здание института. Ему опять вспомнилась мышка под ладонью...

Это не было сном!!!

Николу заколотил сильный озноб. Одному только не сопротивлялась его мысль. Он уже не сомневался, что все,

виденное им, было в действительности, что где-то все это существует. Ни о чем другом он уже не думал. Он опустил голову.

- Не сон! - сдавлено проговорил он, будто споря с кем-то.

Не прекращавшаяся уже длительное время дрожь переросла, наконец, в небывалую слабость. Мир повалился в пустоту...

...Когда он пришел в себя, уже вечерело. Он все так же сидел перед бывшей проходной института. Сколько он просидел так - он уже не помнил. В лицо била иллюминация бутика. Рядом на асфальте поблескивали монеты. Их, видимо, побросали ему проходящие мимо люди. Под боком, прижавшись к нему, стоял радиоприемник.

Ему вспомнился дядя Миша. Взгляд снова упал на монеты.

Дяде Мише нужны лекарства.

Рука сама собой потянулась к одной из монет. На глаза снова навернулись слезы. Никогда в жизни он так не унижался. Еще днем он где-то в неведомом мире чинил ионную пушку, излагал новую гипотезу, а сейчас в этом мире он подбирает с земли подачки.

На неподвижных веках будто отвердевали стеклянные шарики. Это были очень жесткие слезы. Сегодня днем он изо всех сил сдерживал рыдания. Сейчас он был один, стесняться было некого, и сдерживаемые эмоции готовы

были, наконец, выплеснуться наружу. Однако на глазах лишь отвердевали жесткие, горькие шарики.

Никола замутненным взглядом смотрел на поблескивающие монеты, а перед глазами вставляли совершенно другие картины. Ему виделся поднимающийся в ночное небо шар с исследовательским зондом, виделись привязанные к нему приборы, в его голове уже начали прокручиваться формулы. Мозг, истосковавшийся по работе, начал проделывать сложнейшие вычисления, он мысленно расщеплял ионосферу, разделяя ее на слои и вычисляя ее градиенты. Большой земной шар уже виделся ему маленьким шариком, окруженным толстым электронным облаком, которое, вращаясь вместе с Землей, создавало оберегающее планету магнитное поле, и Никола уже выстраивал в голове интегралы, увязывающие земной магнетизм с этим крутящимся электронным одеянием...

А в это время прямо перед ним в вечерних сумерках стоял человек. Это был тот самый незнакомец, который встретился Николе в парке. Однако он не был виден Николе, так же как и он сам Николу не видел. Их разделяла незримая прослойка небытия.

IX

Артем стоял на вечерней улице перед зданием погружающегося в сумерки института...

Он оказался здесь совершенно случайно.

Несколько часов назад он сидел в беседке в парке. Несколько часов назад мимо него легкой танцующей

походкой прошла незнакомая девчушка. Она совсем ненадолго задержалась около его беседки, однако сейчас почему-то не выходила из головы.

Артем несколько раз прокручивал в памяти все подробности их встречи...

...Силуэт, слегка покачиваясь, приближался к беседке. Артем разглядел девочку - почти взрослую девчушку, которая, пританцовывая, двигалась в его сторону. Она шла какой-то особенной походкой - легкой и скользкой. От маленькой, будто невесомой девчушки веяло немудреной простотой и беззаботностью. Спустя некоторое время Артем уже мог разглядеть ее лицо. Оно было вытянутым, рыжим, с близко сидящими маленькими глазами и крупными веснушками. Поравнявшись с беседкой, девчушка бросила на Артема короткий и какой-то необычный взгляд. Артем мысленно назвал этот взгляд лучистым. Именно лучистым - Артему вдруг подумалось, что, если бы человеческий взгляд мог светиться, у этой девочки он обязательно испускал бы маленькие лучики. И хотя лицо у девочки было некрасивым, ее взгляд чем-то притягивал.

Девочка вдруг остановилась. Она посмотрела на Артема, и на ее лице заиграла улыбка. Она сделала шаг в сторону беседки и положила свою ладошку на ее стойку. Не сводя с Артема своего взгляда, она вдруг сказала:

- А вы - счастливый человек!

Ее голосок прозвучал, как звон легкого колокольчика.

- Счастливый!? - удивился Артем.

- Очень-очень!

- С вами солнышко дружит, - добавила она тут же.

- Дружит? - спросил, растерявшись, Артем.

Девчушка весело рассмеялась.

- Дружит! - сказала она и подмигнула ему, будто поиграв своими маленькими лучиками.

Девчушка рассмеялась, и, еще раз подмигнув Артему, шагнула назад. Повернувшись, как легкое перышко, на одной ноге, она побежала по аллее дальше.

Артем так и остался сидеть в полной неподвижности.

В ушах продолжал звучать голосок девочки.

"Солнышко дружит"...

Дружит? Почему дружит?

Он посмотрел вдоль дорожки, по которой удалилась девочка. Казалось, было видно, как вдоль этой дорожки колыхался воздух, взволнованный ее легким движением.

Ему вспомнились маленькие золотистые лучики в ее глазах.

Где-то он их уже видел. Они ему были откуда-то очень знакомы.

Он поднялся и вышел из беседки.

Где он мог видеть такие лучики? Легкое золотце в ее глазах неожиданно защемило его сердце.

Маленькие лучики... Откуда они?

Ноги сами собой пошли туда, где скрылась рыжая девчушка.

... У этого здания он почему-то остановился. Возвращаясь из полузабытия, Артем осмотрелся. Ему почему-то вспомнился встретившийся в парке незнакомец. Будто он был где-то совсем рядом. Какое-то время Артем постоял в задумчивости. Странная невероятная мысль, которая пришла ему сегодня в парке, снова всплыла в его памяти. Однако на этот раз она будто пульсировала, появляясь и исчезая какими-то обрывками и не давая на себе сосредоточиться. Артем еще раз окинул взглядом площадь перед институтом и пошел дальше по темнеющим улицам отходящего ко сну города.

Артем спокойно шел, и ему вспоминались картины этого же города, с этими же, но совсем непохожими улицами. Он скользил взглядом по стенам домов и вспоминал их совсем другими. Они вспоминались завешанными назойливыми вывесками, вычурно и безвкусно раскрашенными, кричащими, привлекающими. Сейчас же они были спокойными, лишенными навязчивой рекламной мишуры. И если тот город, который ему вспоминался, встречал ночь обилием огней и иллюминаций, то этот, освещаемый лишь приглушенным светом уличных фонарей, спокойно погружался в ночную темноту. Он засыпал, как засыпает живое существо.

Миновав очередной перекресток, Артем вышел на улицу, которая неожиданно показалась ему чем-то знакомой.

Артем осмотрелся, и его взгляд упал на два тополя. Он непроизвольно вздрогнул. Он узнал их, как узнал и улицу, на которой они стояли. Это были те самые деревья, которые виделись ему во сне. Одно из них он видел распиленным на бревна, а другое растворил своим собственным воображением. По телу прокатился легкий озноб.

Недолго постояв на месте, Артем нетвердой походкой подошел к одному из тополей и положил руку на его кору.

Ладонь узнала ее шершавую поверхность.

Все!!!

Артем застыл на месте.

В его невероятных сомнениях была поставлена окончательная точка.

Это действительно были те самые тополя. Именно это дерево исчезало под его рукой.

Артем посмотрел на свою ладонь. Она помнила и то необычное ощущение, когда ею вдруг постепенно перестала осязаться древесная кора.

Мысль, крутившаяся вокруг торгующего фруктами дяди Миши, незнакомца с радиоприемником, лиловой молнии, наконец выкристаллизовалась, обретя законченную форму. Это было нечто, подобное тому, что он однажды уже пережил, попав во сне в солнечную историю. Тогда он, проснувшись на письменном столе, точно так же гадал, сон ли ему привиделся. Тогда, пройдя череду долгих мучительных раздумий, он решил для себя, что это был не сон. И сейчас он оказался в похожей ситуации. Но в этот раз

он почти не колебался. Он был почти уверен, что опять побывал где-то в другом мире. Точнее сказать, в этом же мире, но каком-то совершенно другом. На этот раз это было не далекое будущее, это было настоящее, его теперешнее, но какое-то другое настоящее.

Артему вспомнился торгующий фруктами дядя Миша, вспомнился врач Скорой, отказавшийся "за бесплатно" везти его в больницу, вспомнился и обмотанный синей изолентой радиоприемник, которому уготовано было быть обмененным на лекарства для дяди Миши.

Артем напряг память и постараться вспомнить все, что ему виделось в течение нового "сна".

"Неужели все опять повторилось?"

"Похоже, что все-таки повторилось!"

Однако эта мысль неожиданно успокоила его. Он даже облегченно вздохнул. Более того, он ощутил нарастание легкого щемящего волнения. Он ведь ждал чего-либо подобного. Ища встречи с Юнной, он ведь желал именно чего-либо подобного. Сам об этом не догадываясь, он подспудно думал о том, что если далекий солнечный мир все же проявит себя, то это произойдет как-нибудь необычно... именно вот так необычно!

Ощущение слабости и легкой радости постепенно накатило на него.

"Да, именно вот так!"

Простояв несколько минут в задумчивой неподвижности, Артем наконец поднял глаза и взглянул на тополь.

Выходит, что там, в том мире, это дерево действительно пострадало. И пострадало от его рук.

Артем погладил ствол дерева.

"Попасть бы обратно туда, чтобы вернуть его там на место".

И ему вдруг представилось, что он опять находится в том мире, представилось, как он приседает на корточки и опускает ладонь на мягкую траву.

- Бабушка-бабушка! - вдруг раздался за спиной звонкий детский голос.

Артем от неожиданности вздрогнул и оглянулся назад. По противоположной стороне улицы двигались темные силуэты. Это была какая-то старушка с двумя детьми.

- Вон там! Там спилили деревья, - снова прозвенел детский голосок.

Старушка, не останавливаясь, прошла мимо. Сквозь сгущающуюся темноту было видно, как она покачала головой. Дети вприпрыжку пронеслись мимо. Вскоре они скрылись в поздних вечерних сумерках.

Артем снова посмотрел перед собой. Неожиданные прохожие смешали его мысли, и в первый момент он даже не заметил, что сидит на корточках, его рука лежит на мягкой траве, а перед ним нет деревьев. На какое-то время его глаза застыли на месте. Ему почему-то вспомнилась мать. В течение короткого неуловимого мгновения он даже

ощутил себя маленьким мальчиком. В памяти всплыл совсем забытый эпизод из далекого детства, когда он мальчишкой, сидя на корточках, разглядывал в траве жучков...

Но почему дети говорили о спиленных тополях? Артем взглянул перед собой и вздрогнул. Только сейчас он заметил, что перед ним было пусто.

"Неужели опять?!" - пронеслось в его голове.

Артем оглянулся и на какое-то время замер на месте.

Прошло немного времени, и он, слегка мотнув головой, поглядел на траву и погладил ее ладонью.

"Ну и пусть! На этот раз ненадолго".

В этом он почему-то был совершенно уверен. Он почему-то твердо знал, как вернуться назад. Он спокойно смотрел прямо перед собой, и его рука мягко поглаживала траву.

"Простите меня и возвращайтесь на свое место", - наконец мысленно проговорил он невидимым тополям.

"Стойте здесь крепко!"

"Оба!" - добавил он, уже поднимаясь.

Он повернулся и пошел прочь. Он пошел... в свой мир. Он опять вернулся к себе - на свою улицу, в свой Дом.

"Юнна! - проговорил он куда-то в усыпанное звездами небо. - Я чувствую, что теперь ты где-то совсем рядом!"

Он шел, углубляясь в дремлющий квартал, погружаясь в его спокойную темноту, а за зыбкой перегородкой небытия,

в очень похожем, но совершенно другом мире, на той же самой улице, на том же самом месте, там, где днем были спилены деревья, - вдруг прямо из воздуха, словно зыбкие видения, появились полупрозрачные образы двух высоких стройных тополей. Постепенно образы сгустились, налились красками. Огромный жук, летевший на огни витрины, на полном лету ударился о широкий ствол дерева, и неподвижные листочки на тополях вдруг разом затрепетали под поздним вечерним ветерком...

Х

Никола пришел домой, когда семья сидела у телевизора.

Он тяжело прошелся по комнате и, поставив на стол бутылочку с какой-то полупрозрачной жидкостью, сказал: "Это ему!"

Жена тревожно оглянулась на стену, за которой сейчас спал дядя Миша. Сын, не отрываясь, смотрел телепередачу. В ней ведущий с язвительной усмешкой рассказывал что-то о колбасных электричках семидесятых годов.

Никола нервно прошелся по комнате из угла в угол и вдруг резко сорвался.

- Выключите эту дрянь!!! - заорал он.

Все ошарашено повскакивали с мест.

- Ты чего, отец? - спросил сын.

- Я чего??! Это он чего!!! - Никола ткнул пальцем в телевизор. - Колбасы ему не хватало!

Он подошел к телевизору и что есть силы дернул шнур из розетки.

- Отец! - испуганно вскрикнул сын.

- Что отец?!! Что отец?!! Чего ты-то палишься на этого подонка?!! На колбасе для вас свет клином, что ли, сошелся?! Он себе сытную жизнь отрабатывает, а тебе-то что светит?!! Работа в ларьке?!!

Он, резко махнул кулаком, будто рубанув невидимым клинком воздух, вышел из комнаты и направился на кухню.

- Николай! Что-то сегодня случилось?! - встревожено спросила зашедшая следом за ним на кухню жена.

- Сегодня?!... - резко закричал Никола. - Нет, не сегодня, давно уже!...

- В чем дело?

- Ты понимаешь, - не снижая тона, кричал Никола, - нам надо изучать ионосферу... Грозы можно просчитывать... зная параметры воздушной воронки и величину хвоста ионосферы, можно просчитать заряд грозового облака... можно даже предсказать количество и силу молний... Можно установить бальную шкалу для гроз. Я бы мог заняться всеми этими просчетами, я уже вижу, какие измерения надо проводить, я уже вижу эту бальную шкалу. А я... а я... а я вместо этого собираю с земли подачки...

- Ах, вот оно что! - жена тоже перешла на повышенный тон. - Мы сидим без копейки, а он вместо того, чтобы найти, наконец, работу, молнии считает! Другие работники

института открыли фирмы, а этот даже сторожем дольше двух дней проработать не может...

- Дура! - завопил Никола. - Ты не понимаешь, что говоришь!...

- Я не понимаю?! А кто у кого на шее сидит? Тебя же звали лесом торговать. У тебя же голова на плечах есть, ты бы давно уже на иномарке ездил!

- Пошла вон!

- Вот и сказать нечего! Гони, гони жену! А кто тебя кормить будет?

- Отец! - вдруг из-за спины матери заговорил сын. - Жизнь давно уже другая, надо меняться!

- Куда меняться? В торговлю?

- А хоть бы и в торговлю! Хорошие баблы заколачивать мож...

- Баблы! - взревел Никола. - Ты, сморчок, не понимаешь, чего мы лишились... Институт с мировым именем торгует американскими трусами...

- А что такого в трусах, если баблы дают? Ты что хочешь, чтобы институт опять воздух травил? Опять к старому...?

- Не к старому, а к делу, к работе. Институт дело делал... Ты хоть понимаешь такое слово: "де-ло"?

- Ну уж хватит нам такого дела...! Без вашего дела люди лучше жить стали.

- Ты что ли лучше?

- Если бы ты, отец, в коммерцию пошел, и мы бы хорошо жили...

- Ну, надо ж! Какая коммерция?! Надо ж! Как вам мозги наизнанку вывернули! Не сможет страна одной торговлей чужими шмотками долго жи...

- Опять ты за свое! - перебил сын. - "Раньше думай о Родине...", знаем, проходили... хватит!

- Чего хватит?! - Никола на мгновение смешался. - Да-да! Вот именно! Раньше думай о Родине... Вот именно! - Никола ударил кулаком по столу. - Раньше думай о Ро...

- Не пойму, отец! - снова перебил сын. - Ты что, опять за то, чтобы старое вернулось?

Сын ушел в комнату и тут же вернулся назад с книгой в руках.

- Ты этого хочешь? - с вызовом спросил он, бросив на стол книгу.

Это был "Архипелаг ГУЛАГ" в новом немецком издании.

Николу словно обухом по голове ударило. Он тупо посмотрел на книгу.

При чем здесь гулаг?

- Снова в лагеря? - продолжил сын. - Этим вам Родина отплачивала за ваши заботы о ней?! Шестьдесят миллионов сгноили, и снова...

- О, Господи! - воскликнула жена Николы. - Опять сцепились! У вас, мужиков, других тем нет, что ли?

Она, развернувшись, вышла из кухни.

Но отец и сын не слышали ее.

Брошенная на стол книга будто подняла муть десятилетий. Всякий раз бросаемая в горячих спорах она словно вздымала ее призрачную пелену, за которой всякий раз будто маячило нечто неясное и непонятное, поднимающее людей на нешуточные схватки. Это нечто поднимало одних на других, заставляя забывать обо всем и не видеть окружающее.

С минуту Никола стоял, ничего не соображая. Перед глазами вдруг всплыли стены лаборатории, Иван Иванович, бумажка со списком. Все это в тот же миг рухнуло, словно разбитое этой книгой, как тараном.

Наконец взгляд его начал проясняться. Он посмотрел на книгу.

- Сколько сгноили?! - тихо спросил он.

- Шес...

- Ты хоть немного шевели извилинами! - перебив сына, тихо начал Никола. - Или, - Никола снова стал заводиться, - они тебе по наследству не достались?! В стране тогда всего сто восемьдесят миллионов было! Шестьдесят - это каждая третья семья вместе с детьми и стариками! Кто бы с немцами воевал и как бы воевал?! - уже чуть ли не в бешенстве взревел он.

- На страхе и воевали! - повысил тон и сын. - Весь народ в страхе держали...

- Ты что такое принес? - спросила вошедшая на кухню жена. Она держала в руках бутылек.

- А ты... ты что, - не слушая ее, продолжал кричать сыну отец. - Ты этот страх видел?! Ты жил тогда, чтобы его видеть?!...

- Не надо жить и видеть, чтобы знать! Вот читай сам...

Сын двинул по столу "Архипелагом".

- Чего ты мне ею тычешь? Я, небось, поболе твоего тех лет захватил. Я их знаю без книжек. Хотя... - Никола вдруг резко замолчал. Переведя дух, он медленно взял книгу.

- Ты ответишь мне или нет? - вновь вклинилась жена.

Никола, не слыша ничего, посмотрел на сына сосредоточенным взглядом.

- Ты сам-то внимательно ее читал?... - спросил он.

- Кого? - опешил от неожиданности сын.

- Не кого, а что! Книгу эту внимательно, спрашиваю, читал?!

- А как еще? От корки до корки.

- Я спрашиваю - вни-ма-тель-но?

- Ну...

Никола снова ненадолго замолчал, не сводя с сына пристального взгляда.

- Не знаю, что там такое... - неожиданно ответил он жене.

- То есть?

- Какое-то общеукрепляющее... - бросил Никола и тут же вновь обратился к сыну.

- "Ну", говоришь! - сказал он ему, - Ну раз "ну" - так "ну"... А теперь давай откроем ее вместе.

- Какое общеукрепляющее? - опять вмешалась жена. - Где ты это взял? Почему без этикетки?

- Откуда мне знать?! - ответил ей Никола, углубляясь в книжку. - На улице продавали.

- То есть, как это, на улице?! Тебе сколько раз говорить, чтобы ты в аптеках лекарства покупал?

- Не хватило денег на аптеку...

- О господи! Мало у нас травятся, что ли? Это можно сразу выбрасывать, не вскрывая.

- Не надо выбрасывать! - не отрываясь от книжки, сказал Никола. - На себе попробую...

- Ну, щас! - возразила жена. Бутылек загремел в пустом мусорном ведре.

Женщина, развернувшись, вышла из кухни. Но Никола уже ничего не видел и не слышал, он был полностью погружен в чтение.

- Говоришь, в страхе жили, - произнес он, листая страницы. - Говоришь, в этой книжке ты это прочитал.

- Да, прочитал, - буркнул сын.

- Ну-ну! Ты прочитал, а он написал... Вот! - Никола остановился.

Он распрямил хрустнувшую книжку.

Муть десятилетий снова дохнула с ее страниц.

- Именно так эта книжка и пишет, - проговорил Никола, не отрывая взгляда от книги. - Все было черно и все мрачно, сплошные страхи и репрессии. Да, вот только книжки можно читать не только по строчкам, но и между строк.

- А там, - продолжил Никола после небольшой паузы, - совсем иная картина может прорисоваться. Причем, совершенно против воли автора. Это как в плохом кино: снимают времена инквизиции, а на заднем плане, в небе - самолет. Не такая, однако, жизнь меж строчек читается... не та, какой ее описал писатель.

- Сейчас тебе покажу, - сказал Никола, выискивая что-то по тексту, - как надо мозги при чтении книг применять.

Сын, ухмыльнувшись, выжидающе посмотрел на него.

- Вот хороший пример! - Никола, поморщившись, остановился на одной странице. - Вот тут Солженицына арестовали уже. Вот следствие. Вот! - Никола снова хрустнул книжкой. - В общем, в органы попала его переписка с друзьями. Сплошь и рядом в ней, вот, цитирую, - Никола скользнул хмурым взглядом по ухмылке сына, - "крамольные мысли" и "подозрительные выражения". Он - Солженицын - конечно, тут герой. Он тут боится потянуть за собой в гулаг, цитирую, "чистых, мужественных, мятежных" людей и "плетет, вот смотри, следовательно все что-либо правдоподобное", "сколько надо, вот, раскаивается", "сколько надо, вот, прозревает". Но, однако, дневник...! - Никола опять покосился на сына. -

Представляешь, он, олух, вел дневник, который тоже попал...

- Он не олух!! - вскинулся сын.

Никола на мгновение запнулся, взгляд его потемнел.

- ...В общем, он вел дневник, который тоже попал в органы, - четыре блокнота, вот, цитирую, "полных рассказов однополчан о коллективизации, о голоде на Украине, о тридцать седьмом годе". Тут он "прозрачно, вот, смотри, так он и пишет - "прозрачно", обозначал" тех, кто ему все это рассказывал. Теперь он... не олух... боится и за этих людей. Однако, к его большому счастью, после четырех месяцев следствия эти блокноты были, вот, смотри, как пишет, "зашвырнуты в зев лубянской печи"...

- А теперь, - сказал Никола, сосредоточив взгляд на сыне, - я задаю вопросы.

Если все жили в страхе, если доносы процветали, если, вот, читаю, "воронки" непрерывно шныряли по улицам, а гебисты стучали и звонили в двери", то какого черта, - Никола начал заводиться, - он открыто, не пряча, вел дневник?! Что за идиоты доверяли малознакомому человеку свои "полные рассказы о тридцать седьмом годе"?! Почему он не шифровал фамилии этих людей, а, ну не олух ли, на самом-то деле, прозрачно обозначал их в своих записях?! Как он и его друзья могли в открытой фронтовой переписке высказывать "крамольные мысли", ведь письма с фронта обязательно проверялись, фронтовая цензура всегда велась во всех странах, и ее никто не скрывал?! И, наконец, что за д-у-р-а-к такой был следователь?! Бросил тетради в печку! Не думаю, что он их

даже не прочитал... Он же упустил шанс засадить целую группу "заговорщиков".

- Вот, читаю, - Никола вздрагивающими пальцами отлистал несколько страниц назад, - органам нужен был целый "стрельчатый веер имен", "расширенное воспроизводство их". "Это, вот, читаю специально для тебя, и признак качества их работы, и колки для накидывания новых арканов. "Сообщников! Сообщников! Единомышленников!" - напорно вытряхивали из всех". А тут, - Никола задержал взгляд на сыне, - после че-ты-рех-ме-сяч-но-го разматывания клубка засадили только двоих. Именно тех, с кого и начали следствие. Ну хотя бы еще пяток-десяток прибавили из "стрельчатого веера имен" кровожадные органы...

- Ну, так о чем же это говорит? - спросил Никола, резко снизив тон и в упор посмотрев на сына.

Тот, насупившись, молчал. Муть десятилетий с маячившим в ней призраком невидимо клубилась над ним.

- Либо о том, - ответил на свой вопрос Никола, - что в стране одни олухи да дураки жили, либо, - взгляд Николы отвердел, - о том, что не жили люди во всеобщем страхе. Они спокойно друг другу все рассказывали, они писали, не боясь, письма, гэбисты не ходили и не стучали везде и всюду. Не стояла перед ними задача накидывать всюду колки, раз уж они не воспользовались тем, что оказалось у них прямо в руках, - дневником Солженицына.

- Но шестьдесят миллионов - это же факт! - резко вскинувшись, возразил сын.

- Шестьд... - Никола задохнулся от возмущения, - Да, такую цифру никто и никогда не просчитывал. Подсчитать ее могли только сами органы, а они называют не шестьдесят, а три миллиона!

- Врут! Солженицын пишет о шестидесяти...

Висящий в воздухе призрак обрел конкретные очертания. Он стал похож на старика с маленькими глазами и длинной, но редкой бородой...

- Ну, во-первых, - мотнув головой, ответил Никола, - он не мог знать не то что точную, но даже приблизительную цифру. Ну, сам прикинь мозгами! Откуда бы он ее знал? Точно пересчитать он мог только сокамерников. А во-вторых, если бы было шестьдесят, то он, как житель того времени, не мог не заметить, что в Сибирь и на Соловки отправляется каждый третий его сосед со всей своей семьей, что города катастрофически пустеют, представь себе: в нашей девятиэтажке три этажа "освободились" бы, и тогда он точно не писал бы никакие дневники, и н-и-к-т-о н-и-ч-е-г-о ему бы не рассказывал...

Никола резко замолчал. Ничего не отвечал ему и сын.

За окном уже была полная ночь. Жена в соседней комнате не ложилась спать. Дожидаясь их, она смотрела телевизор. Редкие окна светились в доме напротив. Ночной двор был пуст... если не считать одного человека, сидевшего на скамейке и всматривающегося в светящиеся окна.

* * *

Однако, стоп, стоп, стоп...

Здесь на правах автора я хочу вмешаться. Вижу, вижу, да-да вижу твое изумление читатель: какая же это фантастика!?

Да и сам я себе удивляюсь. К чему все это, и как это могло попасть сюда?!

Но, однако, все это попало в повесть исключительно потому, что все это реально происходило в действительности. Именно реально. Ведь никакой фантаст не будет хорошим фантастом, если он не будет опираться в своих произведениях на те или иные неумолимые реальности. Так давайте будем реалистами - в любой беседе оппонентов, как только речь заходит о советских временах, сразу вызволяется на свет тема тридцатых годов. Едва один из оппонентов начинает вспоминать о социализме что-нибудь хорошее, как оппонент ему замечает: "А как же ГУЛАГ?". Едва на мои страницы попала история о работающей лаборатории и советском червонце, как буквально на ее плечах в повествование ворвалась уже прочитанная вами полемика. Считайте, что так произошло против воли автора, ибо в нашей сегодняшней жизни такие споры происходят постоянно. Будто все советские годы были сплошными годами тридцатых. Увы-увы-увы! Удивительно только, что противники Советов не вспоминают другой пример: церковь - высокая и нравственная церковь - тоже прошла через период жуткой инквизиции и гонений за инакомыслие, причем куда более жестоких. Даже термины, которые берутся для

характеристики тридцатых годов, родились именно во времена церковного мракобесия. Однако ни у кого сегодня не возникает мысли разогнать и запретить ее за это. Почему, говоря о "преступлениях коммунистического режима", не вспоминают о Хиросиме и Нагасаки? Только одна из этих бомбардировок перехлестывает по своему чудовищному цинизму все сталинские годы. Там хоть была борьба, а здесь - просто колоссальное убийство беззащитных людей. Даже если принять изуверскую версию о необходимости таких бомбардировок для ускорения окончания войны, то все равно спрашивается, почему этих бомбардировок было две? Чтобы сломить японцев, достаточно было бы одной, причем, не в густонаселенном городе, а где-нибудь в поле, в месте скопления войск. Зачем нужна была *вторая* бомбардировка?...

Эх! Не хотелось бы, конечно, писать о таком! Мне бы сейчас отвлечься от *такой* реальности и писать не том, как Никола спорил со своим сыном, а в духе совсем другой, развивающейся в те годы жизни, той, что поднималась из руин, в добрых традициях фантастов тех времен - помните, как писали Ефремов, Беляев, Кир Булычев, Стругацкие? - писать о полетах и открытиях, о высоких мечтах и о загадочных мирах, о звездных туманностях и о взлетах человеческого разума... Ну или, если уж не замахиваться на корифеев, а скромно приземлиться к нашему сюжету, хотя бы о том человеке, который сейчас сидел в ночном дворе под окном Николы и его сына...

В общем-то, я, конечно, неспроста второй раз упомянул об этом человеке. Ибо сидел у них под окнами... Артем.

Хотя, впрочем, здесь я не совсем точен. Двор Николы на самом деле был пуст и... не пуст одновременно.

Артем сидел в нем, но был от него далеко, очень далеко, неизмеримо далеко...

Артем-Артем! Непокойная душа. Его ноги привели его во двор, где он когда-то мельком увидел ту самую рыжую девчушку, которая сегодня встретила его в парке. В первый момент он даже не думал об этом. Он просто завернул сюда бесцельно гуляя, и все... Дальше он не смог ступить ни шагу. Рыжая девчушка всплыла в его памяти. Этот двор напомнил о ней, точнее, о мимолетной встрече, которая когда-то с ней здесь произошла.

Артем опустился на скамейку. Он понял, почему он здесь оказался. Ему надо, очень надо увидеть эту рыжую девчушку. Вряд ли он сейчас мог бы объяснить, зачем ему это нужно было. Перед ним стояли золотистые лучики в ее глазах. Они играли в ночной темноте, и оттого где-то очень-очень глубоко в его груди разгорался огонек необъяснимого щемящего чувства. Ему надо было, очень надо было понять, откуда у нее эти лучики...

Эх! Писать бы сейчас об этом!

Но над двором, в котором сейчас сидел Артем, как и над всем миром, нависла темная ночь.

Артем не ошибся двором, но сидел он все-таки не здесь, а в другом мире. А этот мир был миром того незримого призрака, который сейчас витал над нешуточной схваткой Николы и его сына. Мне надо возвращаться к ним. Я ведь

пишу фантастику, а этот мир седого призрака - и есть самая настоящая фантастика.

Хотелось бы еще немного задержаться с Артемом, но я не могу бросить Николу, его сына и ту книжку, которая сейчас лежала между ними и которая разделяла их непреодолимой границей. Это может показаться странным, но ваш покорный слуга считает эту книжку тоже фантастикой, даже талантливой фантастикой - произведением того же ряда, что и, например, роман Оруэлла "1984". Ведь если бы мир реально был бы, не дай бог, именно таким, если бы все, в этой книге описанное, было бы сущей правдой, мрачной, зловещей и неотвратимой реальностью, то этот черный мир рухнул бы от первого же шального выстрела немецкой пушки в далеком сорок первом году. И потому автор счел вполне возможным вложить в канву своего повествования упоминание о том романе. Ибо это позволила ему сделать схожесть жанров...

Конечно, на этот счет могут быть разные мнения, но нередко фантастика скрывается именно под маской реальности, а если фантастика завуалирована под реальность очень и очень талантливо, настолько талантливо, что даже самая невообразимая история вдруг воспринимается как нечто совершенно естественное и совершенно даже возможное, то такая фантастика способна переворачивать души. Она погружает сознание человека в сон ирреальности, наполняя его мифическими верованиями, стереотипами и предубеждениями. События, которые возможны лишь гипотетически, уже видятся как нечто совершенно обязательное, видятся как нечто, без чего История даже не представляется логичной и объяснимой.

Люди творят Историю, и люди же ее трактуют. Как-то мне довелось услышать такую фразу: "Посмотрите эту кинохронику, и вы поймете, как все происходило". Нет, уважаемый! - хочется ответить на это. - Вы поймете, не как что-то и где-то происходило, а как на это посмотрел автор фильма. Увы-увы! В этих "объективных" рассказах очень много субъективных оценок, и зачастую мы безотчетно сами заражаемся ими, принимая печатное слово и комментарий к кинохронике за истину. Ведь поверил же сын Николы в то, что страна была именно такой, поверил в "демоноподобие" "органов". Вот и сейчас "миллионы" продолжают свербить душу молодого человека...

* * *

- ...Но три миллиона, - заговорил сын Николы, - это тоже много!

Никола поднял глаза на книгу. Угасшее было мутное видение вновь заколыхалось в воздухе. Отец и сын после долгого молчания уже остыли от спора, и, может, поэтому Николе понадобилось какое-то время, чтобы понять, что сейчас сказал его сын.

- Три? - переспросил Никола после некоторого молчания.
- Сегодня в тюрьмах по всей стране сидит более трех миллионов уголовников... Впрочем, - сказал он после небольшой паузы, - есть такая наука - социология, которая утверждает, что в любом обществе всегда есть около двадцати процентов инакомыслящих. От ста миллионов

взрослого населения, которое жило тогда в стране, это - двадцать миллионов. Вот и прикидывай, "три миллиона" - много это или мало. И учти, что в это число входили и власовцы, и служившие немцам полицаи, и бандиты, типа бендеровцев, то есть те, кто свой срок, бесспорно, себе заработал.

- Ну не знаю! Причем здесь полицаи? Вместе с ними сажали и самых лучших людей, - сын заговорил вдруг слогом какого-то телеведущего. - Можно ли измерять их судьбы процентами?

- Да, - немного замявшись, тихо ответил Никола, - чистили в основном интеллигенцию, высших и средних руководителей.

- Но на чьей совести, - так же тихо продолжил он, - большая доля ответственности за репрессии? На тех, кто чистил, или на тех, кто доносил? Видимо, в их среде было больше гнили - тех, кто стукачеством сводил счета, расчищал себе карьерную дорожку. В простом люде карьеры не существует, как таковой, потому не было и...

- Ну ты, отец, вообще?! - опять возмутился сын. - Тут вообще, человеческие судьбы...

Никола ничего не ответил, продолжая глядеть в стол. Меж ними вновь зависла тяжелая пауза.

- Знаешь, - через некоторое время тихо проговорил Никола, - наш дед, то есть твой прадед, тоже был раскулачен.

Взгляд Николы потяжелел. Он еще ниже опустил голову.

- По дороге в ссылку умерли от голода обе его дочери. В ссылке у него родилось еще четверо детей. Войну они пережили очень тяжело. Сильно голодали. Однако все их дети выросли, получили высшее образование. В пятьдесят пятом они бежали из ссылки. Переехали всей семьей поближе к родственникам. Те помогли им спрятаться, приобрести дом в глухой деревне, устроиться. Органы их разыскивали и нашли. Несколько раз наведывался к ним в дом председатель с бумагой от органов. Бабушка рассказывала, как заходил он в хату, садился за стол, как она ставила ему стакан наливки, и как он расспрашивал деда о жизни, о том, как работает, как учатся дети. Потом председатель что-то отписал органам. Деда не тронули.

- Там родился я, - немного приподняв взгляд, продолжил Никола. - Как видишь, выучился, работал в лучшем НИИ. Перед нами открывалась хорошая перспектива...

- Мой прадед, его отец, - продолжил Никола после некоторого молчания, - который еще воевал в японскую и который вместе с ними был отправлен в ссылку, как-то еще в ссылке сказал, что все равно новая власть - правильная.

Исправила, понимаешь, исправила власть свою ошибку. Время залечивало раны. Тяжелые годы переживали, но постепенно выкручивали, перебарывали трудности...

Никола снова ненадолго замолчал.

- Цены бы этой книге не было, - сказал он, кивнув на "Архипелаг", - если бы Солженицын написал, почему, несмотря на репрессии, люди не боясь, открыто доверяли ему свои "полные рассказы о тридцать седьмом годе", высказывали в открытой фронтовой переписке

"крамольные мысли", *почему* они жили с поднятой головой. Откуда они брались - "чистые, мужественные, мятежные"? Это же его слова! Чуть больше бы внимания надо было уделить следователю. Ведь не сохранил тот тетради начинающего писателя, а сжег их. Четыре месяца он вел следствие. Ты только вдумайся - че-ты-ре! За это время он наверняка проверил всех фигурантов из этих тетрадей. Он, видимо, понял, что попади эти тетради в нечистые руки, они могли бы быть прочитаны как улика, и решил их от греха подальше уничтожить. Вопреки инструкциям! Тоже ведь поступок! Такие поступки постепенно, шаг за шагом выправляли ситуацию. Вот что еще можно прочесть меж строчек этой книги. Вот действительный герой этого произведения, а не распустивший нюни подследственный... Эх! Какие люди жили в то время!!!

Никола резко поднялся, словно вздымая плечами нависший над ними невидимый туман.

- Люди жили нормальной, - быстро заговорил он, - полноценной жизнью. Нормальной! Об этом надо было писать. О внутренней силе, которая, несмотря на свалившиеся на них репрессии, позволяла им глубоко видеть ситуацию, говорить, что все равно та власть была правильной.

Никола на какое-то время замолчал, задумавшись.

- А внутренней силой, - все еще оставаясь в задумчивости, продолжил он, - была большая мечта (это уж я так полагаю) о светлом будущем... о городе Солнца, который люди еще испокон веков задались построить. Они жили этим, они верили, что теперь-то этот город почти рядом. Та власть

была притягательна именно тем, что вместе с ними строила этот город. Именно за это ее называли правильной. Люди несли каждый свою лепту в этот город и были счастливы этим.

- Ты пойми! - Никола наклонился через стол к сыну. - Это не высокие слова. Ведь что такое счастье просто для человека? Это когда ты не только получаешь радость, но и сам доставляешь ее кому-то. Если тебе этого не дано - ты животное. Ну, скажи, разве это не так? Они жили несладко, но они для нас с тобой - своих детей и внуков - строили прекрасную, как они считали, жизнь... Их жизнь была намного полноценней нашей, потому что не ради "бабла" они жили... Это было незаметное счастье, но оно было глубоким, не поверхностным, не животным, оно наполняло смыслом само их существование. Это то самое глубинное счастье, которое мы прямо не осознаем, но которое мы по наитию воспринимаем как тот самый необъяснимый, но понятный каждому смысл жизни. Вот почему их жизнь была полноценной, настоящей человеческой жизнью, *вот почему* люди, имея в своей среде подонков и доносчиков, жили сво-бод-но. Говорили обо всем, писали...

Вот о чем надо было писать. Вот она - солнечная сторона нашей жизни. Вот что надо было почувствовать и понять. Но, чтобы все это написать, нужно было стать вторым Толстым и написать вторую "Войну и мир". А это ой как непросто. Проще рубануть, оплевать и охать все. Проще потрафить "животным". Те всегда были...

- Чего сделать "животным"?

Никола, осекшись, продолжительно посмотрел на сына.

- Потрафить. Те всегда, говорю, были среди людей. Их "хвосты"... то есть их "свободы", были, действительно, прижаты, а вот сейчас они взяли верх...

Никола снова продолжительно посмотрел на сына.

- Чего сделать "животным"... - усмехнувшись, передразнил он сына. - Вам в школе хоть какие-нибудь книги задают читать?

- Эту книжку проходим.

Никола со всей силы ударил кулаком по столу.

- И тут вас подмяли! - процедил он. - Просто вымывают мозги! Откуда ты ее взял?!

- У нас в школе иностранные гости были. Всему классу подарили...

- Ну, так и знал, что не на свои деньги! - зло выпалил Никола. - Ни у нас, ни у школы их просто нет!

- Ты понимаешь! - быстро заговорил он. - В нашем мире ничто никуда не исчезает. Опустел наш холодильник - значит, наши продукты перекочевали в другие. Одни в изобилии потому, что другие в нищете. Прекратил исследования наш институт - значит, фору получают забугорные. И вот одним не хочется расставаться со своим изобилием, а другим терять фору, а для этого им нужно засорять наши с тобой головы, - Никола двинул по столу книжкой, - чтобы мы до этой простой арифметики не додумались, чтобы не предъявили свои права...

- А, впрочем, - уже тихо добавил, медленно садясь, Никола, - имея танки, наплевать им на наши права.

Он посмотрел на сидящего перед ним сына. Тот, ссутулившись, сидел на табуретке, глядя в стенку. Худощавый и низкорослый, он вдруг вызвал у Николы чувство жалости.

Кто будет учитывать его права?

Николе вспомнилось, как сын выселялся из своей детской комнаты, когда они продавали ее дяде Мише. Всем его пожиткам, настольным играм и книжкам они выделили место в их общей теперь уже комнате. Маленький, угловатый мальчишка очень долго ходил поникшим. Он лишился своего небольшого собственного мира. Он уже не мог приглашать к себе своих сверстников. Он все знал, он понимал, что комната продается, потому что в семье кончились деньги. Но он ни разу не упрекнул за это родителей...

Никола опустил взгляд. Меж ними воцарилось долгое молчание.

- Так ты что, отец! - вдруг пробубнил сын. - В самом деле хочешь, чтобы старое вернулось?

Никола не стал ничего отвечать.

Когда-то на днях он рассказывал сыну о случае, который вычитал в газетах лет десять назад. В одной фирме расстреляли молодого сотрудника - расстреляли за то, что он попытался воспрепятствовать каким-то темным делишкам фирмы. Сын, выслушав его тогда, усмехнулся наивности молодого человека: "Разве трудно было предвидеть исход такого "геройства"?" Николе не удалось убедить сына в том, что тогда это, действительно, трудно

было предвидеть. Самочинный расстрел, проведенный на глазах у всех сотрудников, был по тем временам немыслимой дикостью. Совсем иною была жизнь. Теперь из сегодняшнего, перевернутого, далеко тот поступок парнишки действительно кажется безрассудным, но тогда он был естественным. Тогда людей, пусть грубо, топорно и порой шаблонно, но воспитывали на честности, воспитывали на ответственности за все происходящее. Неестественным по тем временам был именно исход этого события. Сегодня это невозможно объяснить новым молодым людям. Они уже не представляют, что когда-то можно было безбоязненно биться за справедливость. Тем более, когда им изо дня в день вкручивают в мозги страшилки о лагерях. Это то самое "старое", чего сын, наверное, уже не в состоянии понять. Это то самое "старое", которое не имеет временных характеристик, которое не измеряется критериями "старое-новое". Это просто *другое*. Порой, говоря о чем-либо советском, вызывают стереотипы двадцатых-восемидесятых годов. К ним, действительно, можно применить слово "старое". Но не будь исторического разворота начала девяностых, и советское двухтысячное было бы совсем иным, непохожим как на свои "восемидесятые", так и на нынешние "несоветские двухтысячные". Оно было бы "*новым*", но совсем другим "*новым*", непременно другим. Как раз это самое "*другое новое*" и увиделось Николе в его сегодняшнем необъяснимом сне.

Никола взглянул на сына и вспомнил студентов из лаборатории, как они пытались исправить сбой в эксперименте. Можно ли представить его сына вместе с ними? Способен ли он на восторг от резонанса ионного

генератора, или его сын может радоваться только удачно срубленным "баблам"?

Отец и сын сидели друг против друга. Никола молча смотрел в пол. Точно так же молча сидел и его сын.

Отец и сын. Похожие друг на друга, оба невысокие и худощавые они одинаково сидели, ссутулившись, одинаково смотрели, каждый прямо перед собой, и даже, казалось, одинаково молчали. Они были очень похожи, но были словно из разных миров. Можно не сочинять никакой фантастики о параллельных мирах, а просто списать все с них. Это, действительно, были два совершенно разных мира, меж которыми кто-то каждодневно вбивал, вбивал и вбивал огромный клин. Кто-то последовательно и методично отдалял их друг от друга... все дальше, дальше и дальше... Базаров с Кирсановым могут спать на том свете в обнимку. Их разногласия по сравнению с тем, что было между Николой и его сыном, - просто легкое досадное недоразумение.

Отец и сын сидели друг перед другом, а между ними, разделяя их, лежала на кухонном столе поблескивающая мутным гляncем книга.

Каждый раз, когда телевизор, или кто-либо еще начинает ворошить при вас тему тридцатых и других годов прошедшего века, оглянитесь по сторонам. Может, вам удастся разглядеть беснующуюся призрачную тень, может, вы сможете разглядеть, как едва заметно она разъедает этот мир, как она постепенно растворяет его в небытии.

Неожиданно в кухню вошла жена Николы. Ее лицо было белее набеленной стенки.

- Дядя Миша умер... - сказала она почти шепотом.

- Как умер?! - подскочил Никола. - От голодного обморока не умирают!

Он побежал в темную комнату...

XI

... Хлопнула дверь. Дядя Миша от стука открыл глаза.

Нет, он не умер. В комнате только что была его дочка. Теперь за дверью застучали ее каблучки. Она быстро убегала по лестнице. Она уезжала в пионерлагерь.

Дядя Миша приподнялся на локти. Комната была залита солнечным светом. Солнце, обильное солнце будто растекалось по стенам, мебели, кровати... Им щедро был насыщен свежий воздух комнаты. Взгляд дяди Миши упал на стол, стоящий рядом с кроватью. Там в пустой банке стояла роза.

Тело еще ощущало слабость от болезни, но дядя Миша почувствовал в себе силы встать. Он поднялся с кровати и подошел к окну. Там просыпался город.

В ушах все еще звенел залиvistый голосок дочери... Как же ему снова захотелось увидеть ее лицо! Он так и не нагляделся на нее. Он будто не видел ее много-много лет.

А ведь когда-то дядя Миша жалел, что его дочери достались папины черты лица. Рыжее, с крупными веснушками, близко посаженными глазами и большим

ртом - ну зачем такое лицо девочке? Ну почему бы ей, огорчился отец, не пойти в маму? Однако, дивное дело, сама Юля совсем не переживала по поводу своей внешности. Она и не думала о ней. Это был чудный, веселый ребенок. Брызжащая озорным светом улыбка никогда не сходила с ее лица. Бойким неунывающим колокольчиком звенело каждое ее слово. И, казалось, солнечные зайчики разбегались по сторонам, когда она заливалась смехом.

Рядом с ней никак не получалось грустить. Рядом с ней просто не хотелось грустить. И порой даже добрая белая зависть овладевала людьми. Удивительное дело - глядя на нее, иной раз думалось: "Ну почему бы и мне не излучать такие же веселые лучики? Это же так просто и легко!". После нее и в самом деле хотелось излучать... Мальчишки - очень придирчивые мальчишки - тянулись к рыжей девчужке. Да, собственно говоря, рядом с ней невозможно было быть придирчивым... И после общения с ней - тоже... Разборчивые мальчишки влюблялись в нее. Глядя на ее необыкновенные золотистые глаза, трудно было представить, как на этом свете можно быть грустным, недобрым, скучным, а ее необычная, лучистая и всегда живая улыбка не оставляла сомнения, что наш мир - чистый, светлый и очень-очень радостный. Рядом с ней просто забывалось, что мир может быть каким-то иным...

Дядя Миша повернул ручку окна. Мягкий пластик чмокнул словно спросонья.

Юля-Юля! На твое лицо трудно наглядеться... особенно после такого долгого тяжелого сна...

В эту минуту она еще сбегала по лестнице, уезжая в пионерла... Нет! Дядя Миша грустно улыбнулся - не пионерлагерь. В этот раз это был уже спортивно-туристический лагерь. Его дочурка уже чуть-чуть подросла.

...Подросла... Легкая грусть продолжала теплиться на морщинистом лице дяди Миши. Юля была очень поздним ребенком. Жена подарила ему дочку - его маленькое солнышко, когда он уже на это совсем не надеялся...

Неожиданно дядя Миша увидел знакомую фигуру. Во дворе стоял Артемка. С недавних пор он почему-то чаще, чем обычно, стал навещать дядю Мишу. Сиживал он у него понеделугу, однако каждый раз приносил какую-нибудь новость. Иногда они что-нибудь обсуждали и даже спорили. Но была одна тема, о которой они оба избегали вспоминать, - о том давнем случае, который свел их однажды на краю хлебного поля.

...Как же давно это было. Иногда дядя Миша вспоминает о том случае, как об эпизоде из какой-то другой - совсем чужой жизни...

Они тогда стояли на краю большого хлебного поля по разные стороны пыльной дороги. Их разделяли несколько человек с... автоматами наизготовку.

Да-да, в руках у тех людей были автоматы. До этого случая дядя Миша просто представить себе не мог, что автоматы могут держать в руках не облаченные в военную форму люди. Все было как в кино...

Он теснился в кучке сотрудников фирмы и словно парализованный смотрел на эти автоматы и на все происходящее.

По другую сторону дороги стоял Артемка. Он стоял необыкновенно спокойно. Лицо его было поднято к солнцу, на которое он смотрел прямо, без прищура. Дяде Мише никак не верилось, что все происходит по-настоящему. Все, что видели глаза, отказывалась принимать голова. Вдруг клацнули затворы, и неизвестно как стали бы развиваться события, если бы в этот момент вдруг кто-то не крикнул.

"Дар!" - этот крик словно резанул воздух, встряхнув всех. Автоматчики удивленно оглянулись. Опустил удивленный взгляд и Артемка.

Этот крик будто сдул с дяди Миши какой-то дурман. До него вдруг отчетливо дошел весь ужас происходящего. До него вдруг дошло, что перед ним не кино, совсем не кино! Ему вдруг представился Артемка, согнувшийся от боли и падающий лицом в дорожную пыль.

Дядя Миша шагнул вперед и... перебарывая дрожь в коленках, направился прямо на опешивших автоматчиков...

Дядя Миша иногда вспоминал те шаги - невероятно тяжелые шаги - самые тяжелые из всех, какие он когда-либо делал в своей жизни. Но не хотелось ему говорить с кем-нибудь об этом. Артемка тоже избегал этих воспоминаний. Он явно старался оберегать от них дядю Мишу. Ведь тот случай сильно подкосил здоровье старого человека.

"Ну, хватит об этом!" - подумал дядя Миша, отгоняя нелегкие мысли. Он оглядел двор.

Улица только-только просыпалась. Поблескивали умытые поливальной машиной дороги. Дворники с метлами расходились по домам. Спешили на работу первые пешеходы. Утреннее солнце заглядывало в многочисленные квартиры, поднимая с постелей засонь. То здесь, то там навстречу ему распахивались створки окон. Люди запускали в свои дома свежую уличную прохладу.

Дядя Миша снова посмотрел на Артемку. Несмотря на то, что тот нередко приходил к нему, они ни разу не пересеклись с Юлей. Дяде Мише подумалось, что хорошо было бы познакомить Юлю с Артемкой. Они оба - такие чистые и светлые...

Ему захотелось окликнуть Артемку, как вдруг...

- Юнна! - крикнул Артемка.

Дядя Миша вздрогнул от неожиданности.

И вдруг он увидел, как из подъезда к Артемке со всех ног летит... его Юля.

"Чудно как-то он ее назвал, - удивленно подумал дядя Миша. - Так они знакомы?!"

А Юля, действительно, будто летела к Артемке. Ее маленькие ножки, казалось, совсем не касались земли, и лишь небольшая походная сумка не давала ее рукам подняться словно легким белым крылышкам.

Так, с разбегу, она чуть было не взлетела Артемке на шею. Но в одном шаге от него она резко остановилась. Видно было, как какое-то время они оба пристально всматривались друг в друга, и вот, наконец, Юля в одно

мгновение оказалась у Артемки на шее, обвив ее своими маленькими ручонками.

"Так вот какой у тебя поезд!" - подумалось дяде Мише, а Юля будто почувствовала, что отец смотрит на нее, и оглянулась на окно.

Ее яркое от больших веснушек лицо - папино лицо - вспыхнуло от смущения и от... несказанного счастья.

Дядя Миша смутился сам. Он отстранился было назад, но не смог оторваться от окна.

Какой же красивой была его дочка в эту минуту! Самой красивой девочкой на всем белом свете!

XII

Однако, стоп-стоп, прервусь еще раз.

Предвижу недоумение читателя от того, что та самая героиня - далекая солнечная волшебная красавица, которую так долго искал мой герой, - вдруг открылась на этих страницах в очень странном образе. Потрясающая по красоте богиня солнечных недр неожиданно предстала девочкой, которую автор будто нарочно несколько раз назвал некрасивой. И все же это, действительно, она! Предвижу не только недоумение, но и даже досаду читателя. Наученный многочисленными примерами из литературы (да и, увы, примерами из реальной жизни тоже) читатель мог бы ждать сильного потрясения героя. Ведь сколько раз мы читали и слышали о том, как отворачивался какой-либо герой от предмета своих грез и исканий, когда вдруг обнаруживал его в "неожиданном" (аккуратно скажем) виде. Нет-нет, новая Юнна совсем не дурнушка.

Она только, увы, некрасива. Но все же после той самой, внезапной... хотелось бы увидеть ее нынешнюю в ином образе... Однако, кто она?

...Где-то в маленьком, неприметном дворе, каких тысячи в наших больших и маленьких городах, росла рыжая угловатая малышка. Обычно таким - некрасивым и нескладным - не просто бывает среди детворы, но этого никак нельзя было сказать о ней. Жутко конопушчатая и небывало угловатая, она отнюдь не была замкнутым и необщительным ребенком. Девчушка росла необычайным шалуном, смешливым и подвижным проказником. Без нее во дворе не проходила ни одна шумная игра. И, вообще-то, никто и не замечал, что она некрасива. Всем в ней виделся лишь маленький забавный волчок, который никогда не знал покоя.

Не знаю, доводилось ли вам встречать в жизни таких вот живчиков. Если да, то вы не можете не знать, какими порой чудесными они бывают, как незамечаемы становятся какие-либо недостатки их внешности, и, напротив, какими интересными со временем они начинают всем казаться. Окружающих даже умиляет нескладность неусидчивой малышки, так что иной раз и сама эта малышка не догадывается, как не повезло ей с внешностью. Не догадывалась бы об этом и сама наша героиня, если бы не бежали ее непоседливые деньки. Девчушка росла, и, подрастая, она, конечно же, стала обращать внимание на некоторых мальчиков... И вот однажды подушка неказистой конопушчатой девчонки вдруг познала горькие слезы. Маленькая, еще детская подушка упрятала в себе

первые девичьи грезы. Девчушка все чаще и чаще стала обращаться к зеркальцу. Увы, не видела она там то, о чем мечталось подрастающему юному созданию, - крохотное зеркальце дразнило ее большими рыжими конопушками. Маленькой девчушке оставалось лишь закрывать свое отражение такой же конопушчатой ладошкой и уноситься в далекие сладкие мечтания.

И вот одной удивительной ночью приснился девочке сказочный сон. Она была в нем большой, взрослой девушкой, и была она красоты непередаваемой. Похожие сны случались и прежде, но в этот раз все было по-особенному. В этом сне она крепко дружила с Солнышком. Чудное и милое Солнышко приняло ее к себе в гости. Оно открыло ей свои феерические огненные замки, искупало в своих золотисто-желтых туманах. Своими волшебными лучиками оно обратило конопушки девушки в веселые золотистые зайчики. И встретился девочке там, на Солнышке, красивый мальчик, который сильно-сильно полюбил ее...

Сон был удивительным, ясным и таким взаправдашным, что, проснувшись, девочка стремглав бросилась к зеркальцу и... И (сон, конечно же, оказался всего лишь сном) снова были горькие-горькие слезы. Весь тот день родители не могли понять, что случилось с их чудным ребенком, и не сразу все заметили, что появились у девочки новые приметы - легким золотцем наполнились ее глазки, а каждая ее улыбка стала светиться маленькими, едва приметными лучиками...

А деньки ее летели дальше и дальше, со временем стало забываться необычное сновидение, и вдруг однажды в

шуме городского хаоса ей послышалось произнесенное кем-то ее солнечное имя.

"Юнна!" - это слово нечаянно слетело с незнакомых уст.

Молодой человек, погруженный в грустные мысли, незаметно для себя самого выговорил его. И будто солнечные вихри обдали девчушку своим огненным жаром. Сказочный сон вновь ворвался в ее душу, но теперь уже наяву, в неожиданных волнующих воспоминаниях.

"Дар!" - как-то само собой вырвалось у нее в ответ, и... грезы рассыпались. Молодой человек, проговоривший ее имя, посмотрел на нее растерявшимся, отсутствующим взглядом. Он не разглядел всколыхнувшиеся огненные бури в ее душе. И она, резко повернувшись, ушла.

И все же она не оставила этого человека. На следующий же день она нашла его и невидимой тенью повсеместно следовала за ним. Она почти каждый день видела его...

Юля-Юля! Как приятно выводить строчки о тебе. Как волнительно писать о твоих милых золотистых глазках и о твоём чудном колокольчатом голосе. Не знаю, может, кому-то из читателей мои описания Юли показались неубедительными. Может, читателю хотелось бы и здесь встретить ее такой же потрясающей красавицей, какой она была в далеком солнечном мире. Хотелось бы! Однако даже недолгое общение с нашей Юлей привело бы вас к мысли, что внешняя красота может оказаться не главным качеством у человека. Ведь не зря же я упомянул о том, что разборчивые мальчишки влюблялись в нее. Не знаю, как вам, дорогой читатель, но мне доводилось в жизни встречать некрасивых девчонок, в которых влюблялись

мальчишки. Ведь на самом деле, мальчишки и сами не знают, из-за чего они влюбляются. Хотелось бы со страниц этой книги подмигнуть всем некрасивым девчушкам, чтобы они не расстраивались из-за своей внешности - внешность может оказаться не главным. Главное, наверное, чтобы играли в глазах солнечные лучики. Излучайте их! Ведь это, на самом деле, так просто... (Хотите, подскажу, как это сделать? Разговаривая с кем-нибудь, неважно с кем - парнем, девушкой, старушкой или ребенком, представьте себе, что эти самые лучики у вас есть, и вам их нужно только излучить, и все!)

Однако мне надо возвращаться к дяде Мише, но не к тому дяде Мише, который, грустно и счастливо улыбаясь, сейчас смотрел на Юлю и Артема из полуоткрытого окна, а к тому, который лежал в это же самое время совсем в другом мире, в далекой темной комнате, и повествование о котором так неожиданно прервалось. Не все пока на белом свете так чисто и светло...

Дядя Миша! Где-то далеко-далеко ярким солнечным утром ты стоишь у окна и не можешь оторвать взгляда от дочери, а здесь, за невидимой пленкой небытия, в темной ночи ты недвижно лежишь на кровати. Этот мир уже никогда не колыхнется от твоего тихого дыхания, никогда не услышит постукивания твоего маленького трудолюбивого сердца. Но почему не жена стоит у твоей кровати, а чужая женщина? Почему не жена, а чужая женщина держит мокрый от слез платок у своих глаз?

Почему в сильном потрясении идет по ночной улице человек, с которым в том солнечном мире судьба, может, никогда и не свела бы тебя?

...Никола энергично шел по ночной улице. В одной руке у него был обмотанный изолентой радиоприемник. Другой рукой он широко жестикулировал, иногда выкрикивая в ночную пустоту резкие ругательства.

Несколько минут назад он стоял у кровати дяди Миши и тряс бездыханное тело. Затем он выскочил на улицу, непонятно зачем схватив радиоприемник.

- Врач-скотина! - кричал он в пустоту. - Скотина!!!

Увы, такого ругательства был удостоен тот самый врач Скорой, который день назад отказался "за бесплатно" отвезти дядю Мишу в больницу. Тот самый, который поставил диагноз на коленке.

Никола шел по улице, не понимая куда. Он зачем-то искал станцию Скорой Помощи. Он не знал, где она находится. Улица была пуста, и спросить было не у кого. Поэтому он шел туда, куда несли его ноги.

Вдруг в его глаза ударила знакомая иллюминация. Он опять оказался у проходной своего института. Прямо перед ним была витрина бутика нижнего белья. Там за полупрозрачными шторами были видны горящие свечи.

"Ночные примерки интимного белья. Вход - 50 у.е." - прочитал Никола вывеску.

Тут же у входа было несколько иномарок.

- Ах, вы гады! - вскрикнул Никола. - Интим устроили! Из-за вас мы не работаем, из-за вас дядя Миша умер...

Он, размахнувшись, швырнул в витрину радиоприемник.

Пробив стекло и сорвав тонкую штору, приемник влетел в помещение. Несколько свечей повалилось на пол.

Спустя некоторое время оттуда кто-то истошно завопил: "Бомба!"

Принять за бомбу влетевшее в помещение нечто, обмотанное изолентой и с торчащими проводами, было немудрено, и поэтому тут же из дверей на улицу выскочило несколько абсолютно голых людей. Тряся своими бесформенными телами и сверкая в ночи поджатыми от страха задами, они побились сначала в закрытые мерседесы, а затем быстро разбежались по улице.

- Бомба! - закричал им вслед Никола. - Да, бомба! Еще какая бомба!!!

Огонь, предоставленный сам себе, быстро поднялся по шторам и охватил помещение.

- Давай-давай! - закричал Никола. - Пали там все!

Он поднял над головой сжатые кулаки и запрыгал на месте.

Необъяснимое ликование охватило его. Потревоженные мерседесы разрывали ночную тишину воем своих сигнализаций, и под их аккомпанемент Никола стал ходить кругами, пританцовывая.

- Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

Огонь с явным удовольствием пожирал бутик.

Неожиданно пламя стало очень ярким. Что горело в комнате, трудно было понять.

"Там же, за стенкой, - вдруг подумал Никола, - бокс с газовыми баллонами... Убрали ли они его?"

И в этот момент раздался мощнейший взрыв. Воздух неимоверно больно ударил Николу в лицо. Институт перевернулся у него перед глазами...

В последний миг мозг успел запечатлеть, что вспышка была какой-то необыкновенной и странной. Золотистое свечение сменилось ярким, до боли в глазах ослепительным лиловым сиянием. Черные ночные окрестности сменились ярко-желтыми играющими всполохами...

* * *

"Эх, Никола-Никола! Что же ты наделал?"

Огромное черное пустое пространство простирается вокруг. Оно абсолютно пусто. Это, собственно говоря, - даже не пространство и даже не пустота. Это просто - ничто! То самое "ничто", каким пугают народ фантасты. Именно потому я и говорю о нем, что оно абсолютно пусто. Однако здесь, в этой пустоте теперь Никола.

"Никола-Никола!"

Молчишь!/? Конечно же, ты мне не ответишь.

"Но все-таки Никола, разве нельзя было по-другому?!"

Я смотрю в "ничто", будто он там слушает меня.

"На этот вопрос, Никола, ты тоже не ответишь, даже если и смог бы это сделать. Кто может это знать, можно ли было по-другому?"

Я разговариваю с пустотой, но как же хочется, чтобы Никола слышал меня!

"Ну, надо ли было кидать этот несчастный приемник в витрину?"

Я спрашиваю, но сам, конечно же, понимаю, что это произошло как бы само собой. Здесь вопрос "надо ли было?", наверное, не корректен...

Интересное дело - я ловлю себя на том, что сам отвечаю за Николу на свои вопросы. Даже делаю это его словами. Будто не я, а он сам отвечает мне... Между прочим, это нередко случается в реальной жизни. Мы часто отвечаем за своих собеседников - отвечаем в тех ситуациях, когда собеседники по какой-либо причине молчат. Как знать, может, это и есть тот самый незримый контакт между людьми, когда люди общаются не словами, а чем-то совершенно другим?

Но стоп-стоп! Не надо сейчас отвлекаться! Я могу потерять Николу - это так легко сделать здесь - в абсолютной пустоте. А мне надо, очень надо с ним побеседовать... Хотя бы таким вот образом...

"Ну, хорошо! - продолжаю я. - Не будем спрашивать, надо ли было кидать, спросим - почему это вышло?"

Никола молчит. Никакие ответы за него не приходят и мне на ум.

"Никола-Никола! - продолжаю я. - Хочешь, я подскажу тебе, почему приемник полетел в витрину?"

Я делаю паузу. Мне вдруг почему-то вообразилось, что мой молчаливый и невидимый собеседник сейчас насторожился, что он весь обратился в слух.

"Никола! Там за витриной были победители".

В ответ опять молчание, но странное ощущение охватывает меня от этого молчания. Будто и впрямь кто-то напряженно меня слушает.

"Не понял? - спрашиваю я это "что-то". - Там были победители в этой жизни. А ты, Никола, - побежденный!"

"Они, - продолжаю я, - заняли твой институт, они вытеснили тебя с работы, они вытеснили тебя из твоего жизненного пространства. Твой бросок - это бунт побежденного".

"Они забрали, - снова говорю я, - твоего сына..."

- Нет!

Чу! Мне будто послышалось, что кто-то вдруг ответил - ответил из абсолютного "ничто". Я растерянно вслушиваюсь.

- Ни-ко-ла...! Это ты?

Мистика какая-то! Я спрашиваю в "ничто"!...

- Ни-ко-ла! Они забрали твоего сына, - я против своей воли продолжаю взывать к пустоте.

- Нет! - неожиданно раздалось из толщи небытия.

Я вздрогнул. Это был, действительно, ответ, и это был голос Николы! Я прихожу в замешательство, однако я уже неподвластен самому себе. Я продолжаю разговор. Я тороплюсь это делать. Ведь я именно этого и хотел.

- Ну почему нет?! Забрали! И ты сам прекрасно это понимаешь...

- Не забрали!

И все-таки я порядком озадачен. Никола явно отвечает мне. Но ведь это абсолютная пустота. Здесь я наедине со своими мыслями...

- Забрали! - нажимая, говорю я.

В ответ снова молчание. Я теряюсь еще больше, однако тут же вдруг ощущаю, что за молчанием кроется только то, что мой собеседник просто набычился.

Ну что ж! Николу тоже можно понять. Однако, как ни тяжело выслушивать эту правду, но она такова. Ну, бог с тобой, - пусть не забрали! Но все-таки жизнь - это борьба...

- Нет!...

Оп па! Он еще продолжает спорить?!

- Никола!...

Я вслушиваюсь в "ничто".

Молчание.

- Ни-ко-ла!... Что "нет"?

Молчание.

- Ни-ко-ла!... Жизнь - борьба! - я опять его провоцирую на ответ.

- Нет!...

- Что "нет", Никола?

Молчание.

- Никола, не молчи! Что "нет"?...

- Не борьба!...

- Не борьба?!... - я, насколько можно, напрягаю слух. - А что же такое жизнь?

- Это *жизнь*!...

"Не понял!"

- Жизнь - это жизнь! - услышал я.

Ах, вот оно что! Ну, тогда понятно!... Ты, Никола, просто жил. Ты просто жил, работал, растил сына, а тут пришли они...

- Ты понимаешь, Никола? - говорю я в пустоту. - Ты просто жил. Для тебя жизнь - это жизнь, а для них жизнь - это борьба! Они - другие, Никола! Они, Никола, слеплены из другого теста.

Я на какое-то время замолкаю.

- Они потому и победили, - продолжил я после потяжелевшей паузы, - что они боролись, а ты просто жил. В их руках было оружие, а в твоих - ничего.

И снова пауза. Тяжелая пауза.

- Никола! - продолжаю я. - Если для тебя жизнь - это просто жизнь, то, значит, надо было просто жить... Ну зачем кидаться приемниками?

- Никола! - говорю я, чувствуя, что он опять набычился. - Ты по натуре - созидатель, ты - не боец! Ты не одолеешь их взрывами. В этом они сильнее тебя. Это их стихия, в силовых приемах они изобретательнее. Но у них нет того, что есть у тебя. Твоя сила в созидании.

- Твоя сила - продолжаю я, - в терпении. Твое оружие - время. Они могут только прожигать и разрушать, но вечно разрушать нельзя. Рано или поздно понадобится строить, а в этом тебе нет равных.

- Никола, твое время еще придет! Ты - строитель будущего...

- Будущего?...

- Да, Никола, будущего!

- А что делать сейчас? Подставлять для удара щеку?...

- Ну, зачем? Хотя...

Я смешался в поисках ответа.

- Вспомни, - наконец нашелся я, - ты еще в школе учил Кодекс строителя нового общества. Ты не можешь не знать, что десять пунктов этого Кодекса повторяют десять

заповедей Христа. А одна из заповедей действительно гласит: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую!

- Неправда! - вдруг резко ответил Никола.

- Что неправда? - я слегка опешил от его взрыва.

- В Кодексе как раз этого пункта нет!

Да, действительно, нет! - я снова смешался.

- Но, однако, - возразил я, быстро придя в себя, - если там его нет, надо добавить! Ведь Заповеди Христа - это кладезь высшей жизненной мудрости...

- Высшей?... - спросил Никола и замолчал.

Я уловил в его голосе ноту сомнения.

Ого, Никола! Замахнуться на такое! Да ты, оказывается, еще тот бунтарь!

- Да, Никола! Это мудрость тех, чье оружие - Время.

- Десять заповедей, - сказал Никола каким-то тихим голосом, - были написаны небольшим народом, затерянным в степях Ближнего Востока. Если бы маленький еврейский народ, зажатый с разных сторон воинствующими империями, не подставлял каждому новому завоевателю после удара щеку, если бы он сопротивлялся, он был бы просто уничтожен, полностью вырезан. Покорность - главное условие его выживания. Это - *его* высшая жизненная мудрость - жизненная мудрость маленького народа. Но для больших народов она губительна, так же, как и для... - Никола вдруг резко замолчал, оборвав свою фразу.

Он покосился на меня. Именно покосился. Не знаю, как это возможно - в абсолютном "ничто", но я ощутил на себе именно такой его взгляд.

"Твой пример некорректен!" - наконец будто выговорил этот взгляд.

И все! Абсолютная пустота вдруг схлопнулась. Я потерял Николу. Нет, конечно, он не исчез. Никола (другой Никола) продолжает где-то жить в светлой параллели, но с этим у меня разговор как-то не склеился...

Чем же он хотел закончить свою фразу?

"Для больших народов она губительна, так же, как и для..." - прокрутилось в моей голове.

"...как и для больших целей" - постарался я закончить его мысль.

Может быть - может быть!

Но все же хватит отвлекаться! Я оглянулся. Никакой черной пустоты вокруг не было. Исчезла ли она, или я ее сам выдумал? Впрочем (я останавливаюсь долгим взглядом на мониторе)... сейчас это уже не имеет значения.

На мониторе застыли строчки моей повести. Я сижу у компьютера, гляжу на развернутый текст, но мыслями далеко, очень далеко от него.

Что-то грустная получается у меня фантастика...

XIII

Действительно, грустная получается у меня фантастика.

Я мотаю головой, сбрасывая с себя оцепенение, возникшее после разговора с Николой, и снова обращаюсь к своему тексту.

Где-то за неосязаемой перегородкой небытия бежит светлая параллель, а мои герои один за другим покидают этот мир.

...Скучная, наверное, выходит фантастика.

Еще не так давно главной "фишкой" романов были погони, а последние десять лет - драки. Здесь же ни того, ни другого нет.

Впрочем, стойте! Я окончательно прихожу в себя.

Какие здесь могут быть погони и драки? Ведь и то, и другое - из разряда *животных* страстей. Это *их* фантастика - в их фильмах дерутся даже ангелы. Это *их* эволюция - вслед за приевшимися погонями - драки, все более и более жестокие. А вслед за приевшимися драками... А что, действительно, за ними? За ними по *их* звериной логике следует рваное мясо. Собственно говоря, в иных романах и фильмах оно уже есть. Писать об этом? Войти в *их* струю? Или все-таки вспомнить, что *мы* - *люди*? А что отличает людей?

...Ох, Никола-Никола! Как же крепко ты меня зацепил! Я уже говорю твоими словами. И чего я спорил с тобой? Ведь мы же с тобой единомышленники!... Твоя история до определенного момента для меня почти автобиографична...

Я опять мотаю головой. Погоди, Никола, дай мне самому выразить свою мысль - моими словами. Ведь ты - всего лишь мой герой. Повесть пишу я. К тебе я еще вернусь.

Итак...

... Что же все-таки отличает людей?

Как вы думаете, мечтают ли животные о далеком будущем?

Животные, которые созданы таковыми волею природы, - безусловно, нет. Впрочем, так же, как и "животные" в человеческом обликии?

Хотя, конечно, последние не лишены мечты. Но мечты эти - тоже *животные* - только о мясе.

А мечта о чистом и светлом будущем? - Она-то и отличают Людей. Это многовековая, непреходящая Мечта Человека Разумного. Она и питает неувядающую настоящую Фантастику.

Вот только не всякая жизнь позволяет реализоваться такой Мечте. Где-то за призрачной перегородкой небытия, в неведомой параллели, чистым неистощимым родником бьет такая жизнь. Наши герои, покидая этот мир, уходят туда. Очень хочется устремиться туда же, вслед за ними. Очень хочется проснуться и, наконец, понять, что все, с нами происходившее, всего лишь сон, затянувшийся болезненный сон. Очень хочется окунуть лицо и руки в освежающую прохладу того родника. Обещаю: на страницах этой повести мы там (*в настоящем мире*) еще побываем. Но пока еще рано просыпаться. Пока надо разобраться еще с одной ситуацией здесь, в этом необычном "сне". Помните эпизоды, когда Артем сначала удалил в небытие тополь, а затем вернул его на место, восстановив его вместе с соседним деревом.

Неосмотрительно он, однако, поступил. Вернемся пока к ним. Этот след, который он так необдуманно оставил в этом мире, надо будет как-то подрихтовать. Но перед этим очень коротко о том, что было в городе после взрыва института...

* * *

Утром город взбудоражено обсуждал ночной взрыв института. Эта новость не сходила у всех с уст. Терроризм - ныне самая главная тема всех теле- и радиорепортажей. В первых же телевизионных новостях появились фотографии Николы и его семьи. Просто диву даешься, как молниеносны бывают в наши дни журналисты. Немного понерасторопнее оказались "органы", однако и они вскоре показали себя, отрапортовав, что вышли на арабский след этого терракта. Замаячили на телеэкранах фотоснимки подзабытого Бен Ладена. Информационные агентства распространили его заявление, в котором тот, конечно же, отрицал свою причастность к взрыву. Этому, естественно, никто не верил. С резким осуждением террора выступил президент, который заявил о готовности пойти на самые крайние меры в борьбе с этим злом, вплоть до открытия границ для сил антитеррористической коалиции - американских, германских войск и ограниченного контингента Войска Польского. Экстренно собравшееся на утреннее заседание правительство объявило о дополнительных мерах по усилению борьбы с этим и другими антиобщественными явлениями. На улицах появились военные патрули...

...И только в одном маленьком магазинчике совершенно другая тема перебила все самые крупные сенсации начинающегося тысячелетия.

С утра меж работниками этого магазинчика царил гробовое молчание. Изредка люди косились в окно, поглядывая на стоящие напротив *два тополя*.

Хозяин магазина сидел у себя в кабинете, закрыв изнутри дверь и никого не впуская.

Утром, подъезжая к магазину на машине, он нарочно готовился посмотреть, как издалека будет выглядеть его магазин без загораживавших витрины тополей. Ему стоило немалых затрат получить разрешение чиновников на очистку улицы от ненужных деревьев. В мэрии тоже сидят люди, им тоже надо кормить семьи, учить детей, строить дачи, по-человечески отдыхать за границей, и поэтому, когда ему напрямик назвали сумму, в какую обойдется необходимая подпись, он воспринял это по-деловому и даже с глубоким удовлетворением. Бизнес - он и в мэрии бизнес. Бизнес чиновников - важное и обязательное подспорье частному предпринимательству вообще. Например, не занимайся чиновники бизнесом, тополя так и продолжали бы торчать перед витринами.

Поначалу, вывернув из-за поворота улицы и увидев деревья, хозяин магазина решил, что это другие тополя. Однако вскоре это заблуждение развеялось, и следующей его мыслью было, что перед магазином какой-то идиот установил муляжи.

Жуткое потрясение ожидало его, когда, стоя перед деревьями, он коснулся их шершавой коры...

Еще какое-то время он думал о наваждении, о том, что бригада лесорубов ему приснилась во сне, но продолжалось это до тех пор, пока, войдя в магазин, он не встретил перепуганные лица работников. Никто ни слова не говорил о тополях, но округленные почти мистическим ужасом глаза, взгляды, которые бросались в сторону деревьев, выдавали единственные в это утро мысли.

Что-то невероятное случилось с лицом хозяина. Оно перестало его слушаться. Мышцы на лице совершенно обвисли, и оно нелепо вытянулось. Стараясь ни на кого не смотреть, хозяин быстро проследовал в свой кабинет и заперся там.

Какое-то время он не мог ни о чем определенном думать. Мысли колотились в голове, абсолютно никак меж собой не связываясь. Прошло не менее часа, пока голова постепенно не стала приходить в порядок.

Ни в бога, ни в сатану хозяин не верил, хотя год назад он окрестился, исправно жертвовал местной церкви приличные деньги и совершил обряд освящения своего магазина. Он был слишком разумен, чтобы поверить в потусторонние силы.

В голове созрело единственно логичное в этой ситуации объяснение - он попался на удочку изощренных аферистов, которые ради смехотворных денег применили массовый гипноз.

Прошло еще несколько минут, и тихое бешенство охватило хозяина магазина - его провели мелкие (деньги-то они получили ничтожные) проходимцы. Резко встав с места, он нервно прошелся по кабинету. В голове стали

созревать планы расправы. Он открыл дверь, чтобы крикнуть охранника, и увидел в проем двери... совершенно пустой зал. Работников в магазине не было.

Состояние шока снова овладело им. Удивительно, но человеку бывает легче преодолеть свой собственный страх, чем страх стадный.

Работники сбежали отсюда, как из проклятого богом места. Всякая несуразная мистика снова полезла в голову хозяину магазина, и пришлось опять приложить усилия, чтобы овладеть своими чувствами.

В конце концов, с массовым психозом, точнее говоря, массовым внушением ему приходилось иметь дело. Он как-то сам давал на телевидение рекламу с двадцать пятым кадром. Он сам своими руками творил этот стадный инстинкт. Делать это как бы и запрещено, но какой дурак сейчас этим не пользуется? Телевизионщики на такой рекламе прилично зарабатывают, а там, где стоят большие деньги, - законы побоку. Эффект от телеролика был ошеломляющим. Хозяин магазина собственными глазами видел тупые зомбированные лица покупателей. Ничего не подозревавшие продавцы шокированными взглядами смотрели на пухнущую от денег кассу. На радостях заказчик рекламы добавил премию телевизионщикам, а те (тоже на радостях) приоткрыли ему кое-какие секреты в этом деле. В общем, оказалось, что он - не единственный у них клиент. Главное - конфиденциальность, чувство меры и дружба с властями. Бывало, что какой-нибудь телеканал вдруг не угождал властям, и тогда его как бы "ловили" на двадцать пятом кадре. Ему устраивали показательную порку и отзыв лицензии, а затем, после приличного

материального покаяния, все возвращалось на круги своя. Но у контролирующих органов ни разу не возникало никаких вопросов, когда двадцать пятый кадр шел в предвыборные ролики, либо когда какие-нибудь популярные телепрограммы или обычные новости разбавлялись кадрами особой направленности. "Люби губернатора", "Люби мэра", "Люби президента" - вместе с телепрограммами теперь частенько проникает в мозговые извилины миллионов. Кто посмеет заикнуться против этого? А под этот шумок можно пропихнуть и "Люби того кандидата", "Люби другого кандидата", "Голосуй сердцем". А можно и "Не люби кого-то". Вещь, безусловно, нужная и полезная. Без нее общество абсолютных свобод просто развалится. Как еще удержать бесформенное стадо, из которого вытравили все сказки о светлом будущем? Именно после этого хозяин магазина пересмотрел свое отношение к религии. Она тоже, по сути зомбируя людей, только делая это в более сложной, неявной форме, внушает любить того, кто выше. Это ее суть. Ее моральным заповедям каждый следует по своему усмотрению, а вот страх и покорность перед всевышним внушается поголовно всем. И потому, оставаясь неверующим, он счел нужным жертвовать церкви деньги, устроил показательный обряд освящения своего магазина и начал принародно креститься. Когда он однажды увидел по телевизору, как крестится президент страны, бывший коммунист и кэзэбэшник, он воспринял это с полным пониманием.

И все же когда-нибудь телевизор в плане насаждения лояльности полностью заменит церкви. Самые великие инквизиторы мира тогда лопнут от зависти. Им и не грезились такие успехи в насаждении поголовной

покорности и борьбе с инакомыслием. Да, собственно, техника уже постепенно выстраивает некую суперрелигию. Она уже позволяет внушить толпе все, что угодно, - даже те моральные заповеди, которые традиционная религия не могла привить тысячелетиями. Прогони по экрану скрытую надпись "Хорошо - то, плохо - другое", - и не нужны никакие занудные проповеди. Или просто гоняй с утра до ночи: "Все будет хорошо!", и не нужно сочинять никакие утопии. Сама жизнь превращается в утопию (или, скорее, в антиутопию)... Отдыхать могут самые великие фантасты всего мира. Не утруждая себя сочинительством, они теперь могут просто списывать жизнь с натуры, и будут получаться потрясающие по своей фантастичности и несуразности произведения. Новую эру нового человечества формирует на наших глазах простой телеящик...

Хозяин магазина вышел на улицу и уже безбоязненно посмотрел на тополя.

А, может, он кому-то недоплатил, и его таким образом предупредили?...

В этот день в городе возбужденно обсуждали ночной теракт. Терроризм - ныне самая главная тема всех новостийных теле- и радиорепортажей...

Часть вторая

XIV

На светящемся экране монитора пролистана еще одна страница. Быстрые пальцы скользят по легким клавишам. Мысль торопится дальше - туда, где уже виднеется светлый

мир, туда, куда устремляются мои герои. Туда, где завершится наконец-то этот трудный вязкий сон.

Странное действо совершили со мной записки Руслана. Так и не закончив свою "Антиутопию", он отдал свои разрозненные записи мне.

Да-да, дорогой читатель, то, что сейчас перед вами, - это записки Руслана. Это его невероятный сюжет, это его герои. Я лишь выкладываю их как увлекательную мозаику. Не думал я писать продолжение солнечной истории, даже завершил ее эпилогом, однако меня зацепила рукопись Руслана. Перечитав ее, мне вдруг захотелось сложить в единую цепочку ее разорванные, не связанные меж собой главы. Я принялся стыковать и шлифовать сцены и образы. Я намеревался в начале третьей книги указать соавторство Руслана, но он был категорически против. Повествование, по его мнению, должно было плавно продолжиться и не потерять целостность. Теперь я восстанавливаю справедливость. Я переписываю и переизлагаю его текст. Но я вношу в него и свои размышления, комментарии и даже эпизоды. Правом, переданным мне Русланом, я не только переписываю и переизлагаю его текст, но и дополняю его.

Однако, отчего же такое "непочтение" к тексту оригинала? Как ни странно это звучит, но мне самому трудно ответить на этот вопрос. Просто по-другому у меня не получается, ибо, как я уже написал чуть выше, странное действо совершили со мной записки Руслана. Пока я работал над новой, по сути, книгой, случилось то, чего я никак не ожидал, - записки Руслана неведомым образом втянули

меня в свой призрачный мир. Будто сон, долгий сон, пронизывающий его страницы, захватил и меня...

Я отрываюсь от компьютера и встаю. За окном уже глубокая ночь. Я подхожу к окну. Отраженный свет комнаты мешает что-либо увидеть за стеклом, обратившимся в тусклое зеркало. Однако за ним все же ощущается присутствие темноты, ощущается каким-то неведомым шестым чувством.

Там темно, там ночь. Там мир, погруженный в глубокий сон. Точнее говоря, там будто и есть сам сон. Тот самый сон, в который погружен и я... хотя я и не сплю. Впрочем, мой сон не там, а здесь. Мой сон - это записки Руслана. Я живу в нем, и, как в самом настоящем сне, ко мне приходят его разнообразные видения.

Нет, конечно, не галлюцинации посещают меня. Я просто читаю бегущий по экрану текст и перестаю ощущать вокруг себя реальный окружающий мир. Я вижу вокруг себя мир руслановской "Антиутопии" - ту самую темную параллель. И это и есть тот самый сон, долгий сон, который фантастически разворачивается вокруг меня наяву. Ибо со мной происходит то, что случается во всяком сне: разные сцены и образы возникают в моем воображении, дополняют повествование Руслана, заполняют в нем пустоты и белые пятна. Я уже не помню, с какого момента я вдруг перестал ощущать нереальность его "Антиутопии". В моем воображении возникают и развиваются, будто извлекаемые из какой-то неведомой мне памяти, неожиданные сюжетные повороты. Независимо от меня они дополняют и

объясняют друг друга, причем так, что как-то сама собой выстраивается какая-то неожиданная для меня самого, но неотвратимая их внутренняя логика.

И вот я выкладываю все это в бегущие по экрану строчки. Я спешу вложить в текст образы и ощущения, которые дополнительно возникают в моем воображении. А они настолько яркие, что я будто, действительно, сам живу в этом мире.

Вы, наверное, заметили, что иной раз я пишу об их теневой параллели, как о своей. Я излагаю их споры, будто сам в них не раз участвовал, я пишу об их проблемах так, словно сам с головой погружен в них. Вы, наверное, еще не раз заметите, что мои комментарии совершенно смешались. То они пишутся от лица жителя того мира, то от лица жителя нашего, то от обоих сразу. И это не результат какого-то хаоса. Я уже почти не отделяю себя от их мира. Я не могу отделить себя от проблем его героев. Я живу их жизнью, их проблемами и даже их болями. Я нелегко переношу, когда они покидают тот мир (именно "тот мир", хотя я совершенно безотчетно пишу - "наш мир"), и это несмотря на то, что они по моему же сюжету устремляются в другой мир - наш мир - им неведомый, но для них чистый и светлый. Происходит это машинально, а для меня, действительно, настолько безотчетно, что иной раз мне приходится встряхиваться и напоминать самому себе, что мой-то настоящий мир - как раз тот самый *другой*, тот самый мир, куда они устремляются. Этот мир не такой, конечно, идеально чистый и светлый, но моим героям, замученным антиутопией, именно таким представляющийся. Однако, снова погружаясь в записки

Руслана, я опять будто вижу вокруг себя их параллель. И - странное дело - я вдруг начинаю видеть этот мир будто существующим независимо от записок Руслана. Будто записи Руслана - сами по себе, а этот мир - сам по себе. Мое воображение вырисовывает картины, которых даже нет в записках Руслана, странные образы возникают в моей голове, незнакомые люди ведут со мной свои странные беседы. И, вживаясь в эту воображаемую параллель, я начинаю открывать в ней действительно странные вещи. Самая потрясающая странность - постоянно не покидающее вас ощущение всеобщего сна.

Поверьте, это поразительное чувство - ощущать вокруг себя незримый обволакивающий туман всеобщего сна. Именно всеобщего. То есть все происходит так, будто я сплю не один. Будто и те люди, которые являются ко мне в этом странном сновидении, тоже спят. Их поведение порой не отличается ясностью рассудка. Все действующие лица этого мира (этого сна) поглощены всеобщим сном настолько, что не ощущают его как сон, не ощущают даже иные его потрясающие несуразности. Это какой-то поразительный всеобщий сон во всеобщем сне. Здесь естественным кажется оставить человека без ничего, то есть вообще без средств существования, здесь естественным кажется успех за счет уничтожения конкурента. Здесь культивируется карьеризм, здесь "последним героем" может стать последний подлец (или, кажется, наоборот - я уже сам путаюсь). И что самое странное - это естественно для тех же самых людей, чьи нормальные "двойники", существующие в нашем - нормальном - мире, живут в нем совершенно иначе. Мне казалось, что для людей такие порядки остались в прошлом,

что люди, наученные многовековым опытом, воспротивятся такому образу жизни. Я даже пытался говорить с ними об этом, взывать к разуму, однако будто плотный дурман вязкого сна окутывал наши беседы, делая для них - для нормальных, в общем-то, людей - неестественное естественным. Более того, жители того мира с удивлением воспринимали мои разговоры с ними, со снисходительной улыбкой выслушивая очевиднейшие вещи, о которых я им говорил.

Руслан назвал этот параллельный мир - антимиром. Фантасты до сих пор описывали антимир, состоящие из антивещества. Этот же антимир не такой - это мир с обычным веществом, с обычной материей и отличает его лишь то, что в обществе главенствуют не законы, а антизаконы. И подобно тому, как антивещество опасно для вещества, так и антимир Руслана опасен для обычного мира. Он опасен не своим антивеществом, а именно антизаконами, своим укладом жизни. Если, например, такой краеугольный закон (точнее, антизакон) антимира, как "человек человеку - волк", начнет действовать в нашем, обычном мире, то это не может не обернуться для нашего, обычного мира, всеобщей катастрофой. Ибо существо антизаконов - в их разрушающем действии.

Этим примером Руслан указывает на глубокие корни этих антизаконов. Тот тягучий, долгий сон, в который погружено все общество, вызволил на свет глубокую генетическую память о времени, когда человек (точнее говоря, его далекий предок-примат) жил звериной стаей, подчинялся звериным законам. И вот теперь общество в своем тотальном сне живет по давно забытым,

закодированным на генетическом уровне и теперь вдруг всплывшим правилам животного мира. Эти правила естественны для животного мира, однако, когда они применяются к человеческому обществу, они превращаются в антиправила, антизаконы, превращая человеческий мир в антимир.

Были в записках Руслана и весьма спорные вещи, вплоть до таких пассажей, которые я отверг ввиду их просто кричащей несуразности. Так, одну из глав он посвятил описанию их политической системы. Копнув историю, он проследил эволюцию политики, нарисовав такую схему ее развития: сначала - политика как искусство войн, затем - политика как искусство переговоров и компромиссов; и, наконец, - политика, как искусство учета и сложения интересов. А здесь, пишет Руслан, политика вновь откатилась к приемам борьбы и примитивной грязной драчки. Фраза "политика - грязное дело" вновь стала расхожей. Апофеозом этого стала их избирательная система. Один из героев, который мною не был включен в повесть, дал ей такую характеристику: "Не надо думать, что государственную службу исполняют у нас государственные мужи. Что в них государственного? Представьте себе такую ситуацию: собирается какая-нибудь кучка друзей или просто какая-нибудь семья и договариваются взять губернаторское или мэрское кресло. У них достаточно денег, чтобы купить теле- и радиоэфир, купить газетные полосы, журналистов. За деньги им сочиняют красивые предвыборные программы и лозунги, и, в итоге, член их команды становится тем самым губернатором или мэром. Но разве для того его двигали во власть, тратили на него деньги - личные деньги, не

казенные, чтобы он решал какие-то там государственные проблемы, помогал каким-то там малоимущим? Он шел туда, чтобы решать проблемы своей семьи, своей группы друзей. Они купили эту власть. Купили для себя, а не для других. Глупый избиратель бросает в урну бюллетень и не догадывается, что его голос купили. Только заплатили за его голос не ему самому, а журналистам, политтехнологам, то есть всем тем, кто внушил избирателю, как тому голосовать. Власть в этом обществе - тоже товар. И чем ты богаче, чем богаче твоя семья или твои друзья, тем на больший уровень власти можешь рассчитывать, вплоть до самой высокой - президентской". Вот так Руслан описал их систему власти. Как логический ее итог, по его сюжету к управлению огромной страной пришел президент, который до этого не имел опыта управления не то что областью, но даже малой захудалой деревней. Но этим странности не заканчиваются. Их президент по-своему понял статус государственного мужа - руководителя бывшей сверхдержавы. Он начал позиционировать себя жестким лидером, появляясь то на военных крейсерах, то на истребителях. Руслан даже описал, как тот намеревался слетать и в космос, но не смог сделать это по двум причинам: первое - он сам утопил в океане единственную космическую станцию, и второе - его не пустила в космос семья. Короче говоря, полнейший сновиденческий бред. Вообще, слово "семья" применительно к президентскому окружению Руслан употреблял как синоним слова "мафия". Я даже поругался из-за этого с Русланом. Нельзя же своих соотечественников - самый начитанный и грамотный в мире народ - представлять такими идиотами. Мне даже пришлось напомнить Руслану, что в свое время наши люди прошли своеобразную "деловую игру" такого рода

"выборов". Помните, в конце восьмидесятых в качестве эксперимента выбирали директоров предприятий? Эксперимент провалился. На главные хозяйственные должности заводов и фабрик, где нужны специалисты своего дела, попадали случайные люди. Но если неразумно устраивать всеобщие выборы руководителей предприятий, то напрямую выбирать глав городов, областей и уж тем более страны - еще более глупо. Ну не могут же люди, - говорил я Руслану, - дважды, трижды, четырежды наступать на одни и те же грабли. Короче говоря, я всю его политическую галиматью выбросил из романа.

Однако, хватит о спорах. Не это было главное, и не это притягивало меня к его запискам. Вообще, удивительно интересно они были иной раз выстроены. В них много непересекающихся сюжетных линий, но что самое поразительное - если бы я не стал выстраивать их в единую цепочку, а просто дал бы их разрозненно, в том виде, в каком они попали мне в руки, то, наверное, получилось бы нормальное полноценное произведение. Но я говорю "наверное", потому что до конца так и не уловил внутреннего единства его сюжетной мозаики. Может, это потому, что мне еще далеко до уровня Руслана, а, может, потому, что я так и не смог пока понять внутреннюю логику его антиутопичного мира - не смог понять так, как, наверное, понимает ее он.

В качестве примера такой необъяснимой мозаичности его произведения мне хочется привести один отрывок из его записей - отрывок, который я, честно говоря, так и не понял, как встроить в единую линию повести. Это самостоятельная, очень коротенькая сюжетная линия,

которая лишь едва-едва касается основного повествования. Помните эпизод, где Артем сидел на корточках перед спиленными тополями? Там мимо него прошла старушка с детьми. Этим эпизодическим героям Руслан посвятил еще несколько строк. Их сюжетная линия начинается чуть раньше той встречи - в квартире старушки.

* * *

"... На лестничной площадке раздались детские голоса. Это к бабушке пришли внук с внучкой. Им было по десять-двенадцать лет. Старушка открыла им дверь, и они с шумом вкатились в ее квартиру. Поскидав обутки, дети сразу направились на кухню. Бабушка, хотя и не ждала их, но сразу достала приготовленную кашу, и уже через минуту внуки сидели за столом. Она присела рядом и, глядя на них, слушала их рассказы.

Их родители (дочь старушки с мужем) жили за несколько кварталов отсюда, и дети практически постоянно здесь бывали. Семья дочери с трудом перебивалась, и внуки часто навещали бабушку, чтобы что-нибудь у нее поесть. Сейчас они быстро работали ложками, уплетая бабушкин ужин и успевая при этом рассказывать ей, как на их улице вчера спиливали тополя. Бабушка качала головой. Ей жалко было деревья, они так украшали улицу. Зять ей рассказывал, что на эти деревья давно покушался владелец магазина, стоящего рядом. Деревья мешали его витринам, но убрать их не позволяли протесты жителей, и потому в

мэрии долго не решались давать хозяину магазина разрешение на их вырубку.

"Значит, - подумала старушка, - нашел-таки хозяин обходные пути".

Деревья пилили днем, когда почти все жильцы были на работе. И только ребятня сбежалась поглазеть на это зрелище.

Сейчас внуки наперебой рассказывали бабушке, как рабочий с бензопилой взбирался на дерево, как обрезал огромные ветви и как затем пилил по частям голый, обрезанный со всех сторон ствол.

Для детей это было увлекательное зрелище. Им до этого ни разу не доводилось видеть такие картины. Они восторгались работой бензопилы, восторгались тем, как сокрушался ею могучий исполин.

За окном начало темнеть.

"Оставить бы внуков у себя", - подумала бабушка.

Она посмотрела в сереющее окно.

"Нет, однако, - подумалось ей, - родители могут их потерять. Надо отвести их домой".

Она подняла внуков из-за стола и, послав их обуваться, заглянула в холодильник.

Надо бы отнести что-нибудь дочери.

Но холодильник был пуст. Лишь несколько луковиц да одно яичко лежали на полочках. Она взяла яичко и, немного подумав, еще и луковицу и закрыла дверцу.

У порога квартиры она немного замешкалась. В потемках старушка никак не могла вставить в замочную скважину ключ, и она попросила сделать этой детей.

Через некоторое время они уже шли по пустой темнеющей улице. Дети беззаботно бегали вприпрыжку вокруг бабушки. Подступающие сумерки нисколько не пугали их. Они играли в догонялки, громко смеясь и повизгивая.

- Бабушка-бабушка! - закричали вдруг дети, показывая на противоположную сторону улицы. - Вон там! Там спилили деревья.

Старушка, не останавливаясь, оглядела улицу.

"Однако, пусто стало", - подумала она, глядя на оголенный тротуар.

На месте спиленных деревьев сидел на корточках какой-то человек. В сумерках не было видно его лица, но этот человек неожиданно напомнил старушке ее сына, которого она потеряла много лет назад. Вспомнилось, как ее сын еще мальчишкой в точно такой же позе сидел на корточках, наблюдая за копошащимися в траве букашками. Вспомнилось и другое - как на махонькое тельце ее мальчика, только-только появившегося на свет, брызнули первые лучи пробудившегося солнца...

Нет, от этих воспоминаний ее сердце не сжалось в комочек, как сжималось в течение долгих лет. Иссушенное годами, оно уже устало это делать. Лишь слабая волна щемящей грусти всколыхнулась в ней. Но она тут же начала постепенно угасать, бесследно растворяясь.

...На небе загорались звезды. Задержавшаяся на западе чуть светлая полоска неба напоминала о том, что в той стороне на свой короткий летний ночлег опустилось жаркое солнце. Бабушка и внуки продолжали идти по темной улице. Дети все так же бежали вприпрыжку, смеясь своим забавам. И не видели они, как за их спинами, на месте спиленных деревьев, прямо из воздуха, словно зыбкие видения, появились полупрозрачные образы двух высоких стройных тополей. Постепенно образы сгустились, налились красками. Огромный жук, летевший на огни витрины, на полном лету ударился о широкий ствол дерева, и неподвижные листочки на тополях вдруг разом затрепетали под поздним вечерним ветерком..."

* * *

Вообще, по замыслу Руслана, их мир постепенно растворяется в небытии. Прямо он не показал, как это происходит, но, в целом, при чтении его романа такое ощущение возникает. И трудно даже объяснить, в чем оно выражается. Доводилось ли вам терять близких людей? Если да, то вы поймете, о чем я хочу сказать. Уходит человек, и вслед за этим будто опустошается что-то в этом мире. Но теперь представьте себе, что похожее ощущение опустошения возникает там изо дня в день, когда вроде никто и не теряется. Впрочем, в том мире люди тоже исчезают - исчезают порой необъяснимо, нелепо, нелогично. Уходят. Уходят. Уходят. Растворяя тот мир. Бывает и по-другому - люди не уходят физически, то есть

никуда не деваются, остаются рядом, но зато что-то исчезает в них. Что-то постепенно в них тает, тает и тает, пока не остаются пустые оболочки. И становится порой жутковато жить среди таких пустых оболочек, видется каждый день, общаться с ними. Вот примерно так растворяется мир, безвозвратно лишаясь своих жизненно-важных ценностей. Общество теряет приобретения, которые с немалым трудом накапливались в нем (точнее говоря, в наших головах и душах) в течение всей долгой истории человечества. Будто его история катится вспять - к первобытному обществу. Видимо, неспроста в записках Руслана появляются и первобытные люди.

А ведь и в самом деле, погружаясь в их мир, я порой испытывал ощущение, что их часы идут в обратном направлении. Сложно передать и это ощущение. Представьте себе, что рок несет вас к повторению тех ваших старых ошибок, от которых вы думали, что навсегда избавились. Вас несет к тем неприятным эпизодам в вашей жизни, которые вы хотели бы навсегда позабыть, вы пытаетесь сопротивляться этому, но эти события неотвратимо приближаются и повторяются. Вот примерно в чем выражается это ощущение обратного хода времени. И все же, оказываясь там, я пытался бороться с таким непонятным ощущением и даже поспорил с Русланом насчет обратного хода истории. Ну не может история быть обратимой и иметь попятный ход. Тем более, когда речь идет о человеческой истории. Я думаю, человечество все же не может двигаться вспять. Какие бы изменения ни происходили в общественном устройстве. Ну посудите сами, чтобы стать сильнее диких джунглей, человек пошел не по пути наращивания клыков и мышц. Он ведь остался

физически слабым существом. Бесспорно, тигр мощнее и красивее неандертальца, как бесспорно и то, что частный собственник лучше содержит свое хозяйство, чем государственный работник, но и в том, и в другом случае человек, благодаря разуму и новым законам жизнебытия, выходил из джунглей, поднимался над хаосом. Да и абсолютная свобода тигра выглядит предпочтительнее многочисленных ограничений, какими стало связывать человека нарождающееся общество, однако же... Вот, давайте пофантазируем и представим, что в каменном веке объявились бы гипотетические критики человеческой эволюции. Они ведь так же издевались бы и над убогими хижинами, и над опасным для самого человека огнем, и над примитивными заменителями клыков - каменными орудиями, как наши критики сейчас измываются над экономическими огрехами исторически только поднимающегося нового общественного устройства. Они, не уставая, приводили бы в пример силу, мощь и красоту тигров и волков. А уж как досталось бы человеческому сообществу за различные запреты и правила. Так что же, надо было послушаться их, вернуться в джунгли, и ждать, пока у хомо сапиенс отрастут тигриные клыки и когти? Не повернули же тогда люди назад в джунгли! Почему мы теперь способны повернуть?

Руслан в своих набросках хотел найти для своих героев, попавших в джунгли Антиутопии, шанс возвращения в нормальную жизнь. И он нашел его в избавлении от антизаконов. В некотором смысле, с ним можно согласиться. Действующие в обществе антизаконы плотно опутали его, они даже сформировали целую систему права (точнее, антиправа). По ним работают их суды, их

принимает Госдума, Президент эти антизаконы подписывает, и вся эта система антиправа работает против людей. Она не защищает общество, а постепенно уничтожает, разъедает его. Именно антизаконы как раз и вымывают из живого организма общества те самые его жизненно-важные элементы, которые поддерживают его. Но, я думаю, сам же автор "Антиутопии" не увидел при этом одной важной вещи. Это не удивительно. Он писал свою "Антиутопию" несколько отстраненно - как беспристрастный исследователь. Я же был просто читателем, и передо мной, как перед читателем, не стояли задачи художественного ремесла, которые решал автор. Не перегружая себя анализом, я просто жил описываемой историей, с головой окунувшись в этот тяжелый всеобщий дурман. И, может, поэтому, в отличие от самого автора, я смотрел на его историю как бы изнутри, и мне увиделась одна очень важная особенность: сами антизаконы, по которым жили его герои, - это всего лишь внешняя оболочка, правила поведения, надстройка. Но они не появляются откуда-то со стороны, они выдумываются, порождаются самими людьми, а если точнее сказать, порождаются особенностью их сна. Ведь этот сон - не просто сон. Он будто навеян каким-то глобальным телесеансом, вроде совсем забытых нами телесеансов Кашпировского. Этот телесеанс, словно непрекращающийся телесериал, изо дня в день будоражит глубокую генетическую память человеческого общества. Он выбрасывает на поверхность и делает естественными те животные нормы и страсти, которые для Человека Разумного уже перестали быть естественными, которые остались в его предыстории, и которые теперь воплощаются спящими людьми в статьи новых

антизаконов. И именно от этого людям надо освободиться в первую очередь. Да, им надо освободиться от воцарившихся в их обществе антизаконов, но для этого они должны самоосознать себя - самоосознать себя как Людей, а не животных. Им надо прорваться сквозь обволакивающий дурман всеобщего сна. Им надо однажды сказать себе: "Мы спим!" и после этого взять и проснуться... Причем, необязательно проснувшись, нужно обнаружить себя в постелях. Проснуться можно на улице, в транспорте, на работе, если хотите - на избирательном участке. Главное - проснуться Человеком. Главное - сказать себе: "Мы - Люди!..."

Н-да! Им надо... Но каждый ли сможет так проснуться? Это примерно то же самое, что выйти из состояния гипноза самостоятельно, без участия гипнотизера. (В реальном гипнозе это сделать, насколько известно, не удастся)...

Я стою у окна. За стеклом глубокая ночь. А на самом стекле я вижу свое затемненное отражение. Будто вижу самого себя в той самой зыбкой, растворяющейся параллели. Будто вижу себя в их зыбком мире всеобщего всепоглощающего сна.

Удивительная получается повесть. Странная получается повесть. Если по ее прочтении у вас останется ощущение, что она являет собой сумбурное описание чьего-то сна, не удивляйтесь. Может, так оно и есть. Если вся жизнь - это сплошной сон, то какой еще может быть повесть, описывающая такую жизнь? Если же вы сумеете сохранить

ясность восприятия, то, значит, вы стоите по эту сторону стекла, значит, вы принадлежите к категории людей, сохраняющих ясность и во всеобщем коллективном сне.

Я стою у окна и смотрю в темноту. За окном, превратившимся в тусклое зеркало, ощущается присутствие темноты - ощущается каким-то неведомым шестым чувством... Там ночь - там не простая ночь...

Однако хватит отвлекаться! Меня ждет моя повесть. Я вновь возвращаюсь к компьютеру, к своим героям. Их жизнь бежит независимо от наших заумностей. Я опять погружаюсь в упрятанную меж строчек историю и следую за героями, спешащими в неведомую для них светлую параллель. Спешите и вы за мной, дорогой читатель. Пока мы с вами блуждали в философских потемках, в той параллели пролетело уже несколько дней, и там нас ждет ясное солнечное утро. Мы просыпаемся (так и хочется добавить: просыпаемся в мире Людей). Да-да! Я, наконец, выполняю свое обещание перенести вас в *настоящий*, чистый и ясный мир. Сейчас мы, действительно, проснемся! Если сбросить пелену сна вам очень трудно, то позвольте мне стать для вас тем самым добрым гипнотизером, который поможет вам это сделать. Сегодня у нас это получится. Вы только расслабьте свое внимание и просто читайте дальнейшие строчки. Сейчас вам увидятся яркие солнечные зайчики, которые будут игриво слепить вам глаза, и вы услышите залиvistое пение жаворонка.

Итак...

Мы просыпаемся...

XV

Яркие солнечные зайчики слепили глаза. Еще не успевшее высоко подняться солнце играло ими на поверхности неторопливо текущей реки. Косматые ивы, сгрудившиеся у самых ее берегов, тянулись своими длинными листьями к ее волнующейся глади. Они словно пытались потрогать свое колышущееся отражение. Где-то далеко в вышине заливался жаворонок.

Никола сидел на траве у самой воды и смотрел на далекий противоположный берег. Рядом с ним сидел, глядя туда же, Артем.

Они оба молчали. Еще минуту назад они долго разговаривали, а теперь замолкли, думая, каждый о своем.

- Так, значит, - прервал молчание Никола, - теперь я окончательно остаюсь здесь?

Его собеседник кивнул.

- Да, - сказал он. - В том мире твоё тело нашли у развалин института. Очевидцы рассказали, что ты бросил в здание бомбу...

- И что?

- Похоронили.

Они снова на некоторое время замолчали.

- А здесь? - снова спросил Никола.

- А здесь все будет неплохо. Ты будешь работать в институте, разработаешь шкалу грозových разрядов, твоим именем назовут единицу их измерения... вроде Ампера для силы тока.

- И?

- И... - Артем, улыбнувшись, посмотрел на Николу, - внесешь свою маленькую лепту в строительство города Солнца из далекого будущего...

Никола мельком взглянул на Артема.

- Ты хотел сказать, города *на* Солнце, - произнес он после короткой паузы.

- Да! - удивился Артем. - А ты откуда знаешь!?

- Приснилось как-то.

Артем удивленным изучающим взглядом посмотрел на собеседника.

Никола продолжал неподвижно сидеть, глядя на играющую поверхность воды. В его глазах заиграли солнечные зайчики, по лицу пробежала едва заметная мечтательная улыбка.

- Грозovou шкалу... - наконец тихо проговорил он, - моим именем?

Артем вместо ответа тоже улыбнулся.

- Спасибо!

- Ну, мне-то - совершенно не за что!

- Нет, все равно спасибо! - сказал Никола, продолжая глядеть на воду. - Однако мне бы не только эту шкалу вывести. Я недавно представил нашу Землю маленьким шариком. Она окружена толстым электронным облаком, и это делает ее похожей на большой электрон. Вот бы исследовать конфигурацию этого облака... - Никола задумчиво улыбался. Его глаза продолжали светиться счастливыми огоньками. - Может, мы получим модельку самого электрона...

Артем прислушался. Чем-то знакомым из далеких времен Дара повеяло от его последних слов. Ему вдруг представился этот самый "большой" электрон: темно-синий туман, слегка колышущийся по холмистой поверхности, ярко-фиолетовый небосвод, по всей полусфере которого в разных местах вспыхивают и исчезают розовые огоньки...

Неожиданно улыбка начала сходить с лица Николы. Взгляд застыл.

- Спасибо за шкалу, - снова повторил он после некоторого молчания. Однако на этот раз в голосе не ощущалось прежней радости. Он снова на какое-то время замолчал.

- Нет! - вдруг тихо, но неожиданно жестко сказал Никола.

Артем удивленно обернулся на него.

- Не пойдет так! - добавил Никола.

- Что не пойдет? - недоуменно спросил его собеседник.

- Нельзя мне *там* умирать.

Артем, ничего не понимая, всмотрелся в собеседника.

- Там мой сын, - сказал Никола.

Артем растерянно перевел взгляд с Николы на воду и обратно.

- Он и здесь есть, - сказал Артем. - Здесь у него хорошая перспектива...

- А что станет с тем?

- Ну... - Артем помялся.

Никола долгим взглядом посмотрел на собеседника.

- Когда у тебя самого, - сказал он, - родится сын...

Никола замолчал. Меж собеседниками снова повисла долгая пауза.

Никола сидел, не двигаясь и глядя на реку. Он продолжал о чем-то напряженно думать.

Река спокойно несла свои воды. Маленькие волны не спеша накатывались на берег, словно мягко глядя его. У самого берега в прозрачной воде резвились мелкие рыбешки. Здесь же быстро скользили по воде жучки-плавунцы.

- Там не только мой сын, - тихо проговорил Никола, глядя вниз.

- Их ветвь, - сказал Артем, покосившись на Николу, - скоро начнет растворяться в небытии, и люди там начнут походить на призраков... Походить все больше и больше... пока совсем не...

- Это не призраки, это люди! - перебил его Никола, еще ниже опустив голову. - Нельзя им растворяться...

Артем, смешавшись, поднял на собеседника короткий взгляд.

- Ты прав, - сказал он.

- Но, - проговорил Артем после некоторого молчания, - ты все равно там погиб.

- Верни меня туда. Я знаю, ты это сможешь.

Артем остановился застывшим взглядом на бегущей воде.

- Сможешь! - повторил Никола. - Ты же сам попадал туда.

- Если ты там выживешь, тебя все равно посадят в тюрьму. Ты ничего не сумеешь сделать.

- А это уже моя забота. Я не буду булгаковским Мастером, который в конце концов смирился с психушкой и занялся богоискательскими фантазиями. Мы уж точно пойдем другим путем.

У Артема слегка приподнялась и опустилась бровь.

- Это будет очень сложно сделать, - сказал он. - Прошлого не повторить.

- Я же сказал, что мы пойдем другим путем...

- Времени у вас будет очень мало.

- Знаю!

- И сил.

- Найдем!

- Где?

- В городе Солнца.

Они надолго замолчали.

Над рекой раздался гудок. Прямо перед ними проходил большой теплоход. На его палубах видны были люди. Кто-то из них спокойно прохаживался, кто-то стоял, любуясь одетыми в зелень берегами, кто-то был увлечен беседой. Слышалась музыка. На теплоходе большими буквами было написано название... "Теодор Нетте"...

Никола вздрогнул.

Нет, конечно (Никола закрыл глаза), не "Теодор Нетте". Просто ему вдруг почему-то захотелось увидеть именно тот самый теплоход. Этот носил имя другого человека.

- И завершится тот небывало душный день невиданной грозой, - проговорил, наконец, Артем. - И будут молнии ярко-лиловыми, и явится людям много молний в форме шаров, нареченных когда-то народом Ра квуолями...

Никола удивленно оглянулся на него.

- И сольются две гигантские ветви расщепленного Времени, - продолжал Артем. - А наутро, проснувшись, люди обнаружат себя в цветущих, неразрушенных городах, увидят простые, открытые лица людей, не знающих вакханалии насилия и страха.

- Встретятся с близкими, - добавил Никола, снова обратив свой взгляд на воду, - которых потеряли...

Артем опять продолжительно и с удивлением посмотрел на Николу.

- Сделаю! - после некоторого молчания сказал Артем. - Верну тебя туда...

XVI

Темно-синий туман слегка колыхался по холмистой поверхности. Над головой ровным куполом простирался ярко-фиолетовый небосвод. По всей его полусфере в разных местах вспыхивали и исчезали розовые огоньки. Здесь не было привычного людям звездного неба. Огоньками высвечивались ультраслабые фотоны. Но иногда из глубин пространства прилетал и обычный фотон. Тогда он поднимал по всей поверхности планеты неописуемую бурю. Когда буря утихала, повсюду кружились, медленно падая, крупные, с ладонь, золотистые хлопья. Вот и сейчас они еще наполняли окружающее пространство играющим блеском, напоминая о только что пробушевавшей фотонной метели. Золотистые хлопья оседали, опускаясь в колышущуюся дымку. Там они погружались в бездонные недра, еще долго просвечивая сквозь их полупрозрачную синеву размывающимися золотистыми огнями. На горизонте кое-где еще вспыхивали угасающие лиловые молнии.

Одна большая золотистая снежинка опустилась Артему на плечо. Она начала быстро таять, растекаясь по телу мерцающими золотистыми струйками. Артем ощутил от них приятное дубящее покалывание.

Проследив взглядом за исчезающими струйками, Артем поднял голову и оглянулся по сторонам. Где-то здесь, под

колышущимся туманом, скрывалось русло извилистой речушки.

Здесь, в этом исчезающе маленьком мире, в котором, как в капле воды, отражался весь мир, эта речушка обладала одним неповторимым, только ей присущим свойством: в ее воды можно было войти дважды.

Артем двинулся по колышущемуся туману. За спиной остался неподвижно зависший над туманом Квуша. Это он доставил Артема сюда. Артем не смог бы сказать, как тот это сделал, что за невероятное преобразование с ними произошло, но он почему-то сейчас даже и не задумывался над этим. Еще несколько минут назад, когда Никола попросил вернуть его обратно в свой мир, Артему неожиданно вспомнился Квуша. В его памяти откуда-то всплыли темно-синие окрестности и ярко-фиолетовый небосвод. Поначалу Артем даже не обратил внимания на эти "воспоминания". Он был поглощен разговором с Николой, и эти образы прошли где-то на заднем плане. Однако пока он спорил с Николой, пока произносил отрывок из какой-то баллады, где-то внутри него нарастало едва уловимое напряжение, его мозг быстро работал, выискивая в закоулках памяти все новые и новые синезолотисто-фиолетовые образы. В памяти одна за другой возникали разные подробности этого необъяснимого видения - лиловые всполохи на горизонте, фотонная метель. И уже далеким отголоском прозвучали его собственные слова "Сделаю! Верну тебя туда...", ибо к тому моменту он уже брел по колышущемуся туману, целиком погруженный в эти заполонившие его "воспоминания"... (Если бы кто-нибудь находился сейчас на этой странной

"планете", он, быть может, увидел бы, как полыхнули с фиолетовых небес две лиловые молнии и возникли ниоткуда два существа - одно темное и длинное - земное, другое золотистое и круглое - солнечное).

...Спустя некоторое время у ног Артема оказалась небольшая речушка. Он даже и не заметил, как дошел до нее. Рассеянно глядя на воду, Артем присел на корточки.

У речушки не было привычного для землян твердого дна и берега. Вода текла по уплотняющемуся туману. Течение воды сопровождало постоянное выделение из общего потока множества водяных шариков, которые проваливались в темно-синий туман. Там они какое-то время, суетясь и сталкиваясь, бежали рядом, а затем возвращались назад. Глядя на их суетливое движение, Артем невольно сравнил их с маленькими живыми существами. Впрочем, живых существ он здесь не встречал.

Да и возможно ли здесь встретить что-либо живое?

Артем окинул взглядом темно-синие туманные горизонты.

Удивительно, но у него даже не возникает вопроса, куда он попал. Более того, у Артема было твердое ощущение, что он уже не первый раз здесь, что все это ему знакомо, что все эти странные и живописные окрестности - это поверхность какой-то микроскопической элементарной частицы, вроде электрона. Вот так - ни больше, ни меньше!

"Хотя почему "вроде"?" - Артем посмотрел на далекий зыбкий горизонт.

Много ли мы об этой частице знаем? Нам они все кажутся одинаковыми, неделимо-маленькими, размытыми в пространстве, но, кто знает, может, они имеют вид вот такой планеты со своими горизонтами, фотонными метелями и лиловыми молниями? И на них текут вот такие речушки? Может, каждый электрон по-своему неповторим? Да, может, это как раз он и есть?

Артем оглянулся на золотистый шар. Квуоль застыла в своей неизменной невозмутимой неподвижности.

"А, может, это его ощущения?" - Артему вспомнилась слова Юнны о том, что квуоли именно так общаются меж собой и что языком солнечных жителей можно передавать не только мысли, но и образы, грезы, видения.

Юнна!

Неожиданно пришедшее о ней воспоминание вдруг разбило все его иные мысли. Перед глазами появилась рыжая девчушка.

Артем застыл взглядом на волнующейся водной глади.

Юнна-Юнна!

В памяти закружились новые воспоминания.

"Как же хорошо, что ты встретилась!"

...Первые минуты их встречи были очень долгими и трудными. Они долго, очень долго шли молча по улице. Артем почти не видел ничего вокруг, он был словно в какой-то дымке. Волнения первых мгновений встречи так

сильно захлестнули его, что он лишился способности что-либо воспринимать.

Иногда он оглядывался по сторонам, однако все равно почти ничего не видел и лишь замечал, что идет по тротуару, что в одной руке у него небольшая походная сумка, а по другую руку рядом идет девушка.

Рядом была Юнна, та самая Юнна, поисками которой он жил все эти бесконечно долгие годы. Это была Юнна, далекая солнечная Юнна, и, может, поэтому ее близость теперь вызвала в его сознании яркие картины солнечных огней, вихрей, протуберанцев - всего того, что когда-то связалось в памяти с этой девушкой. Все эти образы заполняли сознание, заслоня собой все, что виделось ему вокруг. Он будто снова был там. Он был там, а рядом находилась Юнна - его солнечная Юнна.

Спустя некоторое время Артем обнаружил, что его спутница о чем-то говорит. Она говорила сбивчиво, время от времени ненадолго прерываясь. Иногда она спрашивала его о чем-то. При этом она замолкала, дожидаясь его ответа, и, не дождавшись, продолжала дальше, словно сама уже забывала о своем вопросе. Впрочем, иногда он ей отвечал, правда, при этом не понимая, что говорит. Возможно, он даже говорил что-нибудь невпопад, однако девушка принимала его ответы, кивала на них и продолжала о чем-то говорить дальше. Иногда он пытался сосредоточиться на ее словах, однако само нахождение Юнны среди обыкновения земных улиц никак не воспринималось его сознанием. Девушка говорила о чем-то земном, а ему чудилось Солнце, для него ее слова преломлялись через картины солнечных пейзажей, через виды уютных улочек

лайкуны и домиков солнечных экспедиторов. Может, поэтому, когда в ее речи проскочило слово "Квуша", Артем не сразу обратил на это внимание, но спустя некоторое время ощутил подспудно нарастающее удивление. Ему вспомнилось, что впервые это имя он слышал во сне. Вспомнилась гроза, лиловая молния, беседка. Вспомнилось, что так в этом сне назвала Юнна квуоль.

Артем пробормотал что-то об этом своей спутнице. После этого Юнна удивленно посмотрела на него. Затем она снова кивнула и начала что-то говорить о квуолях. Артем с трудом вникал в ее слова, но он понял, что это было не первое ее общение с квуолями здесь, на Земле, что они в последнее время часто ее посещали, и из всех она выделила Квушу. Она узнавала его при каждой встрече, хотя квуоли были совсем неотличимы друг от друга. Бывало, - рассказывала сейчас она, - заглянув в гости, квуоль могла целый час провисеть на одном месте. Целый час неподвижно где-нибудь в уголке комнаты, совершенно не меняясь и ничем не выдавая себя. Но, если это был Квуша, то с ним было как-то по-особенному легко. Вместе с ним приходило состояние легкости, чистоты и вспоминались совершенно детские ощущения. В эти минуты всегда вспоминались совсем позабытые эпизоды из далекого-далекого детства.

"Это было очень удивительно, - говорила девушка, - и, в конце концов, я поняла: Квуша - это ребенок. Их ребенок".

"И ты знаешь, - говорила она, - через него я поняла, что это их язык! Мы ведь тоже, когда общаемся с детьми, сами немного ими становимся. Не так ли?"

"И оказывается, - не уставая, щебетала девчушка, - мы с ними, оказывается, постоянно общаемся. С ними общаемся - с солнечными жителями. Только сами этого не замечаем. Тебе ни разу не приходила в голову мысль, что в солнечный день у людей действительно поднимается настроение? Это они...".

"Но это же нельзя назвать языком", - непонятно почему возразил Артем.

"О-о-о! - протянула Юля. - Это еще не все, что они умеют. Это когда они там, далеко, у себя на Солнце, они могут передать сюда, на Землю, только настроение, но, когда они здесь, им подвластны целые образы, миражи, видения. Ты даже можешь увидеть себя в каком-нибудь странном и необычном месте".

"Но это же не то! - снова зачем-то возразил Артем. - Не язык это!"

И тут Артем вдруг понял, что это не он сам отвечает девушке, он почувствовал, что в нем "просыпается" Дар. Артем почувствовал, что это именно тот далекий его двойник начал спорить внутри него. Ему вспомнилось, что Дар имел свою точку зрения на то, что на самом деле надо называть языком. Пробудившись в Артеме от задевшей его темы, Дар с юношеским максимализмом стал отстаивать свое мнение, а в голове Артема вдруг откуда-то вылепилась целая теория о языке как о "системе условной передачи информации". Видимо, он сказал об этом вслух, поскольку Юля неожиданно перешла на иной тон. В ней проснулась наставница Дара. Меж ними возникла та самая незримая дистанция, которая когда-то разделяла их, как ученика и

учительницу. Юля вдруг заговорила с Артемом как старшая по возрасту. Легкий щебет маленькой девчушки бесследно испарился.

- Ну, это на ваш, - мягко обрезала она, - мужской взгляд. Не мешало бы вам прислушаться к женскому мнению о языке.

- Еще чего! Это зачем же?! - изумился Артем.

- Затем, что женщина была первым на земле заговорившим человеком.

Артема словно обухом по голове ударило.

Ему вдруг вспомнилось это. Точнее говоря, вспомнились времена далекого Дара и то, что в той далекой школе такое тоже преподавали. В те далекие времена это было темой извечных школьных дебатов многих поколений мальчишек и девчонок.

- Не совсем женщина! - возразил он, будто подстегнутый духом тех дебатов. - Нас, по-моему, учили, что речь - это обязательно диалог и что первые диалоги появились между женщиной и ее детьми.

Артем начал распаляться. Его будто обдало дыханием далеких времен, когда они - группа школьников из солнечной практики - проводили время в бурных диспутах.

- Мать обучала детей новым навыкам, - быстро заговорил он. - Люди только-только выходили из животного мира, осваивая нехитрый труд...

- Дар, ты во все века был занудой, - улыбнувшись, неожиданно возразила ему Юля.

Горячая волна окатила Артема. Он вдруг почувствовал, что попался на какую-то уловку этой девчушки - уловку, сильно напоминающую маленькие хитрости Юнны. Ну, конечно же, как они еще могли иначе начать общение друг с другом, как не с продолжения тех далеких солнечных диспутов! Артем взгляделся в глаза девчушки, однако, даже поняв все, остановиться не смог, в нем вдруг проснулся азарт юного Дара, который с мальчишеской задиристостью потащил его в спор.

- Разве не так нам говорили? - незримо отстаивал мужскую честь разгорячившийся в нем далекий Дар. - Мать обучала детей действиям, которые в живой природе не совершают никакие животные... а необычные действия вызывают новые комплексы эмоций и новые необычные произвольные возгласы...

Юля, слушая его, едва заметно улыбалась, так знакомо улыбалась... У Артема от этой улыбки даже перехватило на мгновение дыхание. Перед ним была она сама - та далекая потерянная и теперь найденная им богиня.

- ...И хотя всякое обучение у животных тоже сопровождается произвольными возгласами... - по какой-то неодолимой инерции катил Артем, - но эти возгласы были новыми, не характерными для обычных звериных выкриков...

Ну, как же потрясающе она улыбалась! Ее улыбка уносила Артема в школьные годы Дара, в горячие диспуты того времени... Кто-то когда-то вбросил эту затравку в учебники, и борьба самолюбий заставила не одно поколение мальчишек и девчонок раскапывать эту тему,

самостоятельно садиться за археологию, антропологию, филологию... В конце концов преподавателям приходилось занимать круговую оборону, отражая просто убойные аргументы со стороны учащихся обоих полов. Вот и сейчас Артем в запале перешел на отшлифованные в многочисленных спорах доводы. Именно эти отшлифованные, отточенные в спорах аргументы учеников и вызывали у учителей такие вот едва заметные улыбки.

- А дети слышали эти ее необычные возгласы, - говорил он, - и связывали их с ее действиями... то есть они воспринимали их уже осмысленно... повторяли сами, но повторяли уже осознанно, применительно к осваиваемым действиям... Это были полудиалоги. Из ничего язык мог появиться только в полу...

- Полудиалоги, - Юлия, наморщив нос, показала Артему язык. - Ну ладно! Пусть неосознанно, - примиряюще сказала она, - но, тем не менее, женщина творила слова. Вам, мужчинам, не понять всей прелести этого. Прежде чем заговорить, люди начали красиво гулить и лопотать. Ты только представь себе такую картину: племя полулюдей копошится где-нибудь на зеленой полянке, и от них, грубых и волосатых, доносятся "гули" и "агу"! Это был просто сказочный период в истории прачеловечества. Из этих "гули" и "агу" рождались первые слоги. Это же так чудесно - взять и залопотать! Это словно взлететь! Лопотать, лопотать и лопотать. Вы, мужчины, до сих пор не понимаете в этом блаженства.

Юлия неожиданно замолчала. Некоторое время они прошли, не проронив ни слова. Но на этот раз это было какое-то особенное молчание. Короткий спор будто убрал

невидимую пленку, разделявшую их. Они будто оказались в каком-то ином мире. Этот мир был так же туманен, но в нем Артем был не один, в нем теперь была и шедшая рядом с ним Юля.

И вдруг Артем почувствовал прикосновение. Девушка взяла его под локоть.

У него перехватило дыхание, закружилась голова.

Он чувствовал ее прикосновение... Она взяла его под локоть.

Совсем "не по-солнечному" это получилось. Юнна - та далекая, солнечная Юнна ни разу с ним так не ходила.

Он ощущал своей рукой ее прикосновение... Девушка держала его под локоть.

Перед глазами поплыли тротуар, деревья, дома. Все мысли из головы моментально выветрились.

- Системой условной передачи информации... - опять передразнила Артема Юля. Однако он уже с трудом понимал, о чем она говорила...

...Арте́м глядел на водный поток, колышущийся в плотном тумане, и задумчиво улыбался.

Маленькая рыжая девчушка в тот момент, когда она, морща нос, передразнивала Артема, была очень похожа на Юнну и... очень непохожа на нее...

- ...Наши первобытные предки, - спустя некоторое время услышал Артем, - были очень милыми созданиями. Они были дружелюбны, их отличала привязанность друг к другу и необычайная преданность.

Арте́м изумленно взглянул на девушку.

- А ты-то откуда это знаешь?! - приходя в себя, спросил он.

От его голоса рука девушки неожиданно вздрогнула. Арте́м почувствовал, что она перевела дыхание.

- Знаю! - через некоторое время полузагадочно проговорила она.

Юля еще раз вздохнула. Видно было, что она тоже освобождалась от какого-то непростого груза.

- Мне бабушка, - добавила она, - это рассказывала.

- А ей ее бабушка, - еще находясь в полутумане, отреагировал Артем, - а той ее, а той ее, а той ее...

Он улыбнулся. Оцепенение первых минут встречи окончательно улетучивалось.

- А самой первой рассказала все это бабушка, - уже широко улыбаясь, закончил он, - которая первой слезла с дерева.

Юля повернула к нему свое огненное конопушчатое лицо и весело рассмеялась.

- Нет! - сказала она. - Первым с дерева слез дедушка...

...Артем, глядя на воду, усмехнулся, вспоминая залиvistый, колокольчатый смех девочки.

Все его существо постепенно заполняется этим колокольчиком, заполняется Юнн... нет, не Юнной, а Юлей.

Юля-Юля!

И почему при первой встрече он решил, что у нее некрасивое лицо? Сейчас ему с приятным томлением вспоминались ее золотистые глазки, милый остренький носик, озорной ротик.

После этой короткой полемики о языке они полностью раскрепостились. Юля шла, живо рассказывая о себе. Она теребила его рукав и даже слегка повисала на нем, когда вдруг заливалась своим заразительным смехом. Артем украдкой разглядывал ее лицо - новое для него лицо,

отыскивая и находя в нем столь знакомые ему черты Юнны. А лицо девчушки будто действительно прямо на глазах у него преображалось. Будто утенок Андерсена, еще не превратившийся в прекрасного лебедя, готовился вот-вот преобразиться в него.

Все же странную шутку сыграла с ним судьба. В той далекой солнечной истории он был намного младше Юнны и торопился догнать ее в возрасте. Теперь Юля намного моложе его. Настолько моложе, что он даже боялся нечаянных сближений с ней. Когда-то он украдкой рассматривал Юнну, боясь встретиться с ней взглядом, и вот теперь он опять смотрел на нее украдкой, смотрел очень осторожно, боясь, чтобы она не перехватила его взгляд, чтобы в ее маленькой головке от его изучающего взгляда не зародились какие-нибудь неподобающие мысли.

Артем с грустной задумчивостью улыбнулся.

Ее алые озорные губки еще должны оставаться нетронутыми.

"Юля-Юля! Теперь ждать придется мне!"...

Немного в стороне на поверхность речушки упала золотистая снежинка. Артем проследил взглядом за тем, как небystрое течение понесло ее в темно-синий туман.

...А ведь они с Юлей так ни разу и не обмолвились о той части их солнечной истории, которая касалась только их обоих. Почему-то они старались обходить эту тему

стороной. Иногда, правда, случалось, что у кого-нибудь из них нечаянно проскакивало: "А помнишь?.." Но после этих слов тот, кто говорил, резко останавливался. Меж ними повисало молчание, но каждый понимал, о чем именно хотел рассказать собеседник. Короткие скользящие взгляды, бросаемые друг на друга, говорили о том, что им в эти минуты вспоминались одни и те же эпизоды.

"А ты долго меня искал?" - после одной из таких долгих пауз спросила Юля.

"Очень долго!..."

Они все помнили, но вслух о тех эпизодах своей солнечной истории ничего не говорили. Может быть, так было потому, что пока они еще не были готовы для таких воспоминаний. Может, Артем еще не мог привыкнуть к Юле, или, может, так было именно потому, что она казалась ему очень молодой для таких воспоминаний.

"Юля-Юля! Как долго тебя придется еще ждать?"

Еще немного посидев в задумчивости, Артем поднял взгляд на туманный горизонт и попытался вспомнить Юнну - далекую златовласую Юнну. Но тут он с удивлением обнаружил, что не может припомнить ее лица. При каждой такой попытке перед глазами появлялась рыжая девчушка.

Артем улыбнулся. Надо же! Этот озорной огненно-рыжий живчик сумел перебить в его памяти саму солнечную богиню! Впрочем, ему даже приятно, очень приятно, что вспоминается именно Юля.

Он снова опустил взгляд на воду.

Шарики бежали и бежали. Они суетились, как живые существа, - сталкивались, сливались, разбивались, убегали в плотную туманную дымку. Но одно происходило с ними неизменно: рано или поздно они возвращались в общий поток, вливаясь в большое материнское тело реки.

Внимание Артема привлек один из шариков. Выбившись из общего потока, он стремился назад, но у него почему-то не получалось слиться.

Волнующийся шарик вдруг напомнил ему Николу...

Артем вздрогнул.

"Никола!" - Артем непроизвольно откинулся назад.

Он ведь пришел сюда, чтобы помочь этому человеку.

Артем поднял взгляд. Он должен помочь Николе!

Артем опустился на колени перед водной гладью.

Он знал, что надо делать, он все хорошо "помнил". Где-то за спиной продолжал висеть Квуша. Артем не видел его, но в данную минуту как никогда сильно ощущал его присутствие. Именно это присутствие золотистого солнечного жителя порождало в его голове такую странную "память". Он хорошо "помнил", что надо сделать, чтобы выполнить просьбу Николы.

Поверхность воды отражала высокий фиолетовый небосвод. Артем замер взглядом на этой глади и напряг свое воображение. Ему представилась Земля, большой

город, ночная улица, освещенная яркой иллюминацией, и стоящее на ней здание с темными окнами. Через некоторое время вообразившаяся ему картина уже явно стала просматриваться сквозь поверхность водной глади. Там она слегка колыхалась, иногда разбиваясь водяными пузырьками. Артем всмотрелся в здание и увидел, что в одном из его окон полыхает пламя. Огонь быстро рос, пожирая маленькую комнату. Тут же взгляд Артема упал на человека, который находился перед зданием. Он выделял странные беспорядочные движения, похожие на ритуальную пляску. Артем узнал Николу.

Неожиданно пламя в здании резко усилилось, и Артем увидел, как пляшущий человек поднял руки вверх. Артем резко окунулся в колышущееся изображение и на один короткий миг оказался между этим человеком и горящим зданием. За его спиной раздался сильный взрыв. И того мига, на какой Артем оказался перед пляшущим человеком, хватило, чтобы взрывная волна, ударившись о его спину, разбилась.

Горячий воздух толкнул его прямо на Николу. В следующий миг Артем вернулся назад, снова оказавшись на коленях перед речкой.

Он посмотрел на колышущееся изображение и... с удивлением увидел совершенно иную обстановку. Там маленький человечек снова стоял на ночной площади, но на этой площади были совсем другие здания.

...Никола вернулся в свой мир, но совсем не туда...

Артем еще раз быстро осмотрел колышущуюся картинку. Да, действительно, не туда.

Но почему? Неужели он сделал что-нибудь не так? Ему сейчас предстоит вернуться в свой мир к ожидающему его на берегу Николе. Какими глазами он будет смотреть на него?

Артем вдруг и впрямь увидел обращенный на него взгляд этого человека и внутренне сжался. Он опять лихорадочно пробежался глазами по колышущейся в воде картинке. Там все так же оставалась другая обстановка - не та, из которой он вызволил Николу.

Что он сделал не так? Взгляд Николы продолжал висеть перед ним, от него невозможно было отвести в сторону глаз. Да и как отведешь, если этот взгляд внутри него самого.

Артем всмотрелся в колышущееся изображение площади и попытался снова "вспомнить" тот эпизод, но поверхность речки будто покрылась толстым непробиваемым стеклом. Все усилия Артема ни к чему не приводили.

Артем растерялся и виновато посмотрел на стоящего перед его глазами Николу.

Однако Никола глядел на него спокойно и твердо. В его призрачном взгляде не чувствовалось ни осуждения, ни досады. Артем удивленно всмотрелся в этот взгляд. Спокойная уверенность и решимость сквозили в нем.

Артем смешался. Он вдруг почувствовал, что на самом деле никакой ошибки не произошло. Что-то вмешалось в его действия и совершенно не случайно выбросило Николу совсем в другую точку пространства и времени. Что-то более сильное.

Артем покосился на Николу. Это "что-то более сильное" как раз и чувствовалось сейчас во взгляде Николы. Посматривая исподлобья на Николу, он попытался разглядеть в его глазах это "нечто". Однако в этот момент взгляд Николы постепенно стал ускользать. Он начал растворяться в пустоте. Никола удалялся.

Артем оглянулся на квуоль. Выходит, не всеильны они - внеземные жители, если в дело вмешалось нечто, гораздо более мощное, чем их поле.

Взгляд Николы постепенно полностью исчез из его воображения, и лишь то неуловимое присутствие силы, которое было в этом взгляде, еще оставалось где-то в неясных ощущениях Артема. Он опять посмотрел на квуоль. Шар продолжал невозмутимо висеть на одном месте.

Наконец исчезло и это неясное ощущение силы. Напоследок оно неожиданно обдало Артема волной какой-то тупой, глубоко упрямой боли. Артем прислушался к ней. Это была та самая боль (он узнал ее), какую он увидел во взгляде Николы при их встрече в парке.

Артем внутренне напрягся и мысленно поискал растворившийся в пустоте взгляд Николы, но ничего больше не увидел.

Он снова бросил взгляд на квуоль.

"Он-то хоть понимает, что на этот раз оказался слабее?"

Артем опять повернулся к волнующемуся изображению в речке. Там, на площади, он увидел большую толпу. За одним из зданий к площади двигался автокран.

Спустя некоторое время изображение растворилось, темно-синяя речка постепенно затянулась дымкой и исчезла, растаяли туманные окрестности, и Артем опять увидел играющую солнечными зайчиками речную гладь и склонившиеся над водой ивы. Послышалась песня жаворонка. Прямо перед ним по реке проплывал теплоход.

Артем оглянулся. Николы рядом не было. Холодок пробежал по его спине.

Да, Никола исчез, и что-то говорило Артему, что он исчез навсегда.

Навсегда!!!

Почему-то Артем был в этом твердо уверен. Никола вернулся в свой мир. Но куда?

Артем еще раз оглянулся и, наконец, пришел в себя. Он мотнул головой, словно освобождаясь ото сна. Перед ним спокойно несла свои воды большая река. Неподалеку в стороне над нею склонялись ивы. Высоко над головой заливался жаворонок.

А, собственно говоря, что это опять было с ним? Что за странное забытье и странные виды? Да и Квуша...?

Впрочем, Юля предупреждала его, что у квуолей очень необычный язык. Они проникают в подсознание и ведут с тобой беседу на неведомом землянам уровне.

Может быть - может быть...

Артем, задумавшись, машинально пробежал глазами по буквам на белом борту теплохода.

"Теодор Нетте" - прочиталось ему.

Юля рассказывала, что однажды Квуша поделился с ней одной проблемой. "Я часто вас путаю, - "сообщил" он ей, - вы все так похожи!" "Как ты думаешь, - спросила тогда Юля Артема, - кого он имел ввиду?" "Он говорил обо всех живых существах Земли, - сказала она. - Он, представляешь, может спутать человека с кошкой, рыбой и даже комаром! Для них мы - земляне - все одинаковы. Они общаются на уровне какого-то жутко глубинного мировосприятия - настолько глубинного, что им даже не ведом обычный земной язык звуков и жестов. Они не видят и не слышат нас. Они "видят" нас через наши чувства и наши мысленные образы. И их общение даже не назовешь передачей образов или их воспроизведением в мозгу. Они передают ощущения и восприятия, которые уже в нашем воображении преобразуются в совершенно фантастические картины..."

"Теодор Нетте" - стояла перед глазами надпись на борту теплохода. Артем вздрогнул и, будто очнувшись, всмотрелся в буквы.

"Там же только что было другое имя!"

Ощущение зыбкости колыхнулось в душе у Артема. Он быстро огляделся и обмер. Мир, окружавший его, вдруг показался ему похожим на колышущийся мираж. Ясное солнце щедро поливало своим светом сочную зеленую траву и играло на маленьких гребешках волн. Под поверхностью воды виделись стайки быстрых рыбешек. Над травой порхали бабочки. Однако все это было словно картиной, словно придуманным им самим изображением.

"Теодор Нетте" - сквозь туманную зыбь просматривались буквы на удаляющемся теплоходе...

"Никола! - пришла в голову неожиданная догадка. - Это его след!"...

Колышущиеся окрестности и вправду были будто ненастоящими. А может, они только казались настоящими? Может, они тоже были выдуманными? Ведь именно таким ему всегда виделся мир его грез - спокойным, чистым и безоблачным. С ним обязательно связывалась спокойная бегущая речка, ласковое солнце, щебет птиц над головой... Впрочем, только ли его эти грезы? Так бы, наверное, выглядел мир, сложенный из многочисленных человеческих мечтаний, - мир, который Никола, дядя Миша, Артем и множество-множество других людей вылепливали, привнося сюда свои мечты и грезы. Вот в этом теплоходе свою лепту оставил теперь и Никола. Будто этот мир сам складывался, как причудливая мозаика. Будто он был таким же зыбким и неустойчивым, как и тот далекий темный мир, скрытый за невидимой прослойкой небытия. Но тот далекий, темный мир был зыбок и неустойчив потому, что он начал исчезать в небытие, а этот мир был зыбок по другой причине - он до конца еще не выстроен.

Н-да! А ведь, действительно, если бы сейчас Артему кто-нибудь сказал, что настоящий, живой мир - пока еще не тот, в котором он живет, а тот, в который вернулся Никола, что мир Артема пока еще только складывается, а сам он, Артем, тоже еще зыбок и существует пока только в светлых грезах, существует только благодаря тому, что где-то кто-то сочиняет о нем книгу, он не стал бы спорить. Почему-то он готов был в это поверить. Собственно говоря, он именно

таким себя и ощущал. Ощущал очень давно, с того момента, как ворвавшийся откуда-то крик "Дар!" на краю большого хлебного поля разрезал пространство. Он жил, наверное, благодаря тому, что кто-то давным-давно, оказавшись с той самой минуты в убегающей тени Колеса Истории и навеки потеряв его, сочинял, сочинял, сочинял его новую жизнь, его новый мир...

Сейчас Артем смотрел вслед удаляющемуся теплоходу, и тот виделся ему состоящим из многочисленных разноцветных стеклышек...

Н-да! И ведь, действительно, на удаляющемся в колышущейся дымке теплоходе было написано новое имя, и, действительно, мир Артема немного напоминал причудливую мозаику...

Однако Никола... Нет, почему все-таки с Николой получилось так, именно так? Где он теперь?...

Артем посмотрел на то место, где сидел Никола. Тот тоже внес свою частичку в этот мир, ему бы и дальше трудиться над его вылепливанием, однако он ушел отсюда, не закончив свое дело.

Впрочем, нет! Почему не закончив?! Это не похоже на Николу. Может, он как раз вернулся в свой мир еще за одной, может, самой важной, самой недостающей мозаичинкой...

Артем задумчиво смотрел вдаль.

"...недостающей мозаичинкой".

Далекий зеленый берег виделся ему зернистым, отделяющимся четкой ломаной линией от такого же зернистого далекого неба...

* * *

Эх! Дорогой читатель! Не получается долго задержаться в светлой параллели. Не получается долго побывать там, где Артем и Юля, Дар и Юнна возводят свои чудные миры. Как и любые мироздания, эти миры хрупки и беззащитны, но над ними трудятся нежные, чуткие руки Юли и Юнны, верные, крепкие руки Артема и Дара. Хотелось бы, очень хотелось задержаться там, посмотреть, как вылепливается их добрая, светлая жизнь! Однако нас опять повлек за собой сильный порыв Николы. Мой герой затерялся где-то в неизвестности. Нам никак нельзя оставлять его там. Читатель мне не простит, если я не отыщу его... Да и сам я себе этого не прощу...

Эх, Никола-Никола!

Я ненадолго отрываюсь от текста и задумываюсь.

Никола-Никола! Что за сила так неодолимо потянула тебя обратно? Ты не смог оставить сына, жену и весь остальной огромный-преогромный мир.

Никола-Никола! Видно, не мил тебе будет белый свет, пока где-то кто-то, близкий или далекий тебе человек, остается во власти тьмы.

Никола-Никола! Ты не смог бы удержаться даже и в раю. Пока где-то на земле или под землей есть ад, тебя будет

точить боль. Это боль за тот безрадостный мир, что остался в тяжелой мгле.

Никола-Никола! Ты устремился туда.

Но по плечу ли тебе такая непомерная ответственность? Ты ведь всего лишь маленький, хрупкий человек...

XVII. Город Солнца

Ой, ты думка, моя думушка,

Ты почто так нелегка?...

Ой, кручинка, ты кручинушка,

Ты почто так глубока?...

Ой, ты светлая сторонушка,

Ты почто так далека?...

...Широкая ночная площадь вновь открылась перед Николой. Площадь была полна людей. Они шумели, хохотали, кричали.

Никола огляделся. Здания, обрамляющие площадь, смотрели пустыми, черными окнами. Но это не было площадью перед институтом, это было что-то совершенно другое.

Люди, собравшиеся вокруг, были охвачены явно нездоровым возбуждением. С разных сторон несло перегаром. Все были обращены в одну сторону. Там, лицом к людям, возвышаясь над толпой, стоял какой-то памятник.

Никола еще раз удивленно огляделся. Вдруг толпа заревела. Откуда-то со стороны появился автокран.

Никола вдруг вспомнил, что где-то когда-то он все это уже видел.

Да! Точно! Он сидел дома у телевизора и смотрел, как на Лубянке автокраном снимали памятник Дзержинскому.

Николу словно обдало жаром. Это же та самая ситуация! Теперь она почему-то повторяется вновь, но повторяется вживую, прямо на его глазах.

Тогда у телевизора тяжелая боль сдавила его. Под свист и улюлюканье сносили памятник. Это был памятник человеку с холодным умом и горячим сердцем, человеку, который, сжигая свою жизнь, закладывал жизнь другую - новую жизнь новой страны. Для Николы это была жизнь, имеющая ясное и понятное назначение, чистое и светлое будущее. Каким-то необъяснимым образом она воплощалась в этом человеке, в этом изваянии. Теперь его сносили, а, значит, и сносилось, рушилось все, что с этим именем было связано, все, что с этим именем создавалось, строилось, созидалось. Все это ломалось, и в Истории образовывался провал, она вновь откатывалась назад. А вместе с Историей рушилось Будущее, то самое Будущее, которое, собственно, и составляло существо Николы - его самого, его внутренний и внешний мир, его близкие и далекие помыслы, да и смысл его жизни, вообще.

Тогда глаза защипали слезы. Сидевшая рядом за телевизором жена удивленно спросила, что с ним.

Никола в ту минуту промолчал. Ему непросто было бы объяснить это. Непросто объяснить неведомое, подспудное предчувствие. Неясным образом ему тогда увиделась тяжелая будущность. Вместе с попираемой Историей обваливалось все, что стояло впереди. У него рос сын, его будущее теперь тоже неотвратно разрушалось. В не начавшейся еще жизни сына теперь просматривался жестокий крах... А где-то еще дальше - далеко-далеко впереди, за неясной чередой времен рушился город Солнца.

Теперь он видел эту сцену не по телевизору, а был здесь сам, среди беснующейся толпы, среди отморозков. Впрочем, нет, вокруг были не одни отморозки. Были и те, кто просто не осознавал происходящее. Были те, кто со слепой наивностью отдавался злой, неведомо откуда выползшей стихии. Попадались Николе и встревоженные взгляды. Но не они определяли настрой толпы. Это было вакхическое торжество тех, кто не знал никаких идеалов и жизненных устремлений, кто во имя собственной свободы наживаться и воровать начал топтать все святое и чистое.

Теперь, стоя сам на этой площади, глядя на приближающийся автокран, Никола уже не задавался вопросами, что с ним происходит, где он и почему он в яви видит то, что когда-то уже наблюдал по телеящику, почему он неведомым образом оказался отброшенным на десять лет назад, отброшенным именно сюда, на площадь, далекую от его дома. Много раз в нелегких раздумьях он видел эту площадь, много раз видел себя здесь, вернее, много раз жалел, что не оказался в тот момент здесь. И вот теперь он на этой площади, ему теперь было совершенно ясно, зачем он здесь.

Он двинулся через толпу к памятнику. Его толкали локтями, хлопали по плечу, один пьяный толстяк предложил ему пиво.

Никола оглянулся на толстяка. Его лицо показалось Николе знакомым. Ну, конечно же! Это лицо он будет потом много раз видеть в рекламе. Это лицо будет спаивать людей, среди которых окажется и сам Никола.

Никола, размахнувшись по-мужицки, двинул кулаком в мягкую харю. Толстяк повалился в толпу. Никола стал пробираться дальше.

Наконец, он оказался у постамента и взглянул наверх.

Железный Феликс, не обращая внимания на беснование толпы, смотрел вперед.

Тут же рядом оказался автокран и подъемник с люлькой. Один человек полез в люльку, чтобы, поднявшись в ней, обвязать памятник стропами.

"Ну уж, нет!" - процедил сквозь зубы Никола. Пробравшись к люльке, он вцепился в еще не успевшего залезть в нее человека и дернул его назад. Тот, потеряв от неожиданности равновесие, повалился на землю.

Толпа ахнула. Прошло несколько секунд замешательства

- Гэбист!!! - вдруг завопил кто-то.

С разных сторон из толпы на Николу выдвинулись ревущие люди. В него полетели бутылки и железные прутья. Несколько рук схватилось за него.

Никола вцепился обеими руками в люльку, пытаясь удержаться. Какое-то время ему это удавалось, но вскоре он оказался на земле. На него посыпались удары и пинки. Кто-то кричал: "Не надо! Не надо!" Но те, кто сейчас охаживал его пинками, действовали с тупой методичностью, будто заранее были подготовлены к этому.

- Гады! - прохрипел им Никола, теряя сознание.

На него обрушилась черная пустота. Неожиданно в образовавшейся черной пустоте будто пролетела надпись "Теодо..." и вспыхнул, затмевая все, большой огненный шар. Он начал быстро надвигаться на Николу.

Николе показалось, что промелькнуло всего одно мгновение, но когда он очнулся, он понял, что времени прошло больше.

Он все так же лежал на земле, вокруг него все так же толпились люди, но на него уже не обращали внимания, если не считать двух человек, склонившихся над ним. Немного в стороне висел подвешенный на стропах Феликс. Толпа ревела.

Превозмогая боль, Никола поднялся. Один глаз ничего не видел.

С трудом, расталкивая толпу, Никола пробрался к автокрану.

Еще немного и он поднялся к кабине. Сидевший в ней человек двигал рычаги. Ухватившись за его куртку, Никола с силой рванул его вниз. Крановщик полетел из кабины. Из его куртки посыпались доллары.

- Иуда! - крикнул ему вслед Никола.

Теперь он оказался на сидении за рычагами.

Никола взглянул на висящего Феликса.

- Подожди, Эдмундович! - сказал он. - Сейчас вернем тебя на место.

Однако, какие рычаги двигать, он не знал.

По толпе опять прокатилось замешательство. Занятые висящим памятником люди не сразу заметили произошедшие в кабине автокрана события.

- Эх, Эдмундович! - сказал Никола, глядя на рычаги. - Придется все их перепробовать.

Стекающая по лбу кровь заслепила единственный видящий глаз. Вытирая одной рукой лицо, он двинул другой первый попавшийся рычаг.

Стрела качнулась вниз. Стоящие под висящим памятником люди завизжали.

- Ага! - крикнул Никола. - Обосра.ись!

Он дернул другой рычаг.

Башня автокрана начала крутиться вокруг оси.

Внизу истошно завопили. Толпа бросилась врассыпную.

- Не нравится, гады! - закричал Никола толпе и, обернувшись к раскачивающемуся на стропах Феликсу, крикнул: "Повоюй еще раз, Эдмундович! Разгони мразь!"

Толпа на какое-то время замерла в шоке.

Никола-Никола! Оторвись скорее от рычагов... или пригни скорее спину. Черное перекрестие прицела уже скользит по ней...

... Что-то больно ударило в спину Николы. Обернувшись, он увидел на конце площади стрелка...

... Спину нестерпимо зажгло ...

... На конце площади чернела сгорбленная фигурка...

... Темные стены домов закружились перед глазами...

Подвешенный памятник как-то странно - медленно-медленно - поплыл в воздухе. Медленно покачиваясь, он начал медленно раздвигать толпу.

Эх, Никола-Никола...!

Сидящие в это время у телевизоров миллионы людей наблюдали вываливающегося из кабины автокрана окровавленного человека и разметавшего черную толпу Железного Феликса. Малая крупинка большой боли

прорвалась сквозь хаос телеэфира к миллионам и миллионам людей и встряхнула обволакивающий их души туман. Маленькой мозаичинкой она прорвалась сквозь толщу небытия и, встроившись в едва заметное свободное пространство, сцепила собой огромный колышущийся мир.

Доводилось ли вам видеть, как разрушается небьющееся стекло. Его можно чем угодно бить, кидать оземь, даже прыгать на нем. Однако этим вы ничего не добьетесь. Стекланный пласт выдержит все. Но есть на этом пласте одна маленькая точка. Она помечена едва заметным крестиком. Этот крестик означает смертельно уязвимое место этого пласта. По этому крестику достаточно стукнуть невесомой булавкой, и огромный неподдающийся лист начнет рассыпаться. От крестика побегут во все стороны многочисленные трещинки. На ваших глазах большой пласт превратится в мелкую крошку. А вот теперь представьте себе этот же процесс, но заснятый видеокамерой и прокручиваемый в обратном направлении: мелкая разрозненная крошка укрупняется в сложную мозаичную картину, которая вдруг начинает схватываться, границы между зернами объединяются в многочисленные извилистые ниточки, которые, сцепляясь меж собой, начинают стремительно сбегаться к единой точке, последние запоздалые извилишки, наконец, схлопываются в ней, и россыпь превращается в монолит.

Примерно то же самое произошло с миром, который до этого зыбким миражом колыхался где-то за непрозрачной перегородкой небытия. Мир грез, фантазий, человеческих

надежд и мечтаний вдруг сцепился вокруг этой точки, выровнялся и превратился в монолит, обретя реальность.

Огромное колесо Истории качнулось и, отбросив в сторону серую тень, покатилося новой дорогой.

Будет ли кто-нибудь из этого нового мира знать имя человека, неизвестно откуда взявшегося на этой площади? В хрониках он останется неопознанным человеком, нелепо погибшим в дни большой смуты. Будет ли новый мир понимать значение его трагической смерти?...

* * *

Я прочитал последнюю фразу Руслана и ненадолго отвлекся от чтения.

Действительно, тот случай, который произошел на Лубянке, широко известен. Тело человека, попытавшегося воспрепятствовать демонтажу памятника, так и не смогли опознать. И используя этот факт, Руслан сочинил вот такую фантастическую версию - версию о том, как безрассудный порыв одного маленького человека помог нашему (*настоящему*) огромному миру обрести свою реальность. Сначала я прочитал это место с улыбкой, грустной улыбкой. Согласитесь, неожиданный ход - представить не их антимир нереальным, а, наоборот, наш. По сюжету Руслана герой антимира не столько спасает от растворения в небытии свою параллель, сколько помогает обрести реальность параллели нашей - ему совсем неведомой. Все это поначалу показалось мне неубедительным. Однако

после некоторого раздумья я постарался представить себе эту ситуацию в яви, и неожиданно мне подумалось: "А так ли уж фантастична эта выдумка?" Мне подумалось: "А, действительно, что было бы, если бы никто вот так безрассудно не встал на защиту того памятника?" Что было бы, если бы не нашлось безумца, вставшего на защиту идеи - всего лишь идеи? Ведь поступок неизвестного человека подтолкнул тогда других к решительным действиям. А обстоятельства его трагической гибели открыли многим глаза на действительную подоплеку событий, на их чудовищную запланированность. Я попытался представить себе возможные последствия иного развития событий, и мне стало не по себе. Действительно, не будь этого, пройди все гладко и без эксцессов, и, как знать, не приняли бы мы наивно и доверчиво заранее подготовленный сценарий за стихийный порыв масс (как бы масс), не погрузились бы мы в дурман всеобщего самообмана, в дурман всеобщего тяжелого сна, не свалилось бы колесо нашей Истории на обочину? Ведь именно это и случилось по сюжету Руслана в теневой антипараллели. Снятие памятника, как и все последовавшие события, прошли там без этих самых эксцессов. Там не нашлось того безумца, который полез на памятник срывать стропы. Многие из тех, кто понимал суть происходящего, сидели в это время дома у телевизоров, глотая слезы и сопли. Ни у кого не хватило безрассудства защитить свой Мир, свое Будущее, свою Мечту. И в их мире, где Мечта оказалась преданной, жизнь начала коверкаться и сотрясаться... Чтобы начать коверкать жизнь, предать-то понадобилось всего лишь на всего Мечту - невещественную, нематериальную Фантазию. Кто-то однажды сказал, что, если выстрелить в Прошлое из пистолета, то оно ответит тебе выстрелом из пушки. То же

самое можно сказать и о Будущем... В той параллели многие вдруг вообразили себя крутыми ковбоями, начав палить направо и налево - и в Прошлое, и в Будущее. В той параллели люди стали жить лишь сегодняшним днем, и это обернулось для них самым трагическим образом...

"Никола-Никола! - подумалось мне. - Маленький, в общем-то, человек. Маленькие и неприметные дела были за тобой до сих пор. В твоей груди стучало маленькое сердце, но большой была боль, которая горела в нем. Мир (*наш, настоящий Мир*) действительно многим обязан тебе. Памятник бы поставить человеку, который уберег Историю от рокового скатывания в пропасть. Эх, Никола-Никола!..."

* * *

...Никола-Никола! А ведь ты хотел вернуться в тот теневой мир к своему сыну. Увы! Теперь твоему сыну придется самому преодолевать нарастающие как ком трудности и самому освобождаться от дурмана тотального сна.

Никола-Никола! И этот - светлый мир - побежит своей дорогой без тебя. Без тебя свершится твое великое открытие. Другой человек рассчитает и укротит грозные молнии. Другое имя будет вписано в учебники...

Никола-Никола! Похоже, ошибался я, говоря, что ты не боец. Так бесстрашно подняться против разнузданной толпы...

Впрочем, нет. Ты и на самом деле не боец. Чтобы так подняться, не обязательно быть бойцом. Ты - терпеливый тягловый народ. Ты пашешь, тащишь на себе невзгоды, ты сгибаешься под ударами, но, когда твоему терпению приходит конец, когда чаша твоей боли переполняется, ты становишься страшен в своем гневе!... Ты взрываешься на бунт, тот самый бунт - бессмысленный и... (помните эту фразу?) беспощадный, и ничто не может устоять перед твоей неимоверной силой. От твоего неодолимого напора сдвигается огромное Колесо Истории...

Мои быстрые пальцы висят над клавиатурой. Я надолго задумываюсь.

Я вдруг обнаруживаю, что акцент повести сместился с Дара и Юнны на Николу?

Но видит Бог, не нарочно я это сделал. Да и не только Бог, но и читатель может подтвердить, что я честно пытался выстраивать главную сюжетную линию вокруг моих солнечных героев. Я, насколько мог, вплетал ее в ткань руслановской антиутопии. Ведь мне, действительно, изначально хотелось написать чистую, светлую фантастику, хотелось окунуться в подзабытые традиции доброты и наивности повестей и романов середины двадцатого века. Хотелось, очень хотелось высокого полета, дерзких и смелых мыслей, хотелось помечтать так, как мечталось мальчишкам и девчонкам того времени. Я даже пошел на такой рискованный шаг, как утяжеление повествования разными гипотезами. Ведь именно так грубовато писали первые фантасты, вкладывая научные

догадки и даже целые теории в художественную ткань. Захотелось поподражать им. Не стал я править и некоторые прямолинейности в тексте. Ведь это все было, реально существовало в головах тех, кто писал и читал фантастику. Так просто, бесхитростно и схематично виделось людям далекое будущее. Люди вообще познавали будущее только через фантастику. Других учебников по будущему не существовало. Именно из фантазий людей представления о будущем проникали в теории, а не наоборот. Отсюда и схематичность, стереотипность этих представлений, но именно так виделось все это читателям тех лет. Бывало, мои друзья и знакомые, читавшие мои черновики, советовали мне почистить одно, обработать другое, вообще убрать третье, но мне не хотелось этого делать. Мне хотелось, чтобы моя повесть запечатлела в себе неотшлифованный язык и неуклюжие обороты тех страстных любителей фантастики, которые захватывались ею настолько, что сами загорались что-нибудь сесть и написать. И пусть у подавляющего большинства из них ничего из этого не выходило, пусть все написанное шло "в стол", но, тем не менее, фантастика вселялась в их души, влекла в неведомое, определяла направление их жизненного вектора. Ведь это самое главное, что делала фантастика - желание творить, желание выдумывать, желание сочинять то далекое будущее, которое людям совсем было не ведомо.

Зачем я это делал? Зачем откатился на десятилетия назад? Трудно сказать. Однако попытаюсь объяснить.

Началось это с того, что с некоторого времени я стал подспудно ощущать какие-то странные вещи. Будто где-то - неясно где, в каком-то другом - неясно каком - мире

обрушилось все светлое и чистое, будто где-то потерялось будущее. Непонятная темнота этого неведомого мира постепенно стала добираться до меня. Она являлась ко мне во снах, слышалась в далеких тревожных отголосках. Она начала точить мою душу. И вот, наконец, эта неясная тревога оформилась в некий образ - будто это есть какой-то мой неведомый второй "я", вернее сказать, будто где-то, в этом самом неведомом мире, есть мой второй "я", и то болезненное беспокойство, которое бредило мою душу, является его самой настоящей, реальной болью. Я стал вслушиваться в себя, задумываться о своем неведомом "двойнике". Я не знал, где он может быть, но мысленно уносился к нему в его неведомое "нечто", мысленно общался с ним. Я не знал, существует ли он реально, но мне захотелось протянуть ему руку помощи, захотелось дать ему глоток свежего воздуха. Мне подумалось, что если его душа проникает в мою, то и моя, наверное, проникает в его. Может быть, ему иногда по ночам, когда не спится, видится другой мир - наш мир. Может, наше чистое и светлое бьется в его душе с подступающей отовсюду темнотой. И я решил помочь ему. Но как это сделать? Как войти в его душу? Я обратился к фантастике. Ведь это было то общее, что нас объединяло. Если он был моим вторым "я", то мы с ним в юности зачитывались одними и теми же книгами, и это и есть то, что поможет ему в его нелегкой битве. Я обратился к добрым и светлым традициям советских фантастов середины двадцатого века. Это должно было стать столь надобным ему лучиком света в его царстве мрака.

Я стал писать фантастику. Стал писать о том светлом солнечном будущем, которое потерялось в мире моего "двойника". Однако бьющийся в темноте мир, который

сумрачным фоном стоял за спиной моего второго "я", капля за каплей, образ за образом проникал и на мои страницы. И не просто проникал, он заметно влиял на повествование. В итоге, первая книга заканчивалась на ноте какой-то неопределенности. Далекое солнечное будущее выскальзывало из моих рук и становилось смутным и неотчетливым. Второй книгой я постарался копнуть эту болевую точку, постарался выправить ситуацию, но она опять оставляла ощущение недосказанности. И тут появилось неожиданное объяснение Руслана. Для меня это была находка. Руслан помог мне дать ответы на многие вопросы, помог многое расставить по своим местам. Он прямо показал то, что я подсознательно ощущал, он ясно обозначил источник моей тревоги, моих беспокойных снов, показал, что где-то есть скрытый за толщей небытия, бьющийся в агонии другой мир. Я принял его идею о существовании другого мира сразу с первых слов. Видимо, накопившаяся во мне тревога моего второго "я" уже подготовила меня к этому. Не знаю, на самом ли деле Руслан ощущал тот мир так, как ощущал его я, слышались ли ему во снах смутные отголоски того мира, но суть моих ощущений оказалась ухваченной неимоверно точно. Впоследствии, читая его записки, я принял и другую его идею - тот мир потому так болезненно и настойчиво проникает сквозь толщу небытия в наши души, что он неумолимо растворяется, погибает. Он взывает о помощи.

Я понял, что, обращаясь к своему неведомому "двойнику", нельзя писать только о далеком светлом будущем. Это будет означать уход в сторону, это будет означать, что я бросаю на произвол судьбы своего второго "я", да и бросаю его мир, вообще.

А по большому счету, если это сделать, то пустыми окажутся все мои старания создать в своих фантазиях далекий город Солнца. Он может не состояться, причем не будет не только того солнечного города, который жил на моих страницах, но и того далекого... настоящего - *того, который должен был стать будущим в моей, светлой, параллели*. Ибо обе параллели: моя и моего "двойника" все равно связаны между собой.

А ведь у меня к тому времени уже родился новый яркий эпизод в продолжение далекой солнечной истории. В нем Дар и Юнна, спасшись от хаоса солнечной бури, удаляются от светила на транспортнике...

...Прямо под ними на поверхность Солнца выходит огромный Гиг. Дар, Юнна и другие члены экспедиции, не отрываясь, смотрят на большой экран, а там разворачивается грандиознейшее зрелище. Ведь там и впрямь вышел на поверхность самый настоящий осколок солнечного ядра. Экран просто помутнел от ослепительнейшего света. Но мало того, Гиг, не успев разрушиться, был буквально "выплюнут" из солнечных недр. Нет, не права оказалась Юнна. Такое событие происходит на Солнце не раз в тысячу лет. Такого рода зрелище вообще может случаться в истории звезды всего один лишь раз. Для Солнца, быть может, это второе такое событие за все время его существования. Когда-то, миллиарды лет назад, оно точно также "выплюнуло" из себя огромный сгусток плотной огненной массы. Тот понесся в пространство, обрастая ослепительными струями огня и раскидывая на миллионы километров в стороны

раскаленные и непрерывно взрывающиеся клочья. Удаляясь от Солнца, огненное вещество постепенно остывало, собираясь в бесформенные кипящие комки. Они закружили вокруг светила нестройным хороводом, все дальше и дальше рассыпаясь на отдельные клочья. Прошли долгие-долгие космические годы, пока вновь образовавшиеся сгустки под действием собственной силы тяжести не приняли почти правильные шарообразные формы, сформировав у Солнца планетную систему...

В этот раз отделившийся от светила сгусток вещества был не настолько велик, но его было достаточно, чтобы со временем он превратился в еще одну небольшую планету. Земляне, конечно, этого не знали. Они с ужасом наблюдали за тем, как Гиг, отделившись от Солнца, необозримо громадным ослепительным куском двинулся вслед за их кораблем. Вскоре он без труда настиг землян. Однако, на их счастье, грависил выдержал его поле. Ведь они уже были в свободном пространстве, где плотность окружающего гравитационного поля была многократно меньше, чем на Солнце. Гравитации Гига было достаточно, чтобы поддерживать грависиловый генератор в рабочем состоянии, но его уже не хватало, чтобы разрушить защищающий людей механизм. Люди оказались на поверхности нового небесного тела, непрерывно извергающего массы огня, выстреливающего в пространство сверхплотные огненные снаряды и постоянно меняющего свою форму.

И все же это было не простое небесное тело. Гиг еще нес в себе вещество неведомой для землян плотности. С каждым новым взрывом на его бесформенной поверхности

невероятно тяжелые гравитационные волны встряхивали корабль. И люди при этом наблюдали потрясшие их картины. Гравитационные языки сцепляли их застывшим (если это слово подходит для горячего небесного тела) и медленно пульсирующим временем. Нет, это не было просто замедлением его хода, которое люди не заметили бы. Для них, оказавшихся среди перекрестных градиентных волн этого времени, оно потекло одновременно в разных направлениях. Причем не просто в прошлое и будущее, а оно будто обрело перпендикулярные координаты, люди одномоментно видели себя участниками совершенно разных событий. Время стало расщепляться на многочисленные параллели...

В финале этой истории, спустя несколько земных месяцев Дар и Юнна снова оказались на Солнце. Очнувшись от грависилового анабиоза, они увидели себя среди большого количества квуолей. Солнечные жители кружили вокруг них по волнующейся сфере. Юнна ласково протянула им открытую ладонь... И уже ближе к концу повествования солнечные жители сделали им подарок. То, что получили от них Дар и Юнна, можно было бы назвать машиной времени. Но это только грубое подобие этого фантастического механизма. Они подарили им свое умение "перемещаться" во времени, путешествуя по самым глубинным закоулкам подсознания. Человек мог оказаться в любой эпохе, проявившись там в чьей-нибудь душе. Очень необычным было такое перемещение. Ведь человек совсем не осознавал его. В каждой эпохе он жил совершенно автономной, самой обыкновенной жизнью. И лишь во снах он мог видеть себя тем, кем он был на самом деле, и возвращаться обратно в свое время. Эта "машина"

могла перемещать не только в прошлое и будущее, она могла двигаться и по тем самым параллельным путям, которые открылись людям еще на корабле. Однако понять "работу" такой машины можно было, лишь освоив необычный для человеческого восприятия язык квуолей. Повесть заканчивается сценой изучения Даром этого языка. Изучение начинается с... чтения простой земной книжки...

Я не смог ввести это в новую книгу. Лишь слабый отголосок этой истории я встроил в повествование - появившуюся у Артема способность дрейфовать между параллелями бытия, "машину времени" солнечных жителей и... загадочный шум этой "машины", казавшийся далеким и зазывным. По моему замыслу именно благодаря своей новой способности Артем появился на том самом уличном перекрестке, где он и увидел дядю Мишу, торгующего у самодельного прилавка...

Но, взявшись переиначивать этот эпизод из записок Руслана, я запнулся об него. Что-то сильно тормознуло меня. Повествование Руслана сильно приземлило мои фантазии, резко вернув в реалии наших дней. Окунувшись в переживания никому не известного маленького человека - дяди Миши, я не смог вернуться к своим фантастическим сценам из далекого будущего. Грандиознейшие картины астрономического масштаба разбились о переживания маленькой души маленького земного человека. Мне пришлось отложить в сторону свои космические зарисовки (как мне думалось - ненадолго) и пройти по сюжетной тропинке новых героев. Однако то, что мне казалось будет недолгим отступлением, вылилось в большую

самостоятельную историю. В этой истории я обрел и потерял дядю Мишу, обрел и потерял Николу. Причем, последний герой этой новой истории просто врезался в мою душу.

Я сижу перед монитором и машинально наблюдаю за включившейся заставкой. Компьютер, перестав ждать меня, отключил мой текст и выдал на экран бегающую картинку. Мои руки неподвижно лежат на краю клавиатуры. Мысли далеко-далеко. Где они? Я опять думаю о Николе...

Никола-Никола! Руслан однажды сказал мне, что с его образом как-то связана одна из ключевых загадок романа - механизм расщепления Времени на параллельные ветви. Не знаю, как это возможно, для меня он - самый обычный человек. Хотя, если честно, именно он помог мне ответить на вопросы, почему с одной стороны: в новое повествование никак не встраиваются эпизоды из далекого светлого будущего и отчего с другой стороны: эти совершенно несопоставимые сюжетные линии все-таки "проятся" в одну канву. С одной стороны, его история привела меня к очень простому выводу. Его вы уже прочли здесь чуть раньше: не может существовать где-нибудь в заоблачных мирах рай, пока где-то на земле или под землей есть ад, то есть становилось объяснимо, отчего в повествовании ускользал и даже "рушился" облик солнечного "далеко". Как видите, совсем вдруг не библейский получился вывод, и если уж придерживаться

образов религии, то с другой стороны в неразрывности связи этих сюжетных линий неожиданно стала просматриваться какая-то своя, совсем иная религия. Я стал улавливать какую-то большую неведомую правду моих новых героев, и чтобы вникнуть в эту новую правду, мне пришлось копнуть еще глубже. Я, пойдя на риск сделать свой роман совершенно нечитабельным, прошелся своей новой "машиной времени" по закоулкам исторической памяти своего героя, проще говоря, окунулся с головой в его, да и нашу общую столь неоднозначную суровую историю. И нашел там глубокие религиозные основы совсем не религиозных истин.

Ну, ей богу, не могу я представить безбожниками Николу и большевиков, которых он защищает! При всей атеистичности последних. Они же, сами того не ведая, борясь с одной религией, создавали другую. Вряд ли бы смогли большевики повести за собой глубоко религиозный народ, не обратив его в новую веру. Ведь, что до них видели верующие люди впереди? - Страшный Суд, Рай и Ад. Что предложили им взамен? - Рай! И только Рай! Без Страшного Суда и Ада. Рай не загробный, а земной, рукотворный. Рай по новому учению должен был сотвориться людьми, а не Богом. "Поверьте нам! - говорили они. - Не ждет человечество Страшный Суд, не будет сортировки людей на грешников и праведных, не будут люди гореть в Аду, а будет только Рай, и будут только праведники, и будет все это называться обществом высшей справедливости". В такую перспективу человеку двадцатого века поверить легче, чем в Страшный Суд. Поэтому неудивительно, что многие верующие люди осознанно вступали в партию большевиков. Они легко принимали такую веру. И как

когда-то людей призывали перейти от язычества к монотеизму, так и в двадцатом веке им снова было предложено сменить религию. По сути дела двадцатый век - это век крупнейшего столкновения верований - старого и нарождающегося нового. Происходила очень драматичная и болезненная ломка самой основы человеческого мировоззрения. Ломка проходила через души людей. И вот теперь мы с вами являемся свидетелями эпохального, грандиознейшего исторического действия. На глазах наших современников одна вера сменяет другую. Далекие потомки будут изучать этот переход по документальным свидетельствам, мы же видим это вживую, видим, как это происходит не в книгах и учениях, а в самой сердцевине процесса - в миропонимании людей, в их душах. Ну посудите сами! Мы даже не замечаем, как не только "безбожники-большевики", но даже глубоковерующие люди отказываются практически по всей планете от идеи ада - этого краеугольного построения основных современных религий. И это отнюдь не случайно. Ведь сама идея ада не была плодом фантазий, люди порою творили этот ад в своей реальной жизни. Тысячу лет назад (да что там тысячу! - всего пару столетий назад!) мерой наказания отступников, преступников и даже военнопленных были нечеловеческие пытки. Вспомните древние писания, вспомните, как их авторами восхвалялись жестокие изощренные казни врагов. Вспомните четвертования, распятия, истязания, вспомните публичные костры инквизиции и вязанку хвороста старушки-"святой простоты". Это и был ад - тот, который люди сами устраивали на земле и который был естественен для их миропонимания, который они считали священным деянием. Именно от этого отталкивались они, когда

говорили о загробном наказании грешников. Увы, так был устроен человек, и теперь мы являемся живыми свидетелями того, как человек меняется. И видим мы это по кардинальному изменению его отношения к наказанию, которое меняется прямо на наших глазах. К преступникам, содержащимся в тюрьмах, требуют гуманного отношения. Казнь во многих странах упраздняется вообще, а если она где-то сохраняется, то становится щадящей. Мучения, ад, как способ наказания, исчезают из нашего менталитета. Соответственно сдвигаются акценты в религии, меняется в глазах людей сам образ Бога, меняются представления о справедливости. Здесь могут возразить, что не все и не везде так меняется. Да! И в этом - особенность переломного момента. Мы вживую видим, как в обществе сосуществует и старое, и новое. Видим, как идет между ними борьба, видим, как она неоднозначна. Увы, иногда она выливалась в новые "крестовые походы на иноверцев". Большевиков бьют за снесенные купола церквей, за строчки в их гимне: "...разрушим до основания..." и будто забывают, что этим словам предшествуют другие: "Весь мир насилья мы разрушим...". То есть борются они с насилием, разрушают его до основания, чтобы построить на его месте новый мир - мир именно без насилия. Так неоднозначно непрямолинейно в больших муках рождается новая жизнь. И где-то среди идущих впереди этого процесса те самые "безбожники". Меняется человечество, меняется человек. Все человечество входит в новую эпоху с новым верованием. Эти слова применимы даже для атеистов - "именно с новым верованием", ибо религии меняются, появляются и исчезают, но неизменно остается вера. Вера присуща человеку, верит ли он в Бога или нет. Вера во что-либо является стержнем его души, определяет для него

смысл его существования. Религия и ее атрибуты - это только оболочка, предметное и ритуальное обрамление верования. По сути сегодня мы обращаемся в своеобразную новую религию, хотя для кого-то религией она называться уже не будет. Новые люди новому верованию придумают новое название. В это название непременно как-нибудь вплетется слово "наука". Так, например, Рай земной будет называться не Раем, а, скажем, научно обоснованным обществом высшей социальной справедливости. Если вы верите в возможность такого общества, то вот она вам - ваша новая вера и новая религия. (Ведь почему Никола не пошел "заколачивать баблы" и почему дядя Миша не смог "сделать бизнес" на обмане покупателей? Они не смогли переступить через свою религию, не смогли предать свою Веру и принять "новую" систему ценностей. Повернется ли у вас после этого язык назвать этих неверующих в Бога людей безбожниками?)

Итак, новым краеугольным камнем нового верования, его фундаментальной заповедью, является то, что мы строим Рай и только Рай и что он невозможен, пока существует Ад. И это переосмысление становится эпохальным. Мы на пороге всеобщего осознания необходимости коренного пересмотра существующего миропорядка, всеобщего осознания того, что благополучие и Рай Золотого миллиарда невозможны, пока существует Ад Третьего мира. Новая Вера, таким образом, органично вписывается в суть и глубинное содержание новой эпохи. Новая Вера отражает новый вектор развития человечества. Чтобы строился земной Рай, надо обязательно освободиться от Ада земного. Он будет тянуть назад. И, в принципе, за кратчайший по историческим меркам срок люди сделали

первые шаги на пути освобождения от Ада. Идущие впереди этого процесса большевики-"безбожники" на протяжении жизни одного поколения прошли самые непростые стадии сложного процесса становления новой Веры. Прошли младенческую эйфорию рождения - ступень революционной романтики, прошли подростковый фанатизм - ступень борьбы с иноверцами, прошли юношеское идолопоклонство. И мы только-только расправили плечи, только стали смотреть прямо, вперед, только определились с тем, как будем строить это общество высшей справедливости... И тут произошел такой откат.

* * *

В общем, так или иначе, трудно, тяжело, но при работе над книгой у меня созревало понимание, что нужно выходить к развилке Времени, к исходной точке отката. Нужно найти точку расщепления его ветвей и перечитать, переосмыслить, передумать ее. Для этого мне и пришлось продраться сквозь нашу непростую Историю. Тяжелые дискуссии о годах тридцатых - это только часть громадного айсберга, который был перелопачен мной, но остался за рамками повествования. Я понимал, что одно только упоминание об этих годах может обрушить весь роман, сделать его абсолютно нечитабельным, однако чувствовал, что без такого переосмысления останутся пустой фантазией любые мечты о светлом будущем. Это и есть тот самый мучительный путь освобождения от рукотворного Ада - путь, проходящий по глубинным закоулкам душ и судеб

людей. Не буду говорить, как непросто это мне далось, скажу лишь, что результатом этих мытарств было то, что я нашел развилку. Я пришел к выводу, что поскольку основным признаком эпохи является борьба и смена верований, то в этой развилке должна быть борьба с символами этих верований. Во все века победители окончательно повергали соперников, поражая и уничтожая именно символы веры. Самые тяжелые поражения наносились именно в души людей - когда уничтожались идолы, храмы, знамена, когда осквернялись святыни. Именно в эти моменты легко сбить в сторону колесо Истории. Я вышел на эпизод со сносом памятника на Лубянке, на этот непростой и неоднозначный эпизод в нашей новейшей истории. Я вышел на события на Лубянке и... обнаружил там Николу... (вернее сказать: того самого, никому не известного, так и не опознанного человека).

Но, однако же, я сильно отвлекся. Мне ведь хотелось поговорить отдельно о Николе. Вернусь к самому его появлению в романе. Пока я корпел над рукописью Руслана, обдумывая, переписывая, дополняя, развивая ее, Никола уже проходил где-то на заднем плане повествования. И для самого Руслана его появление в романе оказалось случайным.

Никола-Никола! Простой человек. Читая черновые наброски Руслана, я обнаружил, что по первоначальной задумке автора ты появился и должен был остаться на страницах романа всего лишь соседом дяди Миши, бывшим

научным сотрудником, начинающим скатываться по наклонной плоскости.

Никола-Никола! По первоначальной задумке то, что сделал ты, предполагалось дать осуществить Артему. Однако логика повествования оказалась сильнее этого авторского замысла. В конечном варианте Руслан резко поменял сюжет. Артем просто не смог бы сделать то, что ему предназначалось. Нет, не потому что струсил или оказался слаб. Просто Артем не пережил того десятилетия вакханалии зла, какое выпало на твою долю. Артем не нес в себе той боли, которая выбросила бы его именно в *эту* точку пространства и времени. Его появление на площади перед памятником было бы непонятно. Ты же вырвался туда, буквально опередив мысль автора. Твоя миссия в повествовании, по первоначальной задумке автора, должна была закончиться посещением светлой параллели. Это фантастическое путешествие должно было всего лишь побудить тебя сказать сыну слова о советских временах, посеять зерно истины в его душе, и на этом, Никола, твоя линия в романе должна была завершиться. Однако неожиданно сын в ответ на твои слова бацнул на стол "Архипелаг", и... повествование вырвалось из под контроля автора. (Позже Руслан признавался, что твоя реакция была такой резкой и взрывной, что ему самому, как автору, не осталось ничего другого, как с изумлением наблюдать за развитием своего же собственного повествования, писать то, что рука писала уже сама. Это и есть тот самый случай, о котором я писал выше, когда повествование начинает жить собственной жизнью, когда образы и герои действуют уже сами по себе. Руслан невольно стал читателем своей собственной книги). Руслан

признавался, что до него вдруг дошло, насколько он сам недооценил силу той боли, которую накопил за все эти годы ты, Никола, насколько он недооценил историческую и моральную мощь того строя, который стоял у его героя - у тебя, Никола, - за спиной, насколько он недооценил ту простую и незамысловатую связку четырех букв: трех "С" и одной "Р", насколько он недооценил жгучую, почти фанатичную преданность своего героя стране с такой простой аббревиатурой.

Впрочем, Никола, ведь ты не был каким-то особенным героем. Мне думается, что окажись ты на той площади тогда, когда История проходила эту развилку в свой самый первый раз, ты вряд ли бы оказался у подножия памятника. И опять же, не потому, что струсил бы. Ты точно так же, как и многие другие, растерялся бы в тот момент. Нужно было пережить жуткое десятилетие крушений, накопить всю его тяжелую невыносимую боль, чтобы, перенесаясь волею волшебства на эту площадь снова, не раздумывая, встать на защиту монумента. И уверен: точно так же, как и ты, поступили бы и многие-многие другие - все те, кто в 91-м лишь молча наблюдал за развитием событий.

Находятся умники, которые называют таких людей "совками". Да, ради бога! Зовите, как хотите! Мы не отрекаемся от своего происхождения, от своей истории, от тех недостатков, которые были присущи и строю, и стране и которые достались нам по наследству от полуграмотных дедов и прадедов, от которых мы также не отрекаемся, которых мы чтим и перед суровой памятью которых мы склоняем головы. Да, многое в нашей истории было. Наряду со светлым и чистым было и трагичное, и даже

постыдное, но все это нами же, "совками", постепенно, шаг за шагом преодолевалось. Мы были искренни и где-то по вашим меркам наивны, но мы росли, поднимались и сами же очищались, мы крепили и постепенно обретали неимоверную силу. Именно мы, "совки", оказались настолько высоки и могучи, что открыли человечеству дорогу в космические просторы. Но мы остались самими собою - искренними и наивными. Мы поверили в обман 1991 года. Ох, если бы людям знать в тот трагичный год, чем обернется все это поголовное умопомрачение, плотной неприступной стеной встали бы они вокруг "железного Феликса". Выросла бы вокруг него незримая Брестская крепость, в ряды защитников встали бы новые матросовы, новые карбышевы, новые гастело...

Однако же в те дни люди оказались в губительном для своего мира замешательстве. Помните фразу "страна непуганых идиотов"? Непуган был наш народ. Его взяли тепленьким.

И вот теперь люди бьются в поисках выхода из западни. По-разному это делают. Одни, не понимая еще, что находятся в исторической западне, пытаются к ней приспособиться и выстроить личную стабильность, другие бьются в поисках пути всеобщего выхода из тупиковой параллели. Но каковы эти пути? Существует ли на самом деле шанс отыскать их? Руслан говорил об избавлении от антизаконов, сам я чуть выше писал, что людям нужно проснуться и осознать себя людьми, однако теперь, после раздумий над самой повестью мне уже видится, что и этого мало. Я по-новому переосмысливаю тот рецепт Руслана, который он изложил в своем первом письме, изложил под

влиянием первого эмоционального порыва. Помните его фразу о маленьких победах над самим собой? Да-да, о тех самых чистой воды "совковых" "маленьких победах над самим собой"! Руслан привел пример Бэрба. Ведь казалось бы, поступок этого героя не совсем вписывается в теорию самого Бэрба (Бориса) о взрослении человечества. Помните: "атомная бомбардировка была бы невозможна, пояись атомное оружие в двухтысячном году"? И, действительно, сам Бэрб поначалу оказался недостаточно "взрослым" (по-человечески "взрослым"), чтобы предотвратить трагедию на Солнце. Но почему, когда петля Времени проходила этот эпизод второй раз, он сделал это? Если все-таки принять его теорию о "взрослении", то почему он так резко вдруг "повзрослел"? - Освободился от каких-то антизаконов, или "проснулся"? Думаю, этим примером Руслан, сам о том не догадываясь, копнул глубоко в суть, невольно указал на работу своеобразного гена взросления человечества. Эти варианты ("предотвратил" - "не предотвратил трагедию") отличаются друг от друга появлением небольшой книжки, эдакого своеобразного зафиксированного человеческого опыта. Да, мы взрослеем тогда, когда набираемся опыта. Человечество же взрослеет, накапливая знания об этом опыте и фиксируя его в литературе (художественной, публицистической и так далее). Небольшая книжка, как заметил Руслан, помогла "повзрослеть" Бэрбу. Однако, я думаю, для настоящего взросления все же мало просто прочитать. Да, надо "проснуться", надо осознать, но этого также мало, очень мало! Можно постигнуть суть высших материй, познать законы исторической предопределенности и судьбы, но так при этом и не повзрослеть. Для того нужно еще и *шагнуть*. (Как шагнул однажды, перебарывая дрожь в ногах, дядя

Миша. Неслучайно после этого его скосила тяжелая болезнь - на старые плечи взвалился титанический труд по выравниванию пошатнувшегося Колеса Истории). Настоящее взросление предполагает *преодоление чего-то*, чаще всего это - преодоление самого себя. Пусть бестелесные гиганты где-то в вышине ведут свои мифические сражения, ген взросления срабатывает только тогда, когда ты одолеваешь своего противника - того, который не где-то в далекой философской выси, а прямо перед тобой, который чаще сидит внутри тебя. И если кому-то все эти рассуждения вновь покажутся типичной "совковостью", если кто-то разглядит в них охаянное корчагинское "чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы", то ради бога. Но теперь только такая "совковость", только те самые "маленькие совковые победы над самим собой" могут вывести мир из тупиковой параллели. И как бы кто-либо ни злословил, ни измывался над первопроходцами двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия, но из нынешней уходящей в небытие параллели времени есть только один выход - через ту же самую корчагинскую узкоколейку, которая в той темной параллели охаяна, заплевана, затоптана и которую теперь предстоит там проложить по-новому...

Меня иногда спрашивают, что помогло стране Советов в светлой параллели преодолеть перипетии девяностых годов и продолжить свое историческое шествие.

Да, наш светлый параллельный мир не был дарован нам с высоких небес. Он именно так и был выкован - горячим порывом Николы, невероятно тяжелыми шагами дяди

Миши и тысячами и тысячами поступков многих и многих других людей, которые на своих плечах выволокли его, вытащили из пропасти, куда он неотвратно начал сваливаться. Я не в состоянии описать все, но если вы хотите найти ответ на этот вопрос в данной книге, то я подсказываю: "это были шаги дяди Миши". Свою неповторимую лепту внес в это и Артем.

Впрочем, что касается Артема, то, автор, похоже, сам того до конца не осознавая, по-особому берег его. Наверное, неспроста он не допускал его к самым тяжелым страницам всей этой истории (за исключением эпизода у хлебного поля, да и тот он завершил на оптимистичной ноте). Я и сам, лишь дочитав роман практически до самой последней строчки, начал понимать место этого героя в нем: Артем так же, как и Дар, Юнна и Юля предназначен для другой роли. Всем им отведено творить высокое и светлое. Они вроде далеких маяков. Если Никола был носителем Веры, а Бэрб и дядя Миша - героями Поступка, то Юнна, Юля, Дар и Артем - символами Мечты. Вера и Поступок немного тяжеловесны. Они и должны быть такими. Ведь в них заключена Сила - та самая всепокрушающая Сила, которую неожиданно разглядел Артем во взгляде Николы. Вера вздымает могучий народ, вместе с Поступком они сдвигают Колесо Истории, расщепляют и сводят воедино Параллели. Именно Вера - великая и необоримо земная - одолела сверхъестественную неземную силу солнечных жителей и выбросила Николу туда, куда ему предначертано было попасть. Быть может, именно это имел ввиду Руслан, когда говорил, что в образе Николы надо искать разгадку расщепляющегося Времени. Но и неслучайно Никола и Артем встретились на страницах романа, неслучайно

неоднократно пересекались их линии. Ведь Вера зиждется на Мечте. Вера зарождается из Мечты. Мечта указывает путь, по которому начинается двигаться Вера. А для этого носители Мечты должны быть легки и свободны, они должны быть впереди. Только тогда они могут вознестись высоко-высоко, недостижимо высоко. Их предназначение - воздвигать, вернее сказать, кропотливо вылепливать далекий город Солнца...

Вера, Поступок и Мечта - три кита новой, нарождающейся религии нового тысячелетия...

* * *

Однако, всё!...

Я решительно поднимаюсь от компьютера. Окончательно отрываюсь от записок Руслана.

Окончательно!

В них фактически завершались все сюжетные линии. Дальше идут его размышления, не доведенные, как признался в своем письме ко мне Руслан, до конца. Оставлю незавершенными его сырые выводы. Надо отдохнуть.

Я подхожу к окну. Чистое солнечное утро плавно переходит в день. Солнце легко и уверенно движется по своей восходящей дуге. Пешеходные тротуары почти

свободны. С них уже схлынули шумные людские потоки. Город окунулся в привычные трудовые будни.

На дворе утро! Удивительно, я ведь даже и не заметил, как пролетела ночь. Сколько времени я сидел над записками Руслана? Не только сегодняшней ночью, а вообще? Даже трудно сказать. Мне уже кажется, что я впервые открыл их для себя давно, очень давно. Будто всю свою жизнь я их читал, перечитывал, переписывал, дописывал, снова перечитывал, снова переписывал... Я будто пережил с ними долгую жизнь.

Но сейчас все! В данную минуту все! Не хочется о них сейчас думать. Не буду о них думать!

Я гляжу вдоль улицы и открываю створку окна. Чуть слышно чмокает мягкий пластик. От этого звука мои мысли опять смешиваются. Мне вдруг вспоминается, как открывал окно дядя Миша. Когда я читал роман, я будто слышал точно такой же звук наяву. Легкий ветерок освежает мое слегка онемевшее от бессонной ночи лицо. Где-то далеко-далеко послышался слабый шум. Впрочем, я не обращаю на все это внимания. Я прилагаю усилие, чтобы не возвращаться мыслями к роману, однако звук чмокнувшего пластика делает свое дело: вопреки моим усилиям мозг уже сам собой достраивает, домысливает коротенькую сюжетную линию с дядей Мишей.

Вот дядя Миша уже не стоит у окна. Вот он уже вышел на улицу. Впервые после долгой-долгой болезни он переступил через порог подъезда и шагнул во двор. Ласковое солнце встретило его. Где-то сейчас (я даже не знаю - где) Артем и Юля. Они рядом. Они вместе после

долгой-долгой разлуки - разлуки, которая протянулась для них целые столетия. Где-то сейчас...

Впрочем, нет в этом мире одного человека. Легкой тенью затушевываются мои мысли - я опять думаю о Николе.

Я пытаюсь отогнать эти мысли. Я же не хотел думать о повести, хотел отдохнуть, однако странное дело, я ловлю себя на том, что это будто не я думаю о нем. Будто это не мои мысли не дают покоя моей задубевшей от бессонницы голове. Будто это не я сам, а нечто далекое-предалекое возвращает меня к сюжету повести и Николе. И вот в моей голове крутится снова:

Эх, Никола-Никола, ну разве это справедливо? Разве можно вот так взять и исчезнуть? Авторская задумка - авторской задумкой, но Никола... Как-то неправильно все это!

Видимо неспроста я все еще не могу отойти от романа, - где-то в глубине души меня точит ощущение недосказанности.

Слабый шум, ворвавшийся в комнату вместе с открытым окном, уже будто звучит в самой моей голове. Я даже улавливаю в нем далекие зазывные нотки.

И вот я снова вижу тихий дворик, вижу сидящего на лавочке дядю Мишу, вижу играющих около него ребятешек. Дядя Миша смотрит на них. Мне видится его широкое конопушчатое лицо, видится, как промеж его морщинок едва заметно светится тихая радость, видится, как перемешивается она с такой же едва заметной грустью. Он ни о чем не думает, он просто смотрит на детей, на их

нехитрую игру, но почему-то в самом краешке его глаза чуть-чуть поблескивает маленькая слезинка. И... мне вдруг опять вспоминается Никола, вспоминается, как он пытался продать свой радиоприемник, чтобы купить для дяди Миши лекарства...

Никола-Никола! Все переворачивается в моей душе.

Ну, почему тебя сейчас здесь нет!???

Все мое существо восстает против такого финала этой истории. Люди продолжают жить, дышать бодрящим утренним воздухом, радоваться солнечному дню. Огромное невидимое колесо Истории движется своим ходом, миллионы людей вовлечены в сложный водоворот ее событий, но в этом круговороте нет тебя.

Это будет высшей несправедливостью так закончить повесть о тебе. Ну, разве не мог Руслан сочинить другой финал?!!

Я снова решительно возвращаюсь к компьютеру, решительно выдвигаю клавиатуру, но... что-то вдруг останавливает меня. Некоторое время я сижу в полной неподвижности.

Нет, наверное, не мог Руслан сочинить другое окончание романа. Как бы ни хотелось этого, но не мог. Ведь в реальной жизни реальный, а не выдуманный прототип Николы действительно погиб. И вряд ли в той ситуации могло бы выйти по-другому. Этот роман научил меня, что лгать в нем не получается. В нем все происходит так, как и должно произойти, независимо от того, хочет этого автор или нет.

И все-таки я не могу примириться с этим. Ведь продлевают же авторы жизнь своим героям. По-разному это делают. Помните: "Летят самолеты - привет Мальчишу!""? Или Теодор Нетте! Ведь, не полководец, не монарх, не великий мыслитель, а простой дипкурьер - всего-лишь-навсего курьер, но как мощно остался в Истории!!!

Герои остаются жить иной жизнью. Пусть хотя бы так - в легендах и памятниках. Ну совсем чуть-чуть не хватило Руслану для окончания своих записок.

Однако, (я все-таки колеблюсь) мне не хотелось бы для Николы и этого. Мне хотелось бы большего, чем просто жизнь в камне и памяти людей. Я вывел бы иной финал этой повести. Еще немного колебаний над клавиатурой и... (ведь что-то же подталкивает меня писать дальше) к черту нерешительность! Ну не может Никола умереть! Таким Людям не дано умирать... *вообще!!!*

И тут, опережая стремительный бег моих пальцев, вдруг будто сами собой появились на мониторе следующие строчки: "*...Кратким мигом огромной Вечности пролетело три тысячи триста лет...*".

Я изумлено всматриваюсь в экран. "Откуда это?!!!"

"*Никола открыл глаза...*" - набили мои пальцы. Я опять удивленно смотрю на монитор. И тут до меня доходит, что тот далекий зазывный шум, который слышался мне, когда я открывал окно, действительно звучит именно в моей голове.

Я изумленно вслушиваюсь в этот звук. Неужели все-таки мне это не чудится? Но это именно тот звук, которым я

обозначал на своих страницах смещение параллелей. Теперь будто я сам попал в эту придуманную мной ситуацию.

Во как!!!

"Огромный огненный шар продолжал надвигаться на него..." - появляется на экране.

Постой! Что за шар? Почему *"продолжал"* надвигаться?

Ах, да! - тут же вспомнилось мне. - Николе виделся огненный шар, когда он терял сознание на площади перед памятником.

Нет, все-таки постой! Как такое продолжение смогло сформироваться в моей голове помимо моего участия? Будто это не я, а какой-то другой "я" набирает на клавиатуре строки.

"Это было... Солнце..."

Я в глубочайшем потрясении. Далекий зазывный шум четко слышен в моей голове. Будто это все, действительно, пишет тот другой "я".

Тот другой "я"!!! Будто где-то сейчас в каком-то неведомом мне далеком или близком мире, за толстой или тонкой перегородкой небытия сидит он сейчас над точно таким же текстом и дописывает в него свои строчки.

В моей голове вихрем пронеслись воспоминания о ночных видениях неведомого странного мира, которые когда-то

начали точить мою душу и после которых я сел за повесть. Я тогда взялся за нее, чтобы послать этому придуманному мной двойнику весточку, чтобы дать ему в его сумрачной растворяющейся параллели глоток свежего воздуха. Неужели это были не просто видения?... Мне вспомнилось, что и сам этот зазывный шум, на самом деле, не был моей выдумкой, вспомнилось, что он, действительно, будто слышался мне в те минуты, когда ко мне приходили образы неведомого мира, и я ввел его в повествование, как удачную находку. Неужели и вправду, это мысли моего двойника пульсируют сейчас в моем сознании?!!!

Пальцы снова стремительно побежали по клавиатуре. Я поглядываю на монитор, но почти не вижу текста, вернее сказать, не вникаю в него. Далекий зазывный шум сбивает мои мысли и уносит их далеко-далеко.

Я думаю о своем двойнике.

Может, это его мысли о сидящем во дворике дяде Мише приходили ко мне в голову? Ведь я не хотел ничего уже думать об этом, но мне думалось как бы само собой. Он сочиняет, он домысливает, и все это появляется и у меня. Он живет где-то очень и очень далеко, и если это действительно так, то он живет в жутком, сумрачном мире. В своем темном мире он просто не может остановиться на таком финале повести. Не может в его романе Никола умереть, не может его история просто так взять и закончиться. Он не может не продолжать биться с окружающей его темнотой дальше.

Я думаю о своем двойнике. Я думаю о том, как он сейчас печатает, или просто пишет (я даже не знаю, есть ли у него

компьютер), как возбужденно работают его мысли. Мой двойник пишет, и, наверное, именно это подталкивает и не дает покоя мне, возвращает и возвращает меня к компьютеру.

Ведь я действительно истощился, я захотел отдохнуть, и вся окружающая обстановка вполне располагает к этому. Но он живет в другой обстановке. Нависающий над ним темный мир не дает ему права расслабляться. Он пишет дальше, он не может не писать дальше. Видимо, не прошли впустую все мои мысленные послания к нему, не прошла даром вся придуманная мною далекая солнечная история. Все это осело в его душе и заставляет его биться.

Да, подумалось мне, быть может, то, что видится мне в нашем мире и видится мне вживую, появляется и в его голове, но появляется в виде зазывных мечтаний. Из своего сумрачного "далеко" он тоже видит наш мир. И хотя он видит его моими глазами, но видит по-своему, видит как что-то чистое, светлое и зовущее.

Вот он - его рай, не далекий и мифический, не внеземной, не рай из недостижимого будущего, а вполне осязаемый, до которого можно дотронуться, протянув руку сквозь толщу небытия и оказавшись в стране, которая когда-то им была утеряна, но которая продолжает жить в другом месте, в другом измерении. Да что там "дотронуться"? Это тот рай, который можно реально, совершенно реально обрести, разбив эту толщу небытия, воссоединив расщепившиеся ветви времени, сбросив дурман тяжелого сна. И это совсем не фантазия: эта граница между мирами не лежит где-то далеко за морями, она проходит по нашим душам. Недаром мой двойник ощущает присутствие нашего мира, и, быть

может, он сегодня этим и живет. Для него этот мир - источник веры, источник неодолимой, несокрушимой силы. *Наш реальный мир - это и есть его Вера...!*

"Где силы возьмете?" - вспомнился мне вопрос Артема из его последнего диалога с Николой.

"В городе Солнца!"

И тут с этим воспоминанием невероятнейшее открытие приходит мне в голову.

Это не моя повесть!

Мой двойник дописывает за меня *свою* повесть, это он писал ее все это время.

Это его повесть!

Это не я не спал по ночам, это он проводил бессонные ночи, читая моими глазами записки Руслана.

Это не моя - это его повесть!

Это не мне пришла в голову мысль начать писать для него фантастику, это он пробился сквозь толщу небытия ко мне со своими раздумьями. Это не записки Руслана погружали

меня, словно в сон, в его далекий мир, это его мысли, видения, волнения и тревоги захватывали мое существо. Это он искал и мучился над труднейшими вопросами истории. Это он в поисках выхода из окружающей его тьмы написал потрясающую по своей невероятности фразу:

"А на Солнце вы не бывали?"...

И сейчас он устремляется дальше, с помощью бегущего вперед повествования он бьется в поисках выхода из своего растворяющегося тупика. Быстрые строчки будто взлетают откуда-то на экран моего компьютера. И вот уже не они, а я тороплюсь за ними, я вчитываюсь в них. Где-то там, далеко-далеко, за незримой прослойкой небытия мой двойник пишет фантастику - дерзкую, высочайшего полета *советскую фантастику*...

"...Кратким мигом огромной Вечности пролетело три тысячи триста лет три года и три дня... Никола открыл глаза. Огромный огненный шар продолжал надвигаться на него. Это было... Солнце.

Никола сидел за пультом космического корабля, который приближался к раскаленному светилу.

Вот ровный шар уже стал видиться лохматым. Вот уже начали различаться протуберанцы. Вот уже четко стали просматриваться границы темных пятен.

Когда-то много лет назад в такие мгновения у космонавтов включался грависил. Однако теперь в нем не было необходимости. Пребывание на Солнце не прошло для людей бесследно. У потомков Дара и Юнны на генетическом уровне начала проявляться стойкость к огню. От поколения к поколению она усиливалась, и пришло время, когда люди уже без защитного поля могли переносить разрушительный огонь солнечной плазмы...

Прошло еще несколько долгих минут. Солнечный диск постепенно занял все видимое впереди пространство.

"Достаточно! - подумал Никола. - Дальше я доберусь своим ходом".

"А ты, - Никола окинул взглядом рубку корабля, - отправляйся назад!"

Прямо над головой, над видеоэкраном висела табличка с надписью "Теодор Нетте". Так Никола назвал когда-то этот корабль.

Никола шагнул в открытый космос.

Широкая огненная панорама открылась перед ним. На какое-то время Никола замер перед потрясающим по красоте зрелищем. Бушующая ярко желтая стихия бесновалась в стремительном танце. Мимо Николы проносились в космос рассыпающиеся клочья пляшущей плазмы. Все огромное пространство вокруг было занято ее вспыхивающими и исчезающими золотистыми россыпями.

От солнечного ветра Никола ощутил по всему телу приятное дубящее покалывание. Постепенно от этого

покалывания тело разогрелось и налилось неизвестной нигде более энергией. Мышцы ощутили невероятную силу.

Никола окинул взглядом солнечную поверхность. Прямо перед собой он увидел небольшое скопление маленьких темно-золотистых точек. Бушующая повсюду поверхность огромного светила была здесь покорно спокойной.

Маленькими точками были далекие причудливые домики. Они смотрели на Николу из своего солнечного "далеко" затейливыми, словно игрушечными, островерхими крышами. Иногда на короткое время их накрывал полупрозрачный золотистый туман, который простирался над ними волнующимся шатром.

За спиной у Николы включились "персонки". Солнце начало быстро приближаться. По мере его приближения домики на поверхности светила росли, обретая размеры и формы.

Сквозь огненные вихри и смерчи небольшой городок - далекий Город Солнца - приближался к нему..."

Конец Книги третьей.

"...далекий Город Солнца - приближался к нему..."

Никола оттолкнулся от косяка двери и вошел в лабораторию. Студенты выжидающе смотрели на него. Он обещал им после обеда посмотреть, что случилось с ионной пушкой.

Рука привычно потянулась в сторону за халатом. Слабый зазывный шум прозвучал у Николы в голове. Его мысли смешались.

Было ли что, или все это ему придумалось?...

Мечты, мечты...

Борис сидел в коридоре на полу, навалившись спиной на стену. Его глаза спокойно и задумчиво смотрели куда-то далеко вперед. Сквозь открытый проем двери было видно распахнутое на лестничной площадке окно, а за ним - убегающие вдаль улицы большого цветущего города.

Мечты, мечты...

"...Далекий Город Солнца..."

Дар оторвался от древней книги. На его лице играла задумчивая улыбка.

Не просто во все века ковалась наука Мечты. Люди еще очень долго будут осваивать ее премудрости. Мечты и Фантазии неспроста дарованы Человеку. Они не просто призваны поднять его из животного мира. Так, одна из первых заповедей этой науки гласит, что Мечты и Фантазии надо уметь беречь. Ведь поскольку они не дают их обладателю никакого сиюминутного достатка, от них очень легко отказаться, их легко ненароком предать. Потеряв же их, мы обрекаем свой мир на уход в небытие. Мечты и Фантазии выполняют охранную роль, они оберегают цивилизации от разрушения.

Юнна сидела рядом с Даром, прижавшись к нему и положив голову на его плечо. Ее золотистые волосы волнистыми локонами спускались по его груди и спине. Такая же золотистая полупрозрачная плазма мягко колыхалась у ее ног. Далеко-далеко на горизонте поднимались огромные языки ярко красных протуберанцев. А высоко-высоко над их головами в межпланетном леденящем холоде зарождалась планета, у которой еще не было своего имени...

Мечты, мечты...

Бэрб задумчиво смотрел на экран. В плотной россыпи звезд уже не было видно далекого Солнца. Миллион лет назад он жил на нем... и любил... Его корабль опускался на всасывающую сферу невообразимо гигантской черной дыры - ядра огромной галактики. Окружающие предметы начали немного искривляться. Едва слышно заработал антиколлапсар, удерживая деформацию пространства в допустимых рамках. Его шум вызвал у Бэрба какие-то неясные то ли воспоминания, то ли мечты, то ли фантазии.

Мечты и фантазии...

Пока мы - в роли студентов непростого курса науки Мечты.

Молодой человек положил ручку на стол и размял уставшие пальцы.

Мы осваиваем эту науку, просто читая самые обычные книжки, просто погружаясь в грезы других людей. Мы открываем для себя и действительные миры этих людей, и те миры, которые они когда-то создавали в своих мечтаниях. И бывает, что вместе с ними мы возносимся до невообразимых высот.

Однако книжные Фантазии - это всего лишь праязык Мечты. Когда-нибудь люди поднимутся настолько, что научатся общаться с помощью самих грез, как это делают далекие солнечные создания, и тогда...

Человек снова взял ручку и склонился над рукописью:

"И тогда неисчерпаемые недра крохотных элементарных частиц, потрясающие миры далеких недоступных галактик и неиссякаемые кладовые наших душ откроются нам!.."

Верю, что это будет так же реально, как стало реальным само путешествие на Солнце. Это произойдет когда-нибудь...

Но сегодня для этого нужна самая малость - не терять то, что когда-то обрели...

На берегу небольшой извилистой речушки под высоким полыхающим звездным небом догорал костер...

..09 год

